

Александр Харипанчук

Берёзовый край
Избранные стихи и проза

Александр Харипанчук

БЕРЁЗОВЫЙ КРАЙ

Избранные стихи и проза

Москва
Издательство
Российского союза писателей
2023

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)
Х20

*В оформлении обложки использована
иллюстрация автора*

Харипанчук, А. В.

Х20 Берёзовый край : избранные стихи и проза / Александр Харипанчук. – М. : Издательство РСП, 2023. – 216 с.

ISBN 978-5-4477-3651-4

«Берёзовый край» – новая книга Александра Харипанчука. В сборник вошло более 140 произведений: философские, бытовые и лирические стихи, посвященные любимому человеку, а также продолжение приключенческой повести «Лунное ожерелье» и рассказ «Загадочное приключение на рыбалке». Автор пишет о жизни простых людей, о красоте родного края, затрагивает актуальные для современного общества темы.

16+ В соответствии с ФЗ № 436

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4477-3651-4

© Харипанчук А. В., 2023

СТИХИ

Вот и лето прошло

Вот и лето, взмахнув опалённым крылом,
В вышине над рекой растворилось.
Солнце греет чуть меньше, забыв о былом,
Ближе к осени к пашне склонилось.

Зелен лист, нет ещё красных брызг на кустах,
Не морозит ещё, но прохладно,
Лишь порой иней ранний блестит на лугах,
Испаряясь с утра деликатно.

День короче немного, но это пока,
Ночь навесит ещё мраком бремя.
Лишь луна диском ярким глядит свысока,
Продлевая чуть светлое время.

Полетит паутина в полях по жнивью
Оплетая стерню словно пухом,
На аллее лист первый прилёт на скамью,
А сады манят яблочным духом.

Бабье лето стучится, погодой манит,
Приглашает на ярмарку красок...
Чудесами осенними души сроднит,
Представляя фрагмент добрых сказок...

Народный праздник

Зима пришла, декабрь желает
Засыпать снегом всё вокруг,
К утру метелью забросает
Лес вдалеке, поля и луг.

Сугробов вдруг не обещает,
Не тот природный календарь.
Похолоданием страшает,
Но всё не то, что было встарь.

Лет сто назад декабрь был снежен,
Мороз трескучий люд пугал.
Но сдвиг погоды неизбежен,
Таков природный ритуал.

Для детворы блаженно время,
Каток блестит, лаская взор.
Такое вот младое племя,
С утра устроили сыр-бор.

Зима готовит быстры сани,
Снегурочке шьёт сарафан.
Тулуп для деда от Армани,
Чтобы порадовать землян.

Народ гуляет в день холодный,
Под ёлкой кружит хоровод.
Наш праздник, он давно народный,
Для всех желанный – Новый год...

Надеемся, что мир к нам возвратится

Война прошедшая на памяти у всех –
Россия не приемлет дух фашизма.
И слава Господу, что к нам пришёл успех –
Хлебнули за то время шовинизма.

Но вся история возобновилась вновь,
Бандеровцы лютуют по соседству.
Былую ненависть, злость, распри, нелюбовь
Их деды передали по наследству.

Бездарность правящей верхушки на земле
Доводит до абсурда и стяжательств.
Тяжёл, но справедлив исконный путь во мгле,
Не допустить бы изнутри предательств.

Даст бог, утихнет, перемелется беда
И русский мир, сплотившись, скажет слово...
Пришли товарищи, уходят господа,
Для большинства значение не ново.

Пренебрегая нынче скорбью матерей,
Война идёт и смерть вокруг кружится.
Опять уничтожаем дьявольских зверей,
Надеемся, что мир к нам возвратится...

Пороки...

Неразлучны с пороками, как нам без них,
Что отмаливать будем с годами?..
Набираем за жизнь много баллов штрафных,
Опясавшись болью, грехами.

Злость бушует порой, затаившись внутри,
Ждёт предлога, чтоб выйти наружу.
Здравый смысл смотрит трезво, твердит: не дури,
Я с тобой в жизни этой не сдюжу.

Но зачем здравый смысл, если есть шквал страстей,
Не всегда благородных порывов...
Долго спать по утрам, пищу есть повкусней,
Дождаясь извне позитивов.

Зависть жадностью дышит и ближних хулит,
Опасаясь предстать обделённой.
Отголосками душу внутри холодит,
Злобой дышит внутри затаённой.

Жизнь идёт, развращённость людская не спит,
Притаившись сидит, наблюдает.
Видит склонность к дурному, наносит визит,
Ясность мысли на время лишает.

Аномальную слабость природа дала,
Обозначив никчёмность природы.
Не проста жизнь людей на земле – тяжела,
Не хватает смирений, культуры...

Твой взгляд

Ах, любовь, умилённые ночи
Не дают мне спокойно уснуть,
А твои в темноте светлы очи
Так и манят, боюсь утонуть.

Повстречавшись случайно, неожиданно,
Судьбы наши навеки сплелись.
Изначально всё было туманно,
Но со временем в чувствах клялись.

Кто же сводит все пары на свете,
Разжигает огнём сердца?..
Очень много невест на планете,
Но ключи от семьи у Творца.

Годы, годы, ушли безвозвратно,
Пронеслись вы бурлящей волной.
Так хотелось на часик обратно –
Постоять, как тогда, под луной.

Как когда-то рукой гладить плечи,
Прижимаясь щекой к волосам,
И молить на ближайшие встречи,
Добродушность придав словесам...

Память прошлого грусть прогоняет
И действительность жаждет принять.
Всё как прежде твой взгляд вдохновляет
И как раньше готов окрылять...

Родимый край

С весёлым смехом утром шутит детвора,
Листовой сухой бросаются друг в друга.
Прошла сезонная рабочая пора,
Поля все чёрные, изведав плуга.

Деревья ярко разноцветием горят,
Лист кружится, вниз медленно спускаясь.
Стволы качаются, досадливо скрипят,
Кручинятся, под ветром прогибаясь.

Луга внизу, посеребрённые с утра,
На полнолуние инеем покрылись.
Порой бывает, что студёны вечера,
И дни в часах немного сократились.

Округа пахнет осенью, сырой травой,
На выгоне церквушка притаилась.
За нею хаты, во дворах стоит покой,
Здесь тишина с покорностью сроднилась.

Немноголюдно, поразъехался народ,
Деревня словно вымерла местами.
Сегодня как назло случился недород,
Схвастнуть нельзя обильными столами.

Душевный путь из давних, древних лет
Старался вывести нас на просторы.
Просторы есть, но больше стало бед
И жёстче с супостатом разговоры.

Мы прикипели сердцем, любим свою Русь,
Какой бы ни была она с годами.
Не все, быть может, скажут честно – я горжусь
Твоими, Родина, исконными делами.

Родимый, милый край, ты часто неказист,
Полатей нет в тех избах деревянных.
Завет от прадедов извилист и тернист
В своих трудах, заботах безустанных...

Вот и лето ушло

Вот и лето ушло, улетело туманными далями,
Безвозвратно предзимье уносится прочь.
Обложила погода всех грустью, печальями,
Не поймёшь на заре, то ли день, то ли ночь.

Затуманилось поле, лес тёмный с сырыми опушками,
Не видать грибников, отдыхающих нет.
На пригорке ряд сосен качает своими верхушками,
Посылая кому-то осенний привет.

На реке корка льда после ночи блестит, отражается,
Снега нет, но трава серебрится вокруг.
Солнце греет несильно, всё ниже снижается,
Не видать уже шустрых на ветках пичуг.

Ожидаем наметни снега, завыванья метельные,
Вьюг ночных, а с утра заметённых дорог.
Но пока серость дней, хмурость туч – сопредельные,
Будет длиться с зимой непростой диалог...

Напророчит декабрь наконец дуновения хладные,
В Новый год запланирует крепкий мороз.
Улестив, пригласит на три месяца бури нещадные,
Для себя подгадав сей колючий прогноз.

Превратности страстей

Который день дожди нам сердце надрывают,
Наполнили печалью, сыростью гнетут.
Деревья оголились, будто намекают,
Что холода и стужа вскорости придут.

Уходит тёплый день, и птицы улетели,
Сменили чернотроп на южные поля.
Леса без их порханий лёгких опустели,
Усыпана листвою промёрзлая земля.

В ночи холодный воздух над травой склонился,
Нагнав морозец свежий, луг посеребрил.
Под утро тонкий лёд на лужах появился,
А снег, паря вверху, под солнышком искрил.

С душевностью заблудшей грустные мотивы
Внутри на сердце давят, тяготят покой.
По вечерам порой закаты прозорливы,
Предвидя боль внутри нечаемой войной.

Утихнет ли вражда, события тревожат,
Пугает подсознание гибелью людей.
Да, новости порой судьбу стране итожат –
Не даст спокойно жить нам штатовский злодей.

Превратности страстей нам огорченья прочат,
А беспокойства в мире горести несут.
Душа скорбит по павшим, раны кровоточат,
От сих переживаний непомерно жгут...

Круговорот в природе

С утра галдит сверху пернатых стая,
Их крик протяжный грустью отдаёт.
Надеются, поспешно улетаая,
Что опыт предков их не подведёт.

Пришла пора родные палестины
На чуждый край за морем променять,
А милые для глаз свои равнины
На весь сезон придётся оставлять.

Заведено, круговорот природы
Диктует всем основы жития.
Нахмурит завтра и от непогоды
Набухнет враз промозглая земля.

Повалит снег, с метелями морозы
Накроют местность сказочной пургой.
Зашелестят вдруг жалостно берёзы,
Качая ветвь с замёрзлою слезой.

Завьюжит, заартачится погода,
Намёрзнет коркой толстой в реках лёд.
Овеет ветром зимним на полгода,
Пока не подойдёт весны черёд.

Попозже солнце выстрелит лучами,
Зарю встречая светом и теплом.
Но будет холодать ещё ночами,
Туманить дымкой утром за селом...

А там, глядишь, и птицы подспеют,
Закончится их долгий перелёт.
С крылатым хором рощи запестреют,
И вся округа мигом оживёт...

Стоят уже на грани, за чертой

Закат багряным заревом пугая,
Свои лучи, грозя, к земле послал.
Клик иволги, как будто причитая,
Минорным тоном над рекой звучал.

Жизнь беспокойна, ненависть с войною,
Покой душевный сумраком накрыл.
Над полосой туманной, фронтовой
Очередной снаряд для смерти взмыл.

Огонь страстей сменяется кручиной,
Год сорок первый вспомнился – гнетёт
И болью острой прямо под грудиной
От ужаса событий отдаёт.

Россию окружила волчья свора,
Воюют украинскою рукой.
Не подписали к миру договора,
А что сейчас, сейчас лишь только бой...

Накрыло незалежных истерией,
Не понимают, как им дальше жить...
Ведь были поголовно все с Россией,
Ну а сегодня жаждут всех убить.

Пугают Кремль и машут кулачками,
Стращают смертоносною войной...
Обвешанные по уши грехами,
Глумятся над народом и страной.

Ворует власть, обманывает всюду,
На Украине хаос с темнотой.
Но верят же, все верят словоблуду,
Стоят уже на грани, за чертой...

Нет выбора, приходится сражаться,
Давно пора заканчивать игру.
Принудить врага разоружаться,
Вашей гнать англосаксов, немчуру...

Надеемся, порадует природа

Прошли дожди, осенняя погода
Во всей красе раскрыла позитив.
Побаловал сегодня час восхода,
С утра округу в чудо превратив.

Лес вдалеке желтеет, цвет меняет,
Грибной сезон пришёл после дождя.
Как в первый раз всех осень удивляет,
Настрой души неистово будя.

Поля кругом озимыми покрыты,
Ковёр зелёный, выстланный к зиме.
Дороги, жаль, избыточно размыты,
С трудом телега движется к корчме.

У птиц облёт, сколачивают стаю,
Нелёгко будет долгий перелёт.
Без радости, наверно, улетают,
Но зов природный к югу их зовёт.

Надеемся, порадует природа,
Есть время насладиться красотой.
Мы любим в таком виде время года,
Которое приносит нам покой...

Референдум

Пришёл возвышенный подъём души,
Объединенье завершилось.
Российский мир раздвинул рубежи,
Часть регионов возвратилось...

Судьба с бедой – все восемь лет обстрел –
Донбасс осколками терзали.
Страдал народ, мучительно скорбел,
В огне, в подвалах проживали.

А Украина, русский род кляня,
Войну готовила, зверея.
Во лжи погрязла, правду хороня,
Людей, что с юга, не жалея.

Один народ, казалось бы, родной –
Отчизна, видно, не едина.
Политикой лукавой, обходной
Душила право славянина.

Но день настал, вернулись наконец
В объятья матушки-России.
Молился сталевар, ниц падал жнец
В знак благодарности мессии.

Голосование прошло вчера,
Сегодня бой за право наций.
Закончим быстро брань – пришла пора,
С фронтов ждём действенных реляций¹...

¹ Реляция – донесение о военных действиях во время войны, преимущественно о действиях собственных войск. – *Здесь и далее примеч. авт.*

Не осень в грусти нашей виновата

Ах, осень, тяжёлое бремя,
Дожди да туманы нам шлёт.
Настало печальное время
Для птиц – их гнетёт перелёт.

Земля переполнена влагой,
Дорога скверна, грязь кругом.
Лишь гуси спокойно ватагой
Плывут на пруду за селом.

Душевность зазря отдавая,
Жалеем, печалясь за всех,
Подчас о себе забывая,
Считаем, что чёрствость есть грех.

Живём и не помним о главном,
Обыденность сутью зовём.
В значении неравноправном
Как прежде груз тяжкий несём.

Зависимость душу мочалит
И сердце рвёт в клочья порой.
Внутри меж собою скандалит
И колет длиннущей иглой.

Ненастье всегда удручает,
Настраивает на печаль.
Всё так, жизнь спешит, улетает,
Становится чуть себя жаль...

И просим мы, просим погоды,
Всё ищет весёлый настрой...
Когда растворятся невзгоды,
То день вспыхнет вновь новизной...

Обыденность житейского процесса

Жил и живу в прекрасном граде Ливны,
Здесь много зим и вёсен повстречал.
По молодости мысли позитивны,
А впереди большой потенциал.

Любимой рвал сирень, дарил букеты,
От милых чувств огонь горел в груди.
Не пел, признаюсь, под окном сонеты,
Но был так счастлив с суженой в пути.

Жаль, время тает, годы улетают,
Жена, есть дети, внуки подросли,
Они заботой в жизни согревают,
Тепла под старость в быт преподнесли.

Обыденность житейского процесса,
Быть может, грусть навеет в день смурной,
Но не важны излишества эксцесса,
Ценна лишь суть с душевной чистотой.

Идут года, всё вроде как обычно:
Работа, дом и внутренний покой...
Со стороны как будто флегматично,
Но мы живём, довольствуясь судьбой...

Что же дальше

Подошло столкновение к краю,
Дальше крах всей бесовской стране.
Есть вопросы к вождю-краснобаю,
За что гибнут на этой войне?..

Государству грозит разрушенье,
Разоренье от собственных рук,
И в итоге наступит забвенье –
Неужели народ близорук?..

Запад манит, соря обещаньем
За их сытость смертями платить.
Украина своим содержанием
Будет вечно России вредить.

Разделились вконец регионы,
Выбор сделан, кто с Русью, кто нет,
И не будет уже середины,
Есть вражда и осколки ракет.

Может, всё же придут с покаяньем,
Исключат план Донбасс разбомбить?
Смотрит сверху Господь с состраданием –
За грехи ведь придётся платить...

Всё проходит, борьба поутихнет,
Миг в истории кровью залит.
Что же дальше, кто стелу воздвигнет,
Чьих героев на ней поместит?..

Русский мир, ты есть веха событий,
Проиграв, дашь мандат сатане,
И не нужно наивных прикрытий,
Лишь победа важна на войне...

Замирает природа

Птичий вихрь кружит днями с утра в небесах,
Начиная полёт за пригорком.
Заискрил разноцветьем вид яркий в лесах,
Словно холст, чудно вытканый шёлком.

Не морозит сейчас, но от инея след
Синим цветом по лунной дорожке,
Где маячил во тьме, уходя, силуэт
Не в сезонной обвисшей одежке.

Без душевных порывов, задумчивых слёз
Провожал он тепла отголоски.
Осень жалуется часто нам сумрачность грёз,
Больше чёрные в жизни полоски.

Задышала природа прохладной средой,
Облака стали вдруг кучевые.
Ночь темна без луны, день без солнца смурной,
А порой и дожди проливные.

Ещё радуется солнце искрящим лучом,
Теплотой пополудни ласкает.
Красный лес заалел вдалеке кумачом,
Скоро листья вокруг разбрасает.

Осень поздняя сердцу приносит печаль,
Но винить её не за что вроде...
Просто дождь на дворе, и себя что-то жаль,
Да и силы уже на исходе...

Видно, свыше дают установку

Прикрывая от стужи свои телеса,
Забываем согреть свою душу.
Что-то долго чернеет моя полоса,
Привлекая невзгоду и стужу.

По стезе в дальний путь нас ведёт поводырь,
Отклоненья считаются крахом.
Для неё, для души, верный путь – монастырь,
Но для сердца быть скучно монахом.

Так и мечутся – сердце, бунтуя, кипит,
Отдаваясь внутри жуткой болью,
А душа то утихнет, то вдруг закричит,
Несогласная с грешною ролью.

Отдохнуть бы желательно, но недосуг,
Нет привала на миг отдышаться.
Всё идём, непонятно, какой уже круг,
Не боясь со спирали сорваться.

Так подвластно ли нам выбрать частный маршрут,
По желанью сыскать остановку?..
Мы не знаем порой, кто, зачем нас зовут,
Видно, свыше дают установку...

Судьбу не обмануть

Да вроде и не жил, а глядь, уже седой,
С надрывом перевёрнута страница.
Сижу на пенсии, бредут дни чередой,
Маршрут: киоск, аптека и больница.

Висок посеребрён, и мысли вдаль ушли,
Остаток жизни крошится кусками.
Не виден дальше путь, тропинки заросли
С намёками, финал не за горами.

Мысль возвращается и теребит процесс,
В мозгу идеи ищет, результаты.
Надеется скорей зажечь внутри прогресс,
Но там пока идут одни дебаты.

Ещё один этап по жизни покорён,
Но старость здравый смысл страшит годами.
Ум понимает суть, что дней срок предрешён
Вселенским разумом, не докторами.

Смирение внутри покой нам принесёт,
Настроит дерзкий ум на безмятежность.
Но где же истина, предъявленный всем счёт?..
Или, быть может, есть и здесь погрешность.

Разбередило душу, но не сломлен дух,
Нас тяжестью веков не испугаешь.
Язык людской судьбы безжалостен и сух, Не бесконечна
жизнь, судьбу не обыграешь...

Такая сущность, что ни дать, ни взять и не отнять

Привыкла к хамству западенская душа,
Что не по ней, горланит на майдане,
А там своей природной хитростью греша,
Не забывает о своём кармане...

Ложь, видно, стала неотъемлемой внутри,
На Украине без неё не мыслят.
Воздействовать враньём, свои есть технари,
Всю правду, что как есть – назло зачистят...

Про надувательства уж лучше промолчать,
Не обмануть – истрачен день напрасно...
А главный принцип – просто так пообещать
И чувствовать в дальнейшем распрекрасно.

Такая сущность, что ни взять и не отнять,
Считают, что верны в своих деяньях.
Привыкли всем вокруг лукавить – сочинять
И необузданны в своих желаньях...

Пора пришла закончить эпопею

Всё больше слышим мы дыхание войны,
Тревожны стали с запада посылы...
Беснуются во лжи лакеи сатаны,
Кругом разлад, разруха и могилы.

Момент настал спросить бандеровскую власть,
Почто низвергли в прах вы Украину?..
Она, та власть, жирует нынче всласть,
Народ же мрёт в тяжёлую годину.

Узнать у них, где недра, фабрики, земля,
Зачем солдаты даром погибают.
Страна разграблена, одни лишь векселя,
Дорогу в ад соблазном устилают.

Поляк с Литвой как псы да англосаксов рать,
Помочь пытаются лишь в обещаньях.
Никто не собирается за вас страдать,
Вся суть для них в расчётливых деяньях.

У части украинцев ненависть к Руси,
Внушённая веками ахиня...
Демилитаризация – и нет другой стези,
Пора пришла закончить эпопею...

Раздумье

Мне с утра небо доброе слово шептало,
Сберегая в душе теплоту снов ночных.
Сердце билось в восторге, внутри замирало –
Дождалось наконец откровений скупых.

Мы намёки извне не совсем понимаем,
На себе примеряем, пытаюсь познать,
Спозаранку не спим, душу вздором терзаем,
Умных знаний внутри не вольны прочитать.

Скорых мыслей полёты стреножить не в силах,
Те умчались из прошлого сразу вперёд.
Закалённые временем в жарких горнилах
Ищут грустный иль с радостью нам эпизод.

Чем мы старше становимся – больше томлений,
По былому печалимся, ночи не спим.
Нам диктуют держаться духовных смиренней,
Но мы так и не знаем, чего же хотим.

Что, душа, для чужих ты не свет, а потёмки,
Ну и как нам всё это внутри удержать?..
Расплываются в памяти фактов обломки,
С каждым днём их трудней воедино собрать...

Жизненный маршрут...

*Жизненные маршруты разные,
и у каждого своя конечная остановка...*

Волнением переполнена душа,
Ах, молодость, как быстро пронеслась.
Сейчас иду под горку не спеша,
Со стороны – как будто волочась.

Ум заострился мыслью не упасть,
Финальные движенья нележки.
Пропала, улеглась сонливо страсть,
Не тянет в ясный день на пикники.

Судьба, судьба у каждого своя,
Кто нашу жизнь поможет оценить?..
Не хочется суждений из вранья,
За все грехи придётся заплатить.

Подняться тянет выше, к небесам,
Оттуда за собой понаблюдать.
Вернуться бы немного по следам,
Но не позволит время отступить.

Вперёд спешим и смотрим смело вдаль,
Команду свыше трудно отменить,
И всем плевать, что дальше лишь печаль,
Маршрут другим путём не завершить...

Осень общие планы диктует

Август месяц раскрылся дарами,
Урожаем с полей и садов.
Каждый день ценен нынче делами,
Наполняемостью закровов.

Есть надежда, что будут все с хлебом,
В огородах полно овощей.
Непогода, что послана небом,
Растревожила мысли людей.

Дождь проходит, спасибо, что быстро,
Осенил себя фермер стократ...
Небо к вечеру звёздно и чисто,
На погоду вечерний закат.

Осень общие планы диктует,
Не таясь смотрит жёлтый сентябрь.
Он пока с концом лета флиртует,
Поджигая в ветвях канделябр.

Рассветает, люд сельский волнует,
Дымка влажная низом ползёт...
Здравый смысл, против мги протестуя,
Светлый день предрекает и ждёт.

Поздравляем любимую внучку

Любуюсь внучкой, праздник на душе,
Для дня рожденья время наступило.
Минуло девять, взрослая уже,
Младенчество с большой водой уплыло.

В чём причина плохих отношений,
Не смекнёт работяга хохол.
Пережито так много лишений,
Мятежей, тёмных смут и крамол.

Поле боя сейчас у порога,
Загнан танк на соседний балкон,
Разве в этом и есть перемога,
Что разрушен ещё регион.

Города, кто вас выстроит снова,
Соберёт кто в кустах лепестки.
Государственность вновь нездорова,
Да и будут ли жить по-людски?..

Запад руки потёр, он доволен,
Меньше русских останется жить.
Наплевать, что Донбасс обездолен,
Их задача карманы набить.

Беспокойство, одно беспокойство,
Разделённый народ приуныл.
Для чего убиенным геройство
И кому украинец служил?..

Кто не даёт нам просто жить?..

За быстротой душевных перемен
Не видим главного, суть упуская.
Страшимся часто истинных подмен,
Свои амбиции в ночи терзая.

Судьба даёт рачительности срок,
Доводит каждый день до исступленья.
Заканчивая жизненный виток,
Уносит все желанья и влеченья.

Нащупав нить, бежим вслед за клубком,
Ах, Боже мой, быстрее откройтесь дали...
Сбиваясь с толку, падаем ничком,
Поднявшись, признаём, что подустали.

Душа ворчит – пусть разум воцарит,
Не понимая точных цифр закона.
Ругается, неистово кричит,
Не находя по жизни эталона.

Немного поднатужиться велит –
Но голос внутренний не так считает,
По-своему свободой дорожит
И подсознательно дух одобряет.

Не вечно будем мысли ворошить,
Оставим их, когда придёт кончина...
Проблема в чём – давайте просто жить,
Сидя вдвоём у тёплого камина...

Так что потом?..

Мир мчится вниз, сломались тормоза,
Перемешались в голове нейроны.
Грохочет в небе – это не гроза,
А бьются на полях дивизионы.

Пока на Украине, что потом,
Как глубоко прогнил наш мир развратом?..
Господь, не допусти у нас Содом,
Поддай сигнал к сплочению набатом.

Сам Запад весь по массе невелик,
Рассадник зла не так и многолюден.
С Россией был спокон веков двулик,
Непостоянен, жаден и паскуден.

Вот так и жили, мир сменял войну,
Из года в год враждебность нагнеталась.
Когда и где мы дали слабину,
Что НАТО, обнаглев, в дверь постучалась.

Пытался Кремль безумных вразумить,
Депеши слал и делал заявленья.
Но США с Европой вздумали грозить,
Не ведая российского движенья.

Так что потом, вопросы в пустоту,
Ответов нет, одни предположенья...
Как трудно доказать нам правоту,
Не избежав великого сраженья...

Непогода

Задождило, в полях затуманилось,
Колос хлебный набух от воды.
Непогода с утра разбуянилась
В самый срок хлеборобной страды.

Люд крестьянский глядит сокрушительно,
Хмурый день опечалил их взгляд.
Тучи, в небе сгустившись решительно,
Грозовой вызывают разряд.

Для природы дожди – упоение,
Влага ей чрезвычайно важна,
Ускоряет растениям движение,
Но мешает уборке зерна.

Заигралась погода-проказница –
Время жатвы озимых пришло...
По приметам назавтра прояснится
И придёт светлый день на село...

Деревенская жизнь хлопотливая,
Допоздна целый день на ногах.
То засушливая, то дождливая,
На мужских да на женских плечах...

Одинокая скамейка

Одинокая скамейка,
Стылая земля,
Ах, судьба моя злодейка
В тучах ноября.

Обветшалый дом над речкой
На бугре стоит.
Не согреешься там свечкой,
Счастье, что горит.

Замочило, дождь холодный,
Льёт как из ведра.
Вечер хмурый, неугодный,
Вьелся до нутра.

Поневоле, не с охоты
Век свой коротал.
В жизни были развороты,
От судьбы устал.

Безысходность, безысходность,
Ночи в кутеже.
Лет прошедших мимолётность
Тяготит в душе...

Р. С.: Уважаемые и дорогие сердцу моему читатели, все образы героев в моих стихах собирательные и не имеют отношение к автору.

Куда спешим?..

Куда спешим, стремимся, ум терзаем,
Что жаждем мы увидеть вдалеке
И почему неистово страдаем,
Держа синицу в поднятой руке...

Всё ищем, ищем в жизни разъяснений,
Куда идём, зачем и почему.
На этот счёт в умах так много мнений,
Но все концепции в густом дыму.

А нужно ли искать, что не теряли,
Не лучше ли прикрыться естеством...
Но здравый смысл с пытливостью шептали
Лишь только в достижениях торжество...

Суть человека в мысленном полёте,
В стремлениях запретное познать.
Но, не сажав зерна, вы не пожнёте,
Не данное нам трудно постигать...

Настало утро, время растворилось,
Лавина мыслей унеслась вперёд,
Тревожу свою память, что же снилось,
Что на сегодня день нам принесёт?..

Кто виноват...

Рисует карандаш деревья и поля,
Церквушку, на отшибе что стояла.
Пустынная на вид, заброшена земля,
Смотрю на всё – тоска вдруг обуяла.

Запущен светлый сад, чуть дальше ковыли,
А над оврагом домики ветшают.
Внизу журчит река, заросшая вдали,
Да ветры с дюн округу обдувают.

Родная наша Русь, кормилась ты землёй,
С мотыгой и сохой вовек сроднилась.
С немислимым укладом и своей стезёй
В который раз безропотно смирилась.

Кто виноват вчера, извечный наш вопрос,
Научный люд не выдвинул критерий.
Молились в девяностых, не помог Христос –
Таков финал влиятельных империй.

Исчерчен белый холст, безрадостный пейзаж,
На нём отобразилось запустенье.
Разбросан сельский скарб, сготовленный багаж,
Но некому послать благословенье...

Часы бегут стремительно вперёд

Навеяло прохладным вечером тоску,
Смотрю в окно, тень ласточек мелькает.
Пришла пора идти на речку рыбаку,
Спустилась ночь, день тихо отступает.

Луч солнца, заискрившись, быстро вдруг угас,
Накрыло маревом овраг зелёный.
Невесел стал и луг, взгрустнувший в тот же час,
Стоит внизу, туманом задымлённый.

Затишье лишь под утро принесёт покой,
В округе всё живое засыпает.
Луна, на миг прозрев, швырнула свет скупой,
Величественно с высоты взирает.

Недолго длится летом промежутки сна,
Глаза прикрыл на миг – уже светает,
С востока полоса огнём зажжена,
И мрак, поблекший чуть, как будто тает.

Часы бегут вперёд, забылся прошлый день,
Спокойствием ход времени пугает,
А прошлое не спит, идёт вслед будто тень,
Вдруг ни с чего безрадостно вздыхает...

Забрезжил свет

Открыл закрытое окно –
Пусть свежесть дрёму разгоняет.
Забрезжил свет, ещё темно,
Но ночь поспешно отступает.

Ах, ночь, сроднились мы с тобой,
Так много мыслями делились,
В потёмках вслух между собой,
Такие разные, сдружились.

Придёт заря, настанет день,
Что принесёт он с солнцем ярким?
Рассеет тень, через плетень
Накроет плоть огнём жарким?..

А жизнь бежит стремглав вперёд,
Вчера ушло, наступит завтра.
Приходит нам уйти черёд
С подмостков вечного театра.

Проворный бег календарей
Нас огорчит на миг лишь только.
Под старость горизонт видней,
Но на душе порою горько...

Окно...

Окно – весь мир у стариков,
С утра до вечера взирают,
Укутавшись от сквозняков,
Порой здесь просто засыпают.

По молодости день светлей,
А ночи – сжатые в пространстве.
В сознании полно идей
И осуждение в упрямстве.

Что им сейчас – вид из окна
Да смена чередой погоды,
Протесты мыслей допоздна
Да в памяти былые годы.

В пылу страстей среди людей
Так часто видим одиноких.
С друзьями встречи у врачей,
Да и не стало уже многих.

Идут года, жизнь – карусель:
Подъёмы, взлёты и сниженье,
Вчера весенняя капель,
Назавтра может быть забвенье.

Проходят дни, что впереди?..
Вопрос остался без ответа...
Который день идут дожди,
А хочется побольше света...

Капельки росы

День, отшумев, затих слегка,
Жара томившая чуть спала,
Садится солнце, ночь близка,
Своих послов из тьмы прислала.

Зарделось солнце на заре,
Открыв проход в земле усталой,
Вверху, в заоблачной игре
Балует луч с полоской алой.

Смеркается, округлый диск
Всё ниже заревом пылает,
Красиво здесь, но без изыск,
Природа сутью впечатляет.

Сад приутих, акаций тень
От лунных бликов расстелилась.
Деревьев у тропинки сень
Под светом бледным притаилась.

На листьях капельки росы,
Спустивших с высоты, искрятся,
Печали утренней слезы
С восходом солнца растворятся...

Людская будней суета
Уляжется к глубокой ночи.
Луна во тьме, как сирота,
Холодным телом день пророчит...

Одни предположенья...

Года проходят чередой,
Грустить о прошлом заставляют,
В коленях боль, висок седой,
И возраст старостью стращает.

Промчится день, настанет ночь,
Во сне дорога в даль маячит,
Пытаюсь тяжесть превозмочь
И разгадать, что это значит.

Вчерашним чувства теребя,
Действительность мы забываем.
Дни безвозвратно торопя,
Все к этой мысли привыкаем.

Горюем часто, а зачем,
Что нас тревожит и печалит?..
Вопрос этических дилемм
Всю душу напрочь измочалит...

Нам скорость жизни не унять,
Не задержать, не обозначить.
Хочу всю суть до дна понять,
Кого вопросом озадачить?

Но дни идут, ум ищет путь,
Который даст нам разъясненья,
Пытаюсь дальше заглянуть,
А там одни предположенья...

На Украине был Донбасс...

На Украине был Донбасс,
Есть Львов, Житомир и Тернополь.
Есть злость на власть народных масс,
И весь в руинах Мелитополь.

Раскол в сердцах людей в стране
Случился с прихоти Европы,
Зажгли майданами извне –
На русский мир пошли поклёпы.

Во злобе тридцать лет к Кремлю
Вся Украина находилась.
Все отношения к нулю
Свести с Россией умудрилась.

За второсортных земляков
Считали жителей Донбасса,
Шахтёров, сельских казаков
Лишали выборного гласа.

Стреляли, жгли все восемь лет,
Чинили храмам осквернение.
Ввели для русских школ запрет,
Плевали на людское мнение.

Век зазеркалий наступил,
Власть ставит злую клоунаду.
Где злобный клоун не щадил
Народ, страну, с квартала Раду.

Пришли к разрухе, что потом...
Война же кончится когда-то...
Осенят ли себя крестом,
Простит ли человек собрата?..

Молитесь те, кто истреблял,
Разрушил неньку – Украину,
Кто эти годы озлоблял,
Терзал, рвал душу славянину...

Май месяц...

Май приукрасил лес листвою,
Деревья в зелени стоят.
Луга бушующей травой
Надолго свежесть сохранят.

На клумбах розы, васильки,
Ромашки выстроились в ряд,
Привадив пчёл, чьи хоботки
Свершат таинственный обряд...

Дворы в причудливых цветах
Благоухают в час ночной,
А трели соловья в кустах
Накрыли сладостной волной.

Нам майских дней не позабыть,
Черёмух цвет и пряный дух,
Хочу один в саду побыть,
Цикадами потешить слух.

Непредсказуемо красив
Зардевший вечер на заре,
А день, к ночи, нетерпелив,
Умчал на огненном коне.

Придёт июньская жара,
Пожухнет луговой массив.
Прохлада, что была вчера,
Уйдёт, блаженство подарив...

Что ещё у судьбы попросить...

Дай, судьба, мне спокойной дороги,
Близким людям здоровья пошли.
Пусть надежду подарят мне боги,
Светлой жизнь нарисуют вдали.

Не оставь в этом хлопотном мире,
Помоги выбрать правильный путь.
Дай мне сил не зависнуть в трактире
И не дай ближним горя хлебнуть.

Попрошу я семейного счастья
И здоровья на множество лет.
Уберечь всех родных от ненастья,
От несчастий и горестных бед.

Размышляю и время пророчу –
Что ещё у судьбы попросить.
Лишь одним я её озабочу,
В старость медленнее уводить...

Рассмеялась судьба мне надменно,
Жизнь продлить для тебя не смогу.
Принимай неизбежность смиренно –
Ярких искр твоему очагу...

Загорелась заря на востоке...

Загорелась заря на востоке,
Луч скользит по полям и лесам,
На реке в лучезарном потоке
Брызги взвились к самим небесам.

Исподволь после ночи короткой
Убыстряется в хлопотах день,
Ветерок своей тоненькой ноткой
Прогоняет скопившую лень.

За заботами день пролетает,
Вот и солнце склонилось к земле.
Живописностью душу щипает,
Пессимизм растворяя во мгле.

Как всегда, красотой природы
Наслаждаются люди вокруг.
Но порой грустных лет эпизоды
Раскрывают житейский недуг.

Песни в сёлах уже не поются,
Вечерами не плачет гармонь.
По ночам чаще совы смеются,
А из окон не светит огонь.

Поутихли в деревнях забавы,
Молодёжь покидает село.
Изменились старинные нравы
И забылось сельхозремесло.

Заросло родовое селенье,
По низам лишь бурьян да осот.
Вот, казалось, прошло лишь мгновенье,
Но у жизни несхожий подсчёт.

Жизнь идёт...

Вот и май, зацветает округа,
Зеленеют деревья вовсю.
Поле дышит, изведав сталь плуга,
А в пруду вольно жить карасю.

Солнце нежно ласкает лучами,
Запестрели цветами сады.
Речка сузилась вновь берегами,
Отгремели весенние льды.

Птичий гвалт поутих на деревьях,
Недосуг, строят гнёзда птенцам.
Подустали в заморских кочевьях,
Самки жмутся к пернатым самцам.

Жизнь идёт, всё живое проснулось,
Сделал круг возрастной календарь.
Ни с чего вдруг немного взгрустнулось,
Унося мысли мрачные встарь.

Пережитое тянется рядом,
Прежним временем дышит вослед,
Наполняя порой рюмку ядом,
Отстраняясь от частных бесед.

Занеможилось, сердце с надрывом
Разгоняет с усилием кровь.
Прошлым жив я в миру сиротливом,
Возвращаясь туда вновь и вновь...

Забрезжил день...

Уйдём когда-то мы отсюда вдаль –
Как странно, все проснутся, а нас нет...
Коснётся ли кого по нам печаль,
Заметят ли знакомый многим след?..

Забрезжил день, и тихий ветерок
Прохладу с ночи поверху унёс.
На горизонте солнца ободок
Отбросил тень от заспанных берёз.

Людские мысли свежесть обретя,
Настроились на длительный полёт.
В ком посерьёзней, у кого шутя
Затеяли в годах переучёт.

На сколько лет продолжится наш век,
Непредсказуемы гадания извне.
Да, слаб, недолговечен человек
И хлопотлив в житейской беготне.

Но что с того от наших смутных дум –
Мы не изменим безрассудный бег,
А воспалённый и кипучий ум
Сыскать не в силах безмятежный брег...

Вся жизнь идёт в заботах бытовых,
Непредсказуемость стращает суть.
Закат зарделся в тучах огневых,
Сказав тем самым: мир, не обессудь...

Родина одна...

Человек без родины – это песчинка,
отданная на произвол случайностям времени
и пространства.

Жан-Батист Лакордер

Не хайте Родину погаными речами,
Не оскверняйте памяти отцов.
Не хвастайтесь от недругов дарами,
Народ не любит подлых беглецов.

Зачем же изменили вы Отчизне,
Что вас сподвигло Родину предать?..
Подверженных душевной укоризне
Негоже за своих вас признавать.

Вам предстоит с чужбиной повстречаться,
Там по берёзкам сердцем унывать,
По вечерам понять судьбу пытаться,
Внутри с самим собою бунтовать.

С тяжёлых снов под утро просыпаться
И думать, почему здесь и зачем.
На фото с видом Русью любоваться,
Не разгадав душевных теорем.

А что по мне – люблю свою отчизну,
Нет помысла куда-то убежать.
Пойду вперёд, от боли зубы стисну
За правду, за Россию честь держать...

Земля родная силы прибавляет
И сберегает душу от тоски.
Ведёт по жизни, сутью разъясняет,
Хотя шаги порою нележки.

Порассуждав, три крат перекрестился –
И вспомнил, как пословица гласит;
Как хорошо, что здесь я пригодился –
А здравый смысл, даст Бог, не возразит...

Эпилог

До сей поры сородичами чтился,
Но в трудный час в злословиях погряз.
«Там, где родился, там и пригодился» –
Пословица вам вспомнится не раз.

Проходят дни...

О прошлых днях стараюсь не грустить,
Минувшее назад не повернуть.
Но то, что было, нам не позабыть,
Самих себя вовек не обмануть...

Цепляясь за прошедшие года,
Былое нас задумчиво влечёт.
Но всё ушло, уплыло навсегда,
Пошёл на спад наш быстротечный взлёт.

Кого винить, что жизнь так коротка,
Рачительность присуща мудрецам.
Да, жизнь как миг и старость уж близка,
Ждёт платежей с печалью по счетам.

Проходят дни в житейской суете,
Пришёл закат, так ярко солнца круг,
Рисуя, будто краской на холсте,
Искристым заревом вечерний луг.

Красиво здесь, не надобно нытья,
Не накликайте жалобой беды,
Здесь так приятно к ночи у ручья
Сидеть вдвоём с любимой у воды.

Игра огней и запахи травы
Раздели душу будто догола...
Однако мы порою так правы,
Что наша жизнь чудовищно мала...

Заблудшая душа

Нет внутри светлых чувств
От твоих скверных дел,
Не скрывай самодурств,
Час прозрений назрел.

Темнота непогод
За тобою брела,
Много бед и невзгод
Ты другим принесла,

Затерялась душой,
Совесь блудит впотьямах,
Мир внутри нажитой
Превращается в прах.

Светлых действий благих
Дух твой зреть не хотел,
На несчастье других
Он с ухмылкой глядел.

Насладилась сполна,
Наигралась судьбой
И осталась одна,
Обнимаясь с тоской...

Эпилог

Постепенно с годами твой взгляд чуть прозрел,
Время шло, ты в надежде ушла от греха,
А с небес светлый лик с состраданием смотрел –
Призывал он к добру; но была ты глуха...

Социопаты...

Прошу покорнейше простить за мой памфлет¹,
Но травят желчью нас порой социопаты².
Вот так сложилось, есть такой менталитет,
Где не пугает в душах совести утраты...

(Беседа с человеком, у которого нет совести)

Ну что сказать тебе, мой милый собеседник,
Послать куда-то вдаль, откуда нет дорог?..
В своих речах мне ясно видно, что ты сплетник,
И мне не нравится лукавый твой подлог.

Твоё общение – в лицо мне желчью брызгать
И сеять зёрна злобы, хамство вознося.
У вас, любезный друг, есть цель здесь суть замызгать,
Всё извратив, нещадно истину гася.

Мы разные совсем в суждениях и во взглядах,
Совета не даю, не маленький, поймёшь.
Завравшийся совсем, погрязший в клоунадах,
Я думаю, ты ложь за правду выдаёшь.

¹ Памфлет – художественно-публицистическое произведение остро осуждающего характера, создаваемое с целью социально-политического обличения кого-либо, чего-либо.

² Социопат – это человек, генетически лишенный совести.

Не вижу явный прок в бессмысленных дебатах,
Ищу в беседах фактор, может быть, учёшь...
Причина точно есть, она в социопатах,
Но сразу кто есть кто – подчас не разберёшь...

Веду с собой душевный диалог...

Задумавшись у летнего окна,
Грустит поэт у замкнутого круга.
Порой весь день и ночи допоздна
Проводятся в тиши часы досуга.

Весь в поисках, как образность стиха
В основу с рифмой слогом обозначить.
Листов тетрадных рядом вороха,
Но тянет, тянет суть переиначить.

Свершаются великие дела,
Любовь людей на подвиг увлекает.
Вот и весна – округа зацвела,
Пиши, мой друг, природа оживает...

Не пишется, внутри сидит вопрос,
Кому всё это нужно, кто читает?..
Не слышен от народных масс запрос –
А кто-то с негативом осуждает...

Гнетущих мыслей не преодолеть,
Ум рассуждает жизненною прозой,
Пытается аспект пересмотреть,
Оправдывая смысл метаморфозой.

Но время души лечит и зовёт
Идти вперёд по жизненной дороге.
Судьба подчас лукаво подмигнёт
И скажет: перемелется в итоге.

За всем за этим вихрей круговерть
Сменяет полосы от чёрной к белой.
Нащупав под собой земную твердь,
Пиши, не рассуждай, строкою зрелой.

Проходит всё, и грусть твоя пройдёт,
Запечатлеть сумеи свои порывы.
Всем по делам к концу предъявят счёт,
Убавь печаль, строчи свои курсивы...

Ненадёжный переговорщик...

Переговоры проводить – зачем?..
Ненужное, никчёмное занятие.
Используются планы хитрых схем –
Пустое для РФ мероприятие.

На встречах изворотливость речей –
Да и одежда больно несуразная,
В своих желаньях с каждым днём наглей –
Политкорректность их своеобразная...

Так в чём же суть беседы ни о чём,
Донбасс нервозно затаил дыхание.
Замучен был он восемь лет огнём,
За что же им такое испытание...

Сегодня там сплотился весь народ –
Маячит для врага капитуляция.
Наступит окончательный исход –
Нацистов по стране утилизация...

Беснуют разжигатели войны,
Всё шлют и шлют оружие, безбожники.
Кому, зачем, ведь ВСУ страны,
Отбросив честь, народ взяла в заложники...

Злорадствует заокеанский «брат»,
Мы их зовём с недавних пор «партнёрами».
Европу вмиг тотально истощат
Обманами, испугом, уговорами.

Европа будто слабая умом,
Не хочет понимать ходы Америки,
В иллюзиях, в гипнозе групповом
Свихнулась напрочь от рубля в истерике.

Да пусть живут, их нравы нам претят,
У нас в стране своё мировоззрение.
Мы верим: канонады отгремят,
Начнётся в свою гавань возвращение...

Вот и всё...

Вот и всё, улетели снежинки,
Тёплый день держит холод в ночи.
Целый день на полях без запинки
Всё кричат, подняв крылья, грачи.

Нет возврата к прохладе, морозам,
Весна смело вступила в права.
Попустительски к зимним угрозам,
Дерзко бьётся наружу трава.

Мир пернатых кричит оголтело,
Занимая на ветках места.
Оттесняет соперников смело
Рассердившая птичья чета.

Облака, что снегами бросались,
Потемнели от капель дождя
И всё ниже и ниже снижались,
Намочив твёрдый наст погода.

Да, настало приятное время,
Запестрел людьми утренний двор.
Позабудется зимнее бремя,
И пойдёт деловой разговор...

Что потом...

Поредела шеренга друзей,
Кто ушёл, а кто чуждым остался.
Стали дети и внуки взрослей,
Возраст вдруг ни с чего постучался.

Жизнь меняется, больше грустим,
Растворились мечты, увлеченья.
Неподвластен опасный экстрим,
Надоели пустые общенья.

Засыпаем в ночи по сто раз,
Просыпаемся, словно не спали.
День прошёл, будто был один час,
Стали помниться больше детали.

Округляются даты времён,
Тех, которые вмиг пролетели.
Вспоминается много имён,
Они так же, как мы, постарели.

Что потом, дымка образных дум,
Рассуждений, всё больше дотошных...
За окном вид всё чаще угрюм,
Нету дел по весне неотложных.

Невозвратность великих потерь
Часто грусть и печаль навевает.
Приоткрыта в неведение дверь,
Что за ней, кто от нас всё скрывает?..

Светлый день, несмотря ни на что,
Свой рассвет поутру разжигает.
Луч от солнца сорвался с плато,
Тягу к жизни с зарёй посылает...

Старость мудростью дышит

Я закрою глаза, детство к речке зовёт,
Манит тропкой извилистой книзу.
Там, где травы в полрост и ракита растёт,
Наклоня зелёную ризу.

Сердце треплет в груди, нагнетая тепло,
Разливаясь по огненным венам.
В голове бродит мысль – ввысь её понесло,
Побуждает извне к переменам.

Открывается мир, про который не знал,
Он пугает, внося потаённость.
Отрешённость внутри, думать вслух перестал,
А в глазах от невзгод отчуждённость.

Разсуждаем всю жизнь, мнений разных не счесть,
Не хватает мирского познания.
Кто решает за нас – кому благо и честь,
А кому за грехи испытанья?..

Старость мудростью дышит, но вдаль не влечёт,
Созерцает рассветы, закаты.
Жизнь представила возрасту смолоду счёт,
Разложив по годам постулаты.

Злободневность проблем

Обложили Россию, они или мы
Будем жить на свой лад в этом мире.
Застилают границы отчизны дымы,
С каждым днём всё темнее и шире.

Тяжело начинать, разгребая застой, –
Загнивающий Запад беснует.
Обрести будет трудно душевный покой,
Пока нечисть с огнём марширует.

Неспокойно внутри, государственный строй
Подрывают все недруги мира.
Новый свет озверел, всем грозит война –
Жаждет ворог кровавого пира.

Злободневность проблем нам диктует разрыв
С той Европой, что тянет к регрессу...
Не пора ли готовить пакет директив
С предъявлением исков к конгрессу.

Цель дана защитить все свои рубежи –
Независимо жить на планете...
Обличить наконец супостата во лжи,
Закрепив своё *право* в декрете...

Заснеженный март

Март вострепнулся, в снежной карусели
Завьюжил всю округу поутру.
Остановились с крыш идти капели,
Продрогла птичья стая на ветру.

Надолго ли природные качели
Затянут календарную весну.
С тревогой зеленыя наверх глядели,
Под снегом очутившиеся в плену.

Дороги хлябью мокрою покрылись,
С трудом подвода тащится к селу.
Ручьи с бугров давно перебесились,
Сыскав у ребятишек похвалу.

Сковало наст, хотя не ожидали,
Что всё вернётся к колким холодам.
Грачи в полях встревоженно кричали,
Направив взгляд свой к зерновым складам.

Который день свирепствуют морозы,
И нет исхода в сроках у зимы.
Хотелось бы нам всем весенней прозы,
В садах увидеть тёплые дымы...

Выбор

Пусть простит меня благодушно читатель за резкость и откровенность строк, но настало время гражданам определиться, какими ценностями жить, западными или ценностями своей страны, которая называется Россия, нельзя делать из России кормушку для личных обогащений и в то же время нещадно поливать её грязью.

Настал тот час, когда простой народ
Желает перед трудностью сплотиться.
Сейчас не время жить внутри вразброд,
Бездействовать, гулять и веселиться.

День потрясений разделил страну
На тех, кто за, и тех, кто громко против.
Все те, кто против, подняли волну,
Стоят гурьбой с плакатами напротив.

Дремал всё время сытый пацифист,
Когда Донбасс все восемь лет бомбили,
И не похоже, что он альтруист,
Возможно, ему просто заплатили...

По выкрикам – слова любви к стране,
Гуманность и широкие мотивы...
Но ниточка, что тянется извне,
Даёт сигнал разворошить архивы...

Реальность жизни нынче такова,
Где больше благ, там и земля родная.
Воспринимаются одни права,
Обязанности напрочь забывая.

Но прост ответ – здесь жизненный расчёт:
Кто возмущался, все живут богато,
В Европе дом, фазенда, крупный счёт,
Вот и кричат с надрывом, наглогато...

Тревожные мысли

Тревожит мысль, доверился перу,
Мне кажется, я всех не понимаю.
Окрестность дышит светом поутру,
А я пишу, ей слогом помогаю.

Чем старше, тем критичнее смотрю
На окружающих и их посылы.
Всё чаще за их нрав слегка корю,
Устал переживать, уходят силы.

Так в чём же дело, что меня гнетёт,
Откуда непомерная тревога?..
Проходят ночи в мыслях напролёт,
И снится вся в колдобинах дорога.

Нависла тень, вот-вот грядёт война,
Она была, случится беспощадней...
За тридцать лет соседняя страна
Познала власть и стала кровожадней.

Сменились идеалы у неё,
Забылась честь, потеряна субъектность.
Кружило из-за моря вороньё,
Не чтилась изнутри политкорректность.

Снарядами утюжилась земля,
И многих, кто там жил, свели в могилы.
Все в минах близлежащие поля,
Кругом дома прострелены и хилы.

Негоже отчуждённо наблюдать,
Смотреть на горе близкого по духу.
Нельзя все зверства в прошлом оправдать
За восемь лет обстрелов и разруху...

Россия с незапамятных времён
Всегда от зла несчастных защищала...
Встав за славян, родную землю, жён,
Своим крылом надёжно прикрывала...

Поэт

Ты наш поэт, затерянный в мире,
Всё реже пишешь ручкой на обложках.
Проходит жизнь, срывая мишуру,
Потребность стала больше в неотложках.

Заметят ли среди тысячи таких,
Корпевших над тетрадными листами.
Твой глас с трибун, в понятиях людских
Не часто баловал толпу стихами.

Неясен путь поэта и творца,
Оценят ли сей дар его потомки.
Усмотрят, может быть, памфлет лжеца,
А для других те строки будут ёмки.

Возможно, перст укажет на тебя,
Отметив непосильное старанье.
Фанфарами восторженно трубя,
Неоспоримо подтвердит признание.

Стремление пройти через века
Надежду к популярности питает.
И вроде есть задатки, цель близка,
Но кто же перспективу угадает...

Время пришло

Настало время сумрачных терзаний,
Мир падает всё ниже на ступень.
На первом плане дух завоеваний –
Давно уже намечена мишень.

Переговоры действий не имеют,
Им важен только сырьевой ресурс,
И с каждым разом царственно наглеют –
Сбивая с темы в замыслах экскурс¹.

¹ Экскурс – отступление от главной темы изложения для освещения побочного или дополнительного вопроса.

Внутри колонна пятая беснует,
Готовы государственность поджечь.
А что потом – нефть с газом разворует,
Пытаться будет Запад в Кремль привлечь.

Мы проживали в девяностых время,
Вселенский хаос, смуту и разбой.
Когда и кем заложенное семя
Такой стране осуществило сбой?..

Всё проходили, учимся с оглядкой,
Упущенные годы не вернуть.
Но жив народ, который жёсткой хваткой
Свой стяг страны готов наверх взметнуть.

Так в чём же смысл мириться, унижаясь,
Зачем беседы честные с глухим...
Мы видим, что Россия, пробуждаясь,
Сдержать готова вражеский нажим...

Наш путь тернист

Наш путь тернист, дорога вся в камнях,
И ноги сбиты в кровь от напряжений.
Мы на земле проводим дни в гостях,
Испытывая множество терпений...

Кто нас позвал на этот белый свет
И разрешил затем здесь жить привольно?
В реальности лишь суета сует,
Но, в сущности, гостим здесь подконтрольно.

Да, человек, творение небес,
Деянием нередко удивляет.
В мечтах он видит множество чудес,
Но в жизни чаще плачет и страдает.

Как мыслящий продукт небесных сил,
Он высшею ступенью обозначен.
Напористо всю жизнь в борьбе прожил,
Но был ли прав, вопросом озадачен.

Настала старость, поутих задор,
Дух наш с годами искренен с собою.
Вверху незримо смотрит ревизор,
Творя судьбу задумчивой строкою...

Пока мы живы, мчимся чуть дыша,
Печалимся, коль что-то не успели.
И рады мы, что теплится душа
И что поют весенние капли.

Зима на спад

Зима на спад, весна шумит победно,
Погода мечется от холодов к теплу.
В полях вода, проталинок несметно,
Ручьи наметили промоины к селу.

На оголённых кочках на пригорке
Грач по-хозяйски стёжкой след провёл.
Сороке, урождённой балаболке,
Придал работы чёрный новосёл.

Под вечер ветер мокрый снег закружит,
К утру уляжется взбалмошная метель.
День обогревшись вестнице услужит,
Спустив с крыльца в обед весёлую капель.

На речке снег полосками темнеет,
Под воду скрылась кромка закруглённых льдин.
Промозгло всё, но свет с небес пригреет
И забурлит, крутя, водоворот лавин.

Таков февраль, порой непредсказуем
В ночи подчас морозец ломкий под ногой,
А иногда пейзаж неопишум
Шалит, метёт вокруг, ошеломив пургой.

И так до марта будет куролесить,
Ероша дерзко ветвь рассерженной сосны,
И долго, просыпаясь, будет грезить,
Что он предмет любви завьюженной весны.

Жизнь непроста...

Жизнь не проста, как кажется вначале,
Безгрешных нет, виновных не найти.
Одним дворцы, другим жильё в подвале,
А многие представились в пути.

Открыта дверь, гуляет вольный ветер,
В саду играет листьями трава.
Пока что день, он непомерно светел,
Чарует небо духом Божества.

Наступит сумрак, лунною дорожкой
Отбросив тени, бледностью страшит.
Роса на клумбах, мокрою одежкой
Печально в полночь каплями дрожит.

Мы рассуждаем тёмными ночами,
Корим, грустим, испытываем стыд,
Обвешаны невольными грехами,
Ниц падая, кручинимся навзрыд.

Рождаемся, на Бога уповая,
И верим в возрождение души,
Живём по-разному, в мир прибывая,
По мере отчисляя платежи.

Так в чём же смысл вселенского разлада,
Душевных мук, богатства, плутовства?..
Настанет час, прискорбная досада
Накроет всё сознанием естества...

Усталость

Я немного устал от печали незваной,
Может, просто от дум рядовых занемог...
Суета на земле стала вдруг беспрестанной –
Но, быть может, к себе я чудовищно строг.

Забросала снегами сознание вьюга,
На душе беспокойно, невзгоды гнетут.
Непомерная грусть стала сердцу подруга,
Мысли, встретив закат, по потёмкам бредут.

Наша жизнь заартачилась, возраст довлеет,
Завершается сложный отмеренный век.
Дни короче сейчас, ночь без меры длиннее –
Не хандри, будь терпимей к себе, человек.

Что изменится, если кого-то не станет,
Невозможно, пожалуй, другим осознать...
Неужели, что было, заведомо канет,
Будут ли через время его вспоминать?..

Тревожные мысли

Всё бежим, по инерции, с грузом житейским,
Остановка чревата, в движении суть.
Но куда подошли, время стало злодейским,
Добрых нравов, что были, уже не вернуть.

Неужели прогресс нас невольно разрушит,
Изменяя в умах благонравный процесс.
А тепло, что в душе, потихоньку потушит
И наступит для мира фатальный регресс.

Планетарных коллапсов вокруг отголоски,
Наводнения, цунами и с кратеров пыль.
Ум рисует пустыни безводной наброски
Да пески на большое количество миль.

Пред глазами толпа и пустые повозки,
Вереница людей, жертвы ядерных бурь.
В миражах, как в бреду, за пригорком берёзки,
Облака в высоте да в долине лазурь.

Засиделся, с зарёю рассеялись мысли,
А глобальные темы по кругу пошли.
На дворе рассвело, лишь туманы повисли,
Все виденья ушли, растворяясь вдали.

Метель

Метель, снег мечется по кругу,
Не зги не видно на дворе.
Зима затребовала вьюгу,
Дав волю яростной игре.

Не виден сад и лес за речкой,
Вверху Господня карусель,
В избе спасаются лишь печкой
И ждут с капелями апрель.

Снежинки буря вверх возносит,
Ветрами рвёт одежду с плеч,
Сугробами дома заносит,
Грозится стужею ожечь.

В ночи страдает поздний путник,
Глубокий снег его сморил.
Жалеет горестно причудник,
Что путь впрямую сократил.

Но взгляд его надеждой вспыхнул,
В окошках свет сквозь тьму узрев,
На радостях безмолвно всхлипнул,
Предвидя домочадцев гнев.

Затихнет ли к утру позёмка –
Гудит округа словно рой.
Такая вот головоломка,
Все ждут затишья и покой.

Первая учительница

Я помню дом родителей у речки,
Свой первый класс, в чернильнице перо.
В углу дрова у закопчённой печки,
Учительницы ласку и добро.

Она для нас была с небес награда,
Открыла мир, который я познал,
Стремглав умчалось детство без возврата,
Но тот период нас сформировал.

Ах, память в своих поисках безбрежна,
Нас возвращает в прожитые дни.
Она хандрит, урывками мятежна,
Особенно когда мы с ней одни.

Болит душа, под старость сильно ноет,
Ей хочется былое повидать.
Вдруг ни с чего, крича, от чувства взвоет
И начинает по ночам страдать.

Напомнит час, когда пришли мы в школу,
И как нас встретил первый педагог,
Предпочитая сухость слов глаголу,
Вела душевный, тихий диалог.

На всех хватало у неё вниманья,
Поправить в школе, в жизни подбодрить.
Давала нам существенные знания,
Учила честным быть и жизнь любить.

Благодарю любезно вас, *учитель*,
Вложивший в души детские тепло.
Профессионал вы были, не любитель,
Призваньем было ваше ремесло.

Минули годы, в волосах седины,
Их треплет ветер, время тормоша.
Мы гоним прочь пришедшие кручины,
Идя по жизни тихо, не спеша...

Дожили

Зашли в тупик, нам странные герои
Твердят с экранов бред и чепуху.
Всем нравятся их хамство и запои,
У миллионов жизнь их на слуху.

Куда идёте, соцстраны потомки,
Куда ведут вас, разум исказив.
Стоите перед пропастью, у кромки,
Вам кажется, что это креатив.

Перемешалось, сайт всех учит жизни,
А веб-ресурс оформлен на дельца.
Не видим в блогах мы любви к Отчизне,
А видим стимул тайный продавца.

Перечислять элитную богему
Не хватит времени на целый день.
Решать пора серьёзную дилемму,
Не нависая тенью на плетень.

Так и живём, от бреда нет покоя,
После развала горестный финал.
Как объяснить всем отпрыскам застоя,
Что жизнь в миру, не телесериал...

Подписчики не очень умных блогов,
Не засоряйте воспалённый ум.
Ищите в жизни мудрых педагогов,
Не промотайте счастье наобум...

Накрыла информацией волна

Промчался год, движение вперёд
Неумолимо нас толкает в вечность,
Осознавая в жизни скоротечность,
Душа болит, всё зная наперёд.

Бежим, и, окрыляясь новизной,
За поворотом каждый жаждет чуда,
Но ровный склон и дым костров оттуда
Закружит повседневной суетой.

Возможно ли нам изменить судьбу,
Узнать свои грядущие деянья,
Постигнув всеобъемлющие знания,
Направить мысль на нужную тропу.

Скорее нет, смысл догм неоспорим,
Но ищутся в умах предположенья,
Воспринимая их как размышленья,
Передаём все помыслы другим.

И вроде все секреты на виду,
Но очень часто ложны откровенья,
Перемешались факты, их значенья,
К всеобщему народному стыду.

Накрыла информацией волна,
Так много лжи сокрыто в интернете,
Никто не говорит о их запрете,
Но часто вседозволенность вредна...

В воспоминаниях снежинки на окне

Нам с малых детских лет под ёлкой хоровод
Теплом душевным в сердце отдаётся.
Гудит и веселится праздничный народ,
В округе смех и песня раздаётся.

Да, Новый, бурный год скучать всем не даёт,
Везде идут народные гулянья.
А Дед Мороз, шутя, детишкам раздаёт
Загаданные ранее желанья.

В воспоминаниях снежинки на окне
Да мандарины в вазах на застольях,
А бой курантов звёздных ночью по стране
Салютом отмечали на подворьях.

Игрушки с флагами на ёлочках висят,
На улице метель и очень вьюжно.
Кругом огней лучи с гирляндами горят,
И карагод детишек скачет дружно.

Дух настроения предпраздничных часов,
Повиснув в воздухе, вверх устремится.
Страна великая, в ней много поясов,
И Новый год здесь долго будет длиться...

Праздность после праздников

Задумки улетучились долой,
Мне на сегодня лень свершать деянья,
И вроде силы есть и не больной,
Но сникли после праздников желанья.

Порывов жизненных не передать,
Тетрадь чиста, без творческих пометок,
Рука с пером устала отдыхать,
А за окном маячит тень от веток.

Где взлёт души – мне надоел покой,
Настраиваюсь я на прилежанье.
Но голос внутренний ворчит: постой,
Предпочитая делу созерцанье.

Нет настроения, нависла тень,
Открыть бы дверь, прояснив подсознанье.
Быть может, отодвинется и лень,
Приняв извне ментальное посланье.

В бездействиях день близится к ночи,
А плод трудов в копилку не положен.
Закат, рассеяв красные лучи,
Багряным небом дивен и тревожен...

Ещё один пролистан календарь,
Весёлый день сменяется печальным.
Стемнело, на дворе горит фонарь,
Под старость становлюсь сентиментальным...

Зачем спешили?..

Спешили необузданно вначале,
Сердечный жар пылал огнём в груди.
Прошли года, влачимся в номинале,
И только старость ждёт нас впереди.

Надеждами жизнь смолоду дразнила,
Бессонными ночами напролёт
Кружила головы, жить торопила,
Вмиг унося в заоблачный полёт.

Устали, а сегодня на привале,
Оставлен штрих пунктиром позади.
Фонарь в руках стоящих на причале
Поможет нам по мостику взойти.

Ушли года безудержных стремлений,
Свист ветра не дурманит, пыль несёт.
Слепит глаза, уносит в мир забвений
И выставляет непомерный счёт.

Не сожалею, что было, не вернётся,
Что будет вскоре, не дано узнать.
Вдруг ни с чего боль к сердцу прикоснётся,
Нас заставляя тихо тосковать.

С надеждой о себе достойных мнений
Средь тех людей, кто рядом проживал,
Прошу у Бога светлых осмыслений,
Чтоб искуплением смягчить финал.

Зачем живём – извечные вопросы,
Ещё никто не разъяснил ответ.
Пройдёт метель, и снежные заносы
Укроют напрочь мой вчерашний след...

Планы с вечера на завтрашний день

Шутка автора

На завтра много планов,
Наутро не до них.
Пресытившись диваном,
Порыв вдруг приутих.

Нам свойственно лениться,
Затем переживать.
Ах, как же научиться
Инертность изгонять.

Забрезжило, с зарёю
К проектам нелюбовь.
Душевной толкотнёю
Гоняем к сердцу кровь.

Так и живём, бездумно
Проводим день за днём.
Кто тихо, а кто шумно
С течением плывём...

Настрой осуществляя,
Несёмся в мыслях вдаль.
Под солнцем растворяя
В своей душе печаль.

Но вот и вечер кажется
В тени своё лицо.
На завтра кто подскажет
С идеями словцо?..

Вот и зима пришла

Вот и зима пришла, на улице метель,
С порывами снег мечется в округе.
Затеялась с небес чудная карусель,
Ваяя формы снежные заструге.

Декабрьскую погоду, видно, не понять,
С утра белым-бело – тепло к обеду.
Зима в попытках дерзких холодом обнять
Ночами снежную ведёт беседу.

Рябины красный куст без листьев, но в плодах,
Гостей, синичек, щедро угощает.
Привычный, милый вид в час стылый во дворах
Из года в год природа повторяет.

День крайне хмур и сыр, но к полночи мороз
Иголками от инея кусает.
Таков сейчас неутешительный прогноз,
Но есть прогресс, снег падает, не тает.

Душевное тепло согреет нас от стуж,
Пусть холода не в сердце, а снаружи.
Дождёмся мы весёлых, резвых, тёплых луж,
И пусть весна вмиг головы всем вскружит...

Пройти спокойно и не замечать...

Шутка автора на внешние раздражители

Душа болит с обидой по ночам
И отдаёт физической болью.
Так хочется покой придать речам,
Не посыпать на рану крупной солью.

Усталость гнёт от глупости людской,
Бездумных, хамских, наглых изречений,
Держу в руках характер свой мужской
Весь в поисках эпических смирений.

Смотреть спокойно и не замечать,
Быть равнодушным совесть мне мешает,
Как хочется нахальство побеждать,
Терпений только сильно не хватает.

С утра ещё СМИ новости гнетут,
Всю ложь извне транслируют с экрана.
На передачу вместе соберут
Поляка, европейца и Богдана.

Уткну я взгляд свой пылкий на носок,
И жить хочу смиренно и покорно.
Но вдруг внутри упрёка голосок,
А сердцу неуютно и зазорно...

Так и живём...

Былые ценности остались позади,
Нас поколение сейчас не понимает.
Есть равнодушные, стыди их, не стыди,
Златой телец им нынче души застилает.

Борьба внутри за власть, за деньги, за престиж
Усилила напор на русские просторы.
Свой тайный капитал кто в Лондон, кто в Париж –
У многих стала мода деньги слать в офшоры.

Брели, скользя, толпой и падали впотьмах,
За десять лет пути народ вдруг ужаснулся.
Но время шло вперёд, смятение в умах
Утихомирилось, а здравый смысл вернулся.

Влияния идей и либеральный дух
Приблизило плотней страну к буржуазии.
Не принято в кругах рассказывать всё вслух,
Но много перемен произошло в России.

Ещё одна беда, на внешних рубежах
Окраины шумят, неистово беснуют.
Зашлись в истериках, с поддержкой, в скулежах –
Обманывают, врут, права свои диктуют...

Так и живём в стране, скучать нам не дают,
С утра до вечера вещания с тревогой...
Вначале дня кричат, что код «кьюар» введут,
А ближе к ночи всех пугают безнадёгой...

Неведом путь...

Неведом путь, который впереди
Маячит, чуть петляя за пригорком.
Большая часть осталась позади,
За той рекой в туманах, за посёлком.

О чём мечтать, когда седой совсем
И жажда к жизни завтра поутихнет.
Зачем бегу стремглав вперёд, зачем?
Скорей всего, взгляд маяком не вспыхнет...

Среди большой толпы совсем один,
Не слышен часто в жизненном пространстве.
Проходит время в датах годовщин
Перед глазами в сказочном убранстве.

Вопросы вьются, словно стая птиц,
Синхронно, но меняя направление.
Что жизнь, стеллаж исписанных страниц,
Рожденье, озаренье и забвенье.

Так в чём же смысл, дряхлеющий старик...
К чему так много внутренних терзаний?
Настанет время, тайный духовник
Степенно будет ждать исповеданий...

Отношения с русским миром

В политике есть много негатива,
Ну а сейчас и вежливость ушла,
Цинична, дерзка, лжива и криклива –
Исчезла дипломатия сполна.

Свои права всюду диктует сильный,
Ведётся через СМИ большой обман.
А интерес один, он меркантильный –
Тянуть добро из второсортных стран.

Заокеанский недруг злопыхает,
Не в силах зависть к русским превозмочь.
Не спит ночами и не отдыхает,
Всё жаждет, в скобках, как другим помочь...

Через века с брезгливостью смотрели
На русичей и их привычный быт.
Соседи, европейцы, всё наглели –
Ваш алчный взгляд на Русь не позабыт.

Не помириться – видно, мы другие,
Причуды ваши русский не поймёт.
Чужие мы, действительно чужие,
Дорога с вами в ад нас заведёт.

Век двадцать первый кризисным зовётся,
Утихнет ли тот вековой раздор?
Кто в верности в итоге поклянётся,
С Россией скрепит мирный договор...

Прожита жизнь, что ждёт нас впереди

Как трудно несогласных убеждать,
Господь не всем даёт на то таланта.
Приходится смущённо наблюдать,
Не находя другого варианта.

Но равнодушие есть зло для всех,
В душе закроев выход к пониманью,
И, может быть, в том непомерный грех,
Отгородиться равнодушной гранью.

Стоящим у обрыва не понять,
Прохожего слова для них занудство.
Не в силах наставления принять,
Отвергнув добродетельные чувства.

У личности есть нравственный портрет,
Свершивших дел душевные зарубки.
Очерчен в нём моральный силуэт
По совести судить свои поступки.

Прошли стремления, затух огонь,
Костры перегорев, внутри краснеют.
Ещё не может жар держать ладонь,
Но время ждёт, поленья холодеют.

Грустим, печалясь часто по ночам,
Раскаянно, молитвенно склоняясь,
Доверив боль заоблачным врачам,
Всё сетуют, как будто извиняясь...

Так и живём, нащупывая суть,
В душевном ежедневном беспорядке.
А жизнь бежит, нет времени вздохнуть,
И что потом – что ждёт в сухом остатке?..

Пора задуматься...

Совесть с честью совсем не у дел,
Затерялась в людском хороводе.
Сверху Бог огорчённо смотрел,
Катаклизмы сгущая в природе.

Где найти эту тонкую нить,
Разыскать у проблемы начало
И по силам ли всё изменить?
Сущность думала, скромно молчала.

Полон мыслей наш въедливый ум,
Разбирая дотошно проблемы.
Но велик риторический шум,
Заглушающий довод дилеммы.

Двадцать первый зарвавшийся век
С поколением, бед не заставшим.
Понимает ли суть человек,
Боль и слёзы в войне не выдавший?

Есть надежда – вопрос непростой,
С каждым днём игра в удаль чревата.
Спорить трудно с судьбой роковой,
По заслугам придёт и расплата...

Душевные откровения

Душевные слова произношу с теплом –
Вся жизнь с тобой, подаренное счастье.
Прошедших славных дней листается альбом,
Где было всё: свет, радость и ненастье.

Не всем в подарок с неба спустится любовь,
Приход её не объяснить чем-либо.
Благодарю молитвенно, я вновь и вновь
Шепчу слова Всевышнему, спасибо.

Вначале наша жизнь как лёгкий пируэт,
Везенья ждёт извне как панацею.
Мы видим в юности лишь образ – силуэт,
Неся в себе абстрактную идею.

Поступок в прошлом свой, будь он хорош иль плох,
Сквозь призму мы рассматривать готовы.
А ветер перемен, свершившихся эпох
Срывает устоявшие основы.

Ушедших лет былых никак не вернуть,
Да и зачем, вдвоём нам здесь прекрасно.
С тобою вместе быть, безудержно любить
И знать, что жизнь прожита не напрасно.

Грущу порой тайком, что путь наш предрешён,
Но есть надежда встречи во Вселенной.
Всё так же, как тогда, тобой я увлечён,
Такой родимой, милой, несравненной...

Бежим вперёд

Года бегут, показывая рвенье, –
Зачем безудержно спешат?
Промчится время за одно мгновенье,
И мысли в старость погрузят.

Оправданно ли бурное стремленье –
В душе неистовый конфликт.
Но свыше твёрдо на предназначенье
Природой выдвинут вердикт.

Необъяснима сущность человеком,
И остаётся лишь вздохнуть.
Мы жизнь свою отмериваем веком,
Но чаще укорочен путь.

Внутри терзанья оголяют нервы
И надоедливо гнетут.
Стараемся в себе раскрыть резервы,
Пусть, ободряя, вдаль ведут.

Осудят строки грустные поэта,
Сказав, зачем зазря мудрить,
Мы просто на планете эстафета,
Геном свой в поколениях продлить...

Историческая память

Душевность и людское процветанье
Остались там, в далёком СССР,
Внутри страны быть с Западом желанье
Сейчас, мы видим, был плохой пример.

Постигло испытание Россию,
Нависли с непогодой небеса,
Послал год девяностый эйфорию,
В дальнейшем затянув всем пояса.

Нищал народ, последние копейки
За хлеб и соль сносили в магазин.
Искали семьи скрытые лазейки,
Подсчёт ведя получше, чем Минфин.

Умеющих приобретать богатство
Возглавила прослойка ловкачей,
В дальнейшем продуктивное собратство
Вмиг наплодило множество рвачей.

Былое спит, забылось потрясенье,
Измену власти сгладили враньём,
Есть Ельцин-центр, сменилось поколенье,
И вроде как достаток и подъём...

Кто пионер масштабного развода
И как узнать, кто в этом виноват?
Загадочна в политике природа,
А лозунг к изменениям чреват...

Кручинится возраст...

Кручинится возраст, ушедшие годы
Промчались, оставив извилистый след.
Стираются в памяти дней переходы,
Печаль поражений и радость побед.

Преследуют вздохи, с чего – не понятно,
Задумчивый взгляд смотрит попусту вдаль.
Что видит, безбрежность пустынь, вероятно,
Песочных часов стружкой сыпи печаль.

Быть может, мираж в атмосфере являет
Воздушные замки забытых миров,
Готовя наш разум, от дел отстраняет
Для выдачи в вечность своих ордеров.

Зонтом прикрываясь от мглистой погоды,
От влаги спасая свои телеса,
Мы ищем со временем сущности своды,
Всё чаще и чаще смотря в небеса.

Сменив настроенье с утра многократно –
Дожди с непогодой без меры гнетут...
Уходит тепло, как и жизнь, безвозвратно,
Лишь мысли внутри всё бегут и бегут...

Не раскрывай души своей

Не раскрывай души своей
Тем людям, с кем совсем не схожий.
Не открывай ему идей,
Он для тебя простой прохожий.

Доверившись, не обессудь,
Что будешь, может быть, обманут,
И не пытайся распахнуть
Врата души, несчастья грянут.

Добрейших взглядов прямота
Лежит в основе мыслей дальних.
Но повиликой обвита
Надежда их посылов ранних.

Шанс небольшой, что нас поймут
Родные, близкие по духу.
Секреты часто сердце жгут,
А губы шепчут тайны уху.

Всё то, что хочется сказать,
Не обязательно постигнут,
Зачем тогда всё обсуждать,
Коль речи к свету не подвигнут.

За простотой толковых строк
Сокрыто скромное посланье,
Что говорливость не порок,
Но предпочтительней молчанье...

Поступки ценятся делами

Слово – дело великое. Великое потому, что словом можно соединить людей, словом можно и разъединить их, словом можно служить любви, словом же можно служить вражде и ненависти. Берегись такого слова, которое разъединяет людей.

Лев Николаевич Толстой

Из букв составляются слова, а слова в строки, которые могут заставить улыбаться или плакать.

Мы, люди, славимся умом,
Который дан нам от природы,
А зародившийся геном
Принёс однажды звукам всходы.

Членораздельно излагать
Когда-то с рыков начиналось,
И чтобы речь сформировать,
Структура мозга развивалась.

Из букв составились слова,
В дальнейшем зародились строки.
Из строк связались кружева
Речей, несущих в жизнь уроки.

Всю ценность мыслей передать
Возможно только через слово,
Оно велит порой страдать
Иль веселит, безумно снова.

Слова нас могут разобщить,
Соединяет тоже слово.
Глаголом жечь, любовь дарить,
По своей сути – речь основа.

Да, думы множатся внутри,
Пока не выплеснем словами.
Но сколько вслух ни говори,
Поступки ценятся делами...

В предназначениях разнятся роли

Закрыло подсознание пленюю,
А чувства будто маются в плену.
Вдруг ни с чего искрят глаза слезою,
Болит душа и чувствуешь вину.

В предназначениях разнятся роли,
Но ум¹ с душой² поладили в пути.
Одной переживания до боли,
Другому свет в познаниях обрести.

В умах расчёт – душа вся в объяснениях,
Идут за руку мирно по прямой.
В хороших, тёплых, нежных отношениях,
Порукой обложившись круговой.

Противоречия живут снаружи,
Внутри есть мир, идея, доброта.
Укутает терпимость их от стужи –
Была бы совесть пред собой чиста.

Уму важна житейская реальность,
Душа, летая, нежностью полна.
Так кто же отвечает за глобальность,
Кому роль главного отведена...

¹ Ум – познавательная и мыслительная способность человека, способность логически мыслить.

² Душа – это нематериальная часть живого существа, отвечающая за реализацию его предназначения и главнейших жизненных задач.

Исследуя своё мировоззрение,
Ум смотрит вдаль, высматривая цель.
Ну а душа несёт благословенье,
Здесь, как всегда, всюду цветёт апрель...

В жизни время до минуты сочтено

Вы берегите то, что есть у вас сейчас,
Не растеряйте даденное Богом.
Живите мирно, честно, просто, без прикрас,
Довольствуйтесь теперешним итогом.

Да, мысли наши расшумелись, не унять,
Печалются, мотив перебирая.
Пытаются душой грядущее принять,
Преклонен возраст – ставка ключевая...

В миру смирение надменность не поймёт,
Высокомерности занизив планку.
Но логика в умах к сомненьям призовет,
Амбиции возвысив спозаранку.

Не думали сперва, что будет нелегко,
Жизнь не проста, как кажется вначале.
В мечтах своих хотелось взвиться высоко,
А что потом – все на одном причале...

Надеемся, что грусть с дождями уплывёт,
Взгляд потеплеет с первыми лучами.
Критерий истины круг мрачный разорвёт,
Займёт наш ум ближайшими делами...

Смотрю не отрываясь в мокрое окно,
Листва трепещет, тихо опадает.
Да, в жизни время до минуты сочтено,
Зря не спешит, к концу не опоздает...

Мысль истинна...

О серьёзном с юмором

Приходит постепенно пониманье,
Что правдой все можно обмануть.
Готов ли мир, включивший подсознание,
На подлинность по-новому взглянуть.

Неоспоримость истиной зовётся,
Через века мы сохраняем факт.
Объект в сердцах правдивостью клянётся,
А объективность набирает такт.

Действительность предметно размышляет,
Увидев, не оспаривает суть.
Доступность и субъектность помышляет
Познания в просчётах упрекнуть.

Мысль истинна, соответствуя предмету,
Элементарности не возразит.
Закономерность тянет руки к свету,
Старается ошибки исключить...

Поэтами осень с любовью воспета

Откуда берётесь, печальные мысли,
Почто растревожен взъерошенный сад?..
Быть может, причина, что тучи нависли
И что зашумел на ветру листопад...

Завешены окна, открытых нет створок,
Иссякло тепло, не тревожит жара.
Ушли босоногие дни за пригорок,
Сменить гардероб на осенний пора.

Сентябрь порыжел, пожелтела округа,
Стерню паутиной окутал паук.
Поля почернели, изведавши плуга,
Там слышен с надрывом скрежещущий звук.

Река по изгибам течёт величаво,
В зеркальной воде отражая лазурь.
Играясь в заторах, искрится лукаво
До боли в глазах, как ты их ни сощурь.

Лес тихо стоит в разноцветной окраске,
Хор птичий затих, намечая облёт.
Грибник восхищён перламутровой сказке,
Душа его млеет и тихо поёт.

Как жаль, что приятные дни на исходе,
Всё чаще прохладой студит поутру.
Листва закужилась в смурном хороводе,
Затеяв шутивно с погодой игру.

Ушло, улетело горячее лето,
Сезон хлеборобный закончил свой путь.
Поэтами осень с любовью воспета,
Душевно раскрыта предзимняя суть...

Проходит день

Прожит период временной,
Что приобрёл – вопрос бездонный.
Детсад, линейка, выпускной
И путь с рождения исконный.

Седой висок, глаз подустал
Смотреть с надеждой на вершины.
Порыв, стремленье, пьедестал,
В трудах надорванные спины.

Жизнь вспышка, изменён портрет,
Насколько хватит нам запала?..
Встречаем после тьмы рассвет,
Жаль, не начать свой век сначала.

Проходит день, вдали закат,
Круг солнца яркостью играет.
Вкус ночи терпко-горьковат,
Через себя боль пропускает.

А что потом, под старость лет,
Готовы ли мы к измененьям...
Сидеть в саду, читать завет
И придаваться размышленьям?..

Загружен мозг от разных дум,
Перебирает мысли строя.
Откуда непомерный шум
В душе, ей нет давно покоя...

Уйму свою тоску у водоёма

Вдаль мчатся безвозвратно наши дни,
Чуть подустали в гонках верховые.
Внутри посылы к подвигам – гони,
В ответ попытки к удали скупые.

Посеребрились старостью виски,
Походка бравый вид свой изменила.
Висят в шкафу, пылятся рюкзаки,
Ах, где же наша молодости сила.

Печаль свою оставлю на потом,
Уйду на берег в ранний час из дома
Тропинкой по течению пешком,
Уйму свою тоску у водоёма.

Смотрю на воду, гладь, порой бурля,
Через перекаты волны убыстряет,
В воображении я у руля,
Полёт фантазии чуть ободряет.

Вопрос, зачем, из века в век звучит,
Не находя конкретного ответа.
Живём почто, душа внутри кричит,
Слагая песнь последнего куплета.

Живи, скажу, не жалуйся судьбе,
Гони хандру, с зарёю просыпаясь.
Не присягай, не потакай толпе,
На совесть, честь и веру полагаясь...

Последний месяц предосеннего венца

Вчера была жара, сегодня дождь стучит
По крышам, всё в округе остужая.
Осенняя пора сезонный сбор вручит,
Душистыми плодами угощая.

В последний месяц предосеннего венца
Погода неустойчива ночами.
Ждёт с нетерпением исконного гонца,
Блаженствуя под тёплыми лучами.

Вдали пестреет красным цветом лист в саду
И паутина со стерни взлетает.
Деревья тень с утра раскинули в пруду,
А живность постепенно умолкает.

На водоёме гуси бьют всю крылом,
Разбрасывая пух по водной глади.
Мчат опрометчиво ватагой напролом
Не просто так, а для согрева ради.

Цветёт и пахнет куст последних хризантем,
Своею синевою всех удивляя.
Заслуживая нежных, ласковых поэм,
Красы очарованья продлевая.

Пройдён, закончен путь от зёрен до плодов,
Присущий цикл природа завершила.
И в ожиданье близких, мокрых холодов
На новый круг зародыш заложила...

Закончила виток природная спираль

Не так шумлив рассвет осеннею порой,
Луч солнца яркое, подчеркнул деревьев цвет.
Уж не пугает день полуденной жарой
И слава Богу, что умеренно прогреет.

У птиц заботы, поутру черны поля,
С жнивья удобен тренировочный полёт.
Вначале, поутру, неистово шалая,
Собравшись позже в стаю, делают облёт.

Ещё нет холодов, но летний зной затих,
А минимум тепла бодрит, неся покой.
Сентябрь шуточно провёл в округе жирный штрих
Окрашенной извне во все цвета листвою.

К ночи повеял свежий, лёгкий ветерок,
Неся прохладу, омывая лист росой.
И вроде рано быть зиме, не вышел срок,
Но иней на заре белеет полосой.

Благоухает сад, цветной калейдоскоп,
Ошеломляет взоры дивною красой.
Вдали дорога в лес, на завтра чернотроп,
Не пробежать уже по ней ногой босой.

Уйдёт тепло, завертит буря жёлтый лист
И унесёт стремглав в неведомую даль.
Предзимний путь сырой, морозен и тернист –
Закончила виток природная спираль...

Внучке Соне сентябрь шлёт привет

Рады с бабушкой, встретили внучку,
Летний день стал намного светлей.
Сильно любим свою почемучку,
Нет её в этом мире родней.

Повзрослела помощница мамки,
Научилась читать и писать.
Улыбнётся – две маленьких ямки,
Так приятно за ней наблюдать.

Лето ясное, день бесконечен,
Речка мирно течёт вдалеке.
Воздух маревом утром расцвечен,
Прикоснулся любезно к щеке.

Хорошо на каникулах летом
Отдыхать на родимой земле.
Нелегко во дворе перегретом,
Нам приятней скользить по волне.

Парк зовёт отдохнуть под берёзой,
В холодке поиграть с детворой.
Не боясь уколотся занозой,
Мчатся смело сквозь дебри тропой.

Дни с неделями здесь быстротечны,
Внучке Соне сентябрь шлёт привет.
Расставанья и встречи извечны,
Куплен с датой обратный билет...

Не разгадать душевные загадки...

О серьёзном с юмором

Изысканы лидирующих роли,
Талант с рожденья трудно растерять.
Желанье управлять хуже неволи,
Не удосужившись, их не понять.

Приход во власть, тактическая схема,
Возвышенных порывов не унять,
Используется сложная система
Всем обещать, склонять, объединять.

Необходимы многие заслуги,
Чтобы добиться в обществе верхов.
Всё в ход идёт, внушенья и услуги,
Лукавство и сокрытие грехов.

До выборов, расталкивая ближних,
Соперников, стремящихся во власть,
Находят, как всегда, при этом лишних
И помогают вежливо упасть.

Так всё же почему такое рвенье
И страсти по служебному венцу?
Возможно, что к господству упоенье,
Пристрастие к народному ларцу...

Быть может, озабочены печалью,
За сирых и бездомных слёзы льют,
А может, удручённые моралью
Желают бедным подарить уют?..

Не разгадать душевные загадки
И не услышать откровений глас.
Одни лишь осторожные догадки,
Но уточнять невежливо подчас...

Чувство жизни

Нас пугает своё отражение
В зеркалах, по годам преломление.
Взгляд ловлю я оттуда растерянный,
Загрустивший порой, неуверенный.

Так куда же вы, годы, всё скачете,
Время прошлого в шкаф не запрячете.
Враз умчались под горку стремительно
И по молодости расточительно.

На закате, желая общения,
Отвергаем сторонние мнения.
Но беседы ведём обстоятельно,
Объясняя смысл слов содержательно.

Мы не ропщем, не ищем бессмертия,
Проявляя по жизни усердия.
Сущность в душах, что с детства заложено,
Накануне сполна подытожено.

Сделав круг, солнце вниз опускается,
На ночь с лесом, с полями прощается.
Сад затих, негу ждёт полуночную
С пониманием, что краткосрочную.

Слава Богу, хватило терпения
Обозначить и сделать свершения.
Думы роятся, мысль бесконечная,
Время вечно, но жизнь скоротечная...

Неотразимые в июле вечера...

Окрашивая хмурый лес в багровый цвет,
Закат костром во сто свечей пылает.
Он не единожды поэтами воспет,
Без восхищения извне страдает.

Овальный яркий круг вдали больших домов
Скрывается с ночёвкой за горами,
За лёгким маревом оранжевых дымов
Шагает светло-красными шагами.

Сгустились сумерки, и городской пейзаж
Всю красоту в подсветках выставляет.
Из парка музыка, огней фотоколлаж
Вовсю изображением сверкает.

Неповторимость преломления лучей
Добавит враз волшебных очертаний.
И этот дивный город, свет моих очей,
Достоин добрых, лестных описаний.

Укрылось солнце, отдыхает до утра,
Прохлада разливается в округе.
Неотразимые в июле вечера,
Где так приятны встречи на досуге.

В далёком космосе галактики шумят,
Сигналы тайные нам посылают.
Сверкнут звездой на миг, по небу пролетят,
Судьбу грядущего зигзагом начертая...

Отмолим ли всемирные ошибки?..

После жары наступят дни с прохладой,
Придёт к нам благодатная пора.
Намученным огненною блокадой
Остудят тело хладные ветра.

Слаб человек, природный мир довлеет,
Планета катаклизмы падшим шлёт.
Земля от зла безудержно слабеет,
Её то затопляет, то трясёт.

И с каждым годом пуще катастрофы,
Разлад в умах преследует людей.
Безмолвно ниц склонившись у голгофы,
Все в поиске приемлемых идей.

Отмолим ли всемирные ошибки,
Которые признаем мы грехом...
Надежды у народа слишком зыбки,
И страх стоит за личностный геном.

Наука вверх идёт, изобретая
Искусственный, фальшивый интеллект,
И с каждым годом внемлем, замирая,
Распознавая подлинный субъект.

В век двадцать первый грянут перемены,
Копившие веками негатив.
Куда бежать – повсюду манекены
И мир вокруг несчастен и тосклив...

Я вскинул руки для объятий...

Я вскинул руки, обнимая
Туман прозрачный на заре,
И в этот миг, всё принимая,
Мирволю в жизненной игре.

Народный глас и голос свыше
Нас просит праздность усмирить,
Не торопясь, идти потише
И здравый смысл благотворить.

Советы, просьбы с назиданьем
В нас с детских лет в умах живут
И, пополняя содержаньем,
К житейской прозе поведут.

У жизни путь вдаль неизменный;
Родился, вырос, поседел...
Кому под старость завершённый,
А кто в том смысл не разглядел...

Вся суета пройдёт когда-то,
Былые трудности уйдут.
Мы не искали в жизни злато,
В обход богатств прошёл маршрут.

Конечен путь, и он печалит
Чредою жизненных обид,
Душа с органикой скандалит,
Она, по сути, в вечность гид.

Сидишь, мой друг, – в беседке тихо,
Лучи палящие не жгут.
Дождался, улеглась шумиха,
Дни скоро в вечность утекут...

Зачем живём

Зачем живём, вопрос в тупик нас ставит,
Гипотезы не раскрывают суть.
Кто точку нам над *i* поставит,
Поможет всем на истину взглянуть.

Предположений много, мало знаем,
Закрыт навечно смертному секрет.
Душой как будто всё мы понимаем,
Но видим вдалеке лишь силуэт.

Проходят годы, прошлое стирая,
Столетия скрывают жизни факт,
И пыль веков, всю правду заматая,
Не предоставит утверждённый акт.

Загадки, постоянные загадки
Приходят к нам из глубины веков,
Подъём цивилизаций и упадки
Отображаются в завалах черепков.

Затеряна планета во Вселенной,
Загадочна в миру наша земля.
Как жаль, что нет такой же равноценной,
Где жизнь кипит, где горы и поля.

Встревожен ум, и воспарили мысли,
Вот-вот за поворотом вспыхнет свет.
Но просит время мир переосмыслить,
Показывая призрачный сюжет.

Так и живём мы в двадцать первом веке,
Жизнь проводя в познании основ.
Наверное, загадка в человеке,
Великих, прародителей сынов...

Любимый край

Проснулся день, открылся горизонт,
Чудесен вид полей, цветных отрезков.
Лесной массив – сплошной зелёный зонт,
А на пригорке ветки перелесков.

Мой разум поутру не утомлён,
Открыта дверь в душе для вдохновений.
Росой холодной с рани напоён,
И жаждет он безустанных стремлений.

Прохлады час блаженства наступил,
Встречаю первый луч, подарок солнца.
Он в неизвестность тихо поманил,
Для свежих мыслей приоткрыв оконце.

Велик наш мир, другого не сыскать,
Красив ландшафт на разных континентах.
С утра боюсь я радость расплескать,
Возликовав в душевных сантиментах.

Мой взгляд окинет благостный момент,
Округа красотой благоухает.
Природа заслужила комплимент,
Божественно, изысканно светает.

Неповторимость прошлых ярких дней
Грядущее стократ не отражает.
Люблю свой край, и нет его родней,
Сознание здесь суть не изменяет...

Холодный свет луны

Не спим порой мы ночи напролёт,
На свой вопрос ответ не получая.
Стремимся в опрометчивый полёт,
Летим вперёд, времён не замечая.

Закрыта дверь, оконное стекло
Луны холодный свет внутрь пропускает.
Не пишется, в саду почти светло,
А на пруду гладь водная сверкает.

Что написать, что жизнь почти прошла
И упование с годами нарастает...
Что время нас испепелит дотла,
Перстом вдаль путь без спроса начертает...

Нить сути проживаний на земле
Держу в руке натянутой без меры.
Как удержать, когда идёшь во мгле?
Наверно, не хватает должной веры.

Жаль, что без крыл, взлетел бы высоко
Предутренней зарёй полюбоваться.
Желание до боли велико,
Но не судьба с земли наверх подняться.

Проходит ночь, и летняя заря
Забрезжит чуть, позолотив округу,
И мрак, восход досадливо коря,
Умчится прочь готовиться к досугу...

Дай, Боже, сил...

Мы замолкаем, глядя в небеса,
В воспоминаниях слезу глотая.
Война, под сердцем шрамом полоса,
Отечеству великая, святая.

Прошли года, бывшее не стереть,
Как голодали, штопали обноски.
Почти что в каждом доме была смерть –
Коричневой чумы жгут отголоски.

Стонала Русь, крестьянская судьба
На плечи женщин тяжестью давила.
Кругом огонь, не скошены хлеба,
И нищета над сырыми кружила.

Был долгим путь, закончилась война,
Велик был подвиг русского народа.
Испытана на прочность соцстрана,
Достигнута в боях его свобода.

Дай, Боже, сил через века простить
Разруху, кровь и выжженные сёла.
Но память не позволит позабыть
Нюрнбергского, за зверства, протокола.

Жара...

Ах, как приятна майская пора,
Где нежностью сирень благоухает.
Пришёл июнь, и летняя искра
Палящим зноем землю поджигает.

Жара спустилась, не щадя людей,
Укутав их тела, как будто шалью.
На всём пространстве улиц, площадей
Накрыла светло-красною вуалью.

От зноя нет спасения, окрест
Запыляло маревом небесным.
Но не услышан искренний протест
Народа, что идёт походом крестным.

Желание, что дождь всех окропит,
Повисло над округой без ответа.
Горячий воздух пеленой дрожит,
Людская просьба ввысь молитвой спета.

Дошли ль слова, поможет ли мольба,
За что всему живому наказание?
Надежда есть, но очень уж слаба –
Быть может, Бог послал нам испытанье?..

Откровения братского народа...

Не дойти, шепчут ноги нам сбитые,
Позади след кровавый зигзагами.
Кругом люди ужасно сердитые,
Называют нас всех бедолагами.

Ну зачем в путь далёкий все ринулись,
Кто нас ждёт за холмами печальными?..
Мы всего лишь немного продвинулись,
А усилия стали фатальными.

Поутихли надежды на лучшее,
Верить в чудо совсем нам не хочется,
Но видение, разом мелькнувшее,
Незаслуженно резвостью прочитается.

Пока шли, смотрим, всё поразрушено,
В окружении нет человечности.
Равноправие в корне задушено,
Заигрались, дошли до увечности.

Сердце напрочь давно поднадорвано –
Не оцениваем настоящее...
Нить, ведущая к разуму, порвана,
А кругом кипит море бурлящее...

Луч солнца

Мне кажется, час истин подошёл
Открыть тетрадь и изложить всю сущность.
Но постоянно пишется глагол,
А в мыслях почему-то несозвучность.

Замглилось от весеннего дождя,
Была гроза, но нет тепла в округе,
А тучи, в небе замки громоздя,
Пугают ливнем хлынуть на досуге.

С утра притихший ветер покрепчал,
С полуденным началом завертелся.
С прохожими всю озорничал,
Взметнувшись ввысь, на облако уселся.

Трава бушует, сад всю цветёт,
Природа буйный нрав свой проявляет.
Со временем беседку оплетёт
И свою тень на благо разбросает.

Не вечна непогода во дворе,
Луч солнца, осмелев, тепла прибавит.
Откроет светлый день в календаре
И нас от напряжённости избавит.

Так и в душе, приходят холода,
Свою зябкостью нам грусть наводят.
Но вдруг твой взгляд – и нет тоски следа,
И мысли в миг откуда-то снисходят...

Загадки и секреты

Не ворошу я прошлое своё,
Пытаюсь тихо жить, без потрясений.
Но иногда проходит забытьё
И наступает время отражений.

Стараюсь сохранить свой светлый взгляд,
Отбросив с утренней зарёй печали.
Боюсь вкусить я огорченья яд
Во снах ночных, вчера что ублажали.

Уныние, великий, тяжкий грех,
Гнетёт по жизни, не даёт покоя.
Наносит сердцу множество прорех,
Внутри болит, душевно беспокоя.

Да, мысли по желанью не унять,
Активностью своею удивляют.
Пытаются нас жалостью пронять,
Влетев на миг, и тут же исчезают.

В раздумьях тянет ношу человек,
Зачем живёт, куда ведут дороги?..
Достойно ли прожил свой бранный век,
Быть может, зря в пути избиты ноги?

Критерии существенных дилемм
Сокрыли очевидные ответы.
Почти с пелёнок был вопрос – зачем
И с детских лет загадки и секреты...

Развеять тень заблудшего тумана...

Нет сил как прежде в жизни поспешать,
Земные не прельщают искушенья.
Настало время страсти уменьшать,
Искать в молитвах Божьих утешенья.

Идём вперёд, рисуя яркий след,
Стараемся быть чистыми душевно.
Раздумьями и чередой бесед
Оцениваем сущность повседневно.

С утра рассвет, а к вечеру закат,
Круговорот природы неизбежен.
К зиме деревья кроны обнажат,
И лес, взгрустнув, окажется заснежен.

Сменяя циклы временных начал,
Уходим вглубь, познаём обрастая.
Не жил, ты скажешь, будто проживал,
Не душу, своё тело ублажая...

Как жаль, что мудрость посещает нас,
Когда сединки на висках белеют,
Когда наш взгляд, смотря вперёд, угас,
А все порывы вдаль бежать робеют.

Исконных рассуждений не унять,
Тропинка, сад, скамейка у фонтана.
Так хочется шаг в завтра воспринять,
Развеять тень заблудшего тумана...

Наша душа

Не спится нашим душам по ночам,
Переживают, злятся и бунтуют.
Днём тянутся ввысь к солнечным лучам,
А с вечера возьмут и затоскуют.

Направлены все взоры к небесам,
Весь христианский мир стремится в вечность,
Но нам нельзя убавить ход часам,
Не дадено определить конечность.

Живёт душа, не хочет быть как все,
Летая, видит разные там сцены.
Любуется невиданной красе,
А просыпаясь, жаждет перемены.

Ах, старость, заимела к телу власть,
Убавив страсти, ищет осмыслений.
Уже не рвётся веселиться всласть,
Вся в поисках своих предназначений.

Но мысленный полёт не обуять,
Внутри таим задуманные планы,
Стараемся свой возраст воспринять,
Зализывая прошлой жизни раны...

В девяностых...

Разделилась внезапно страна
На имеющих деньги и бедных.
Распродали ресурсы сполна,
Дождались миллионов заветных.

Не для всех хризантемы цвели,
Нищета в основном да афиши.
Проходимцы в стране превзошли –
Развернулись всюду нувориши...

Стали разные, будто земля
Раскроила людей ненароком.
Подарила одним вензеля,
А других захлестнула потоком.

Была цель, дерзновенно спеша,
Поделить недра русского края.
Без зазрения в жизни греша,
Для себя ища вечного рая.

Все не верят, что труд ваш хребет
Надломил в помещениях цеха.
Может быть, гибкий к вам госбюджет
Вдруг позволил добиться успеха?..

Наш народ так от вас далеко,
Он не нужен вам, вы ему тоже.
Кто-то скажет: так жить нелегко,
Все согласны, живут настороже.

По прошествии нескольких лет
Изменились в политике нравы.
Чуть прояснилось, выглянул свет,
Укрепились границы державы.

В ожиданьях притих наш народ,
Смотрит вдаль, переполнен тревогой.
Ждёт, когда уйдёт время господ, –
Измочаленный длинной дорогой...

Проходят спешно дни

Развеются, как пыль, все ссоры и размолвки,
Туман поднимется, душе покой неся.
А едкие слова, что были мне так колки,
Уйдут с дождём в ночи, занудно морося.

Заблудятся в снегах завьюженные мысли
И сумрачные дни чудовищных обид.
Я жду тепла в груди, но тучи вновь нависли,
А снег с дождём с утра обрушится грозит.

Уйти бы тихо в вечность, память оставляя,
Не беспокоя скорбью близких и друзей.
Но держит отчий дом, семья, земля родная,
Пленительный восход и купола церквей.

Когда не будет нас, те райские дубравы
Всё так же будут тихо листьями шуметь.
А на степных лугах нескошенные травы
В час ранний под лучами от росы блеснуть.

Жалеем ли в тиши, что тень печали рядом,
Скорее скажем да, чем молвить слово «нет».
Стараемся казаться мудрым дипломатом,
Но так не хочется вдруг пропустить рассвет.

О том не думаем сейчас, всё убыстряясь,
Идём задумчиво, тревожа мыслью ум.
Преклонный возраст вдаль стремглав бежать пытаюсь,
Стал уставать слегка от удручённых дум.

Проходят спешно дни, мы, будто извиняясь,
Ведём с собой сердечный, тихий диалог.
Дорога к старости, порою извиваясь,
Штрихом размашистым рисует эпилог...

Согласие, покорность, понимание...

Прошедшее не выглядело праздным,
Порой слеза катилась по щекам.
Былое время не прошло напрасно
И не истрчено по пустякам.

Не позабыть нам годы, от которых
Щемит в груди частенько до утра,
В видениях открытых, часто скорых,
Искрящий взгляд твой вижу у костра.

Года, года незримо ускользают,
Грядя событий тянется вослед.
Невольно взгляды юных намекают,
Что наш куплет фактически пропет.

Ах, мысли, не сидится вам в каморке,
Всё теребите душу, вдаль скача,
Вы тянетесь к открытой в пропасть створке
И подбиваете рубить с плеча.

Бунтарский нрав к покорности зываю
Не помышлять о буйном кураже.
Открытых мыслей робко избегаю,
Смирняя плоть, заботясь о душе...

Согласие, покорность, пониманье,
Слова твержу в тиши я каждый раз,
Наш возраст к себе требует вниманья,
Не выставляя чувства напоказ...

Приход весны...

Дождь полосой промчался и затих,
Двор оросил небесною капелью.
Оставил на дорожках тёмный штрих,
Расположив всех жителей к безделью.

Нахмурилось, вверху блужданье туч
Торопит схорониться всех прохожих.
Надежда есть, пробьётся солнца луч
И принесёт нам много дней погожих.

Заметны измененья вдалеке,
Искрится воздух, маревом налитый.
Темнеет лёд, осевший на реке,
Местами под водой частично скрытый.

Приход весны надежду принесёт,
Подаст сигнал, и мудрая природа
Зиме предъявит непомерный счёт,
Растопит снег, скоплённый за полгода.

С улыбкой солнце всколыхнёт туман,
Разбудит в душах радостные нотки.
Настырен март, порою как вулкан,
Ну а порой с морозцем к ночи сводки.

Садовник с радостью сезон встречал,
Прищурившись, рассматривал побеги.
С народными приметами сличал,
Погоды ждал, для сада тёплой неги.

Из века в век круговорот земной
Всех удивляет мудростью вселенной.
Одной ли, планетарной сиротой
Являемся разумной, совершенной?..

Как много тайн сокрыто на земле,
Извечно люди жаждут объяснений.
Смысл мирозданий спрятался во мгле,
Не разъяснив божественных стремлений...

Куда мы пришли...

Живём с добрым сердцем на русской земле,
Но нас потрясенья тревожат порой.
Сегодня день ясный, а завтра во мгле,
Зимой холода, лето давит жарой.

Семнадцатый год перемены принёс,
Двухтысячный в прах превратил весь союз.
С годами узрели, идём под откос,
И очень тяжёл пред народом сей груз.

Делили, кто мог, капитал СССР,
Не всем повезло, не хватило добра.
Нашёлся искусный в миру землемер,
Раздал приближённым кругам ордера.

Ура, девяностые, в царство свобод
Рванули с застоя, не видя преград.
Но что-то не тянет вперёд пароход,
Идущий чуть с креном во мгле наугад.

Оскал капитала не всем по душе,
А рыночных цен не приемлет народ.
Основа всей жизни теперь в барыше,
Страна наплодила элиту господ.

Теснили Россию во все времена,
Сейчас же открыто грозятся войной.
Но мы же в миру почитай капстрана...
Им, видно, не важен, какой у нас строй.

Куда мы пришли, вопрошаем с трибун,
Расколота власть, часть на Запад глядит.
Раздавит, боимся, нас крупный валун,
Который с горы что есть силы летит...

Забыть нельзя...

Забыть нельзя душевное волнение
Во время встреч чудесных под луной.
Черёмухи прекрасное цветенье
И жар в груди, нахлынувший волной.

Наш сад в цветах запомнится навечно,
Где проводили ночи напролёт,
Сидели, разговор вели сердечно,
Планируя душевный свой полёт.

Немало зорь красивых повстречали,
Гуляя безмятежно по лугам.
Всё пережили, радости, печали,
Делились счастьем, всё напополам.

С судьбой, нам данной, в споры не вступали,
Не плакали от жизненных досад.
За долгий путь немало повидали,
Порой идя в потёмках наугад.

Свой возраст с позитивом принимаем,
Сидим обнявшись, смотрим наперёд.
По тем годам, минувшим, чуть скучаем,
Тропинка мысленно туда ведёт.

Жаль молодость, прошедшую мгновенно,
Ушли года, назад не повернуть.
Относимся мы к ней проникновенно,
Нам не за что былое упрекнуть...

Твой милый взгляд

Мне дорог взгляд твой, брошенный случайно
В тот дивный час у речки на лугах.
Проникся сердцем, возвращался тайно,
Один стоял, слух наострив к шагам.

Душой тянусь и ждать не перестану,
Любовь пришла, когда её не ждёшь.
Уплыть прошу любовному туману,
Но ты к себе всё манишь и зовёшь.

Всё чаще в мыслях образность рисую,
Воображеньем устремляясь вдаль.
Умом прошу развеять тьму ночную
И сбросить с плеч тяжёлую печаль.

Прошли года, но чувство первой встречи
Отображаю до сих пор строкой.
Шепчу, как прежде, пламенные речи
И называю ласково женой.

На склоне лет мне снится луг зелёный
И милый взгляд твоих прекрасных глаз.
А наш союз, под звёздочкой рождённый,
Горит в груди – поныне не угас...

Запутались...

Открыта дверь, на улице светло,
А мысль с ночи метается по кругу.
С утра её к познаниям понесло
Осматривать прибрежную округу.

Непримиримостью встревожен ум,
Заполняя пылкостью нейроны.
Ему не страшен придорожный шум,
Высокие, колючие заборы.

Изобретать, творить и покорять
Заложено в веках людскому роду.
Находим, но приходится терять
Без объяснений своему народу.

Запутались, где правда, а где ложь,
Довлеет информация господства.
Завуалирован к низам грабёж
Опрятными словами благородства.

Нет истины, мы без неё ничто,
Весь мир сошёл с ума от гедонизма¹.
Показывая в жизни шапито,
Он проявляет сущность нигилизма².

¹ Гедонизм – наслаждение – аксиологическое учение, согласно которому наслаждение является высшим благом и смыслом жизни, единственной терминальной ценностью (тогда как все остальные ценности являются инструментальными).

² Нигилизм – это мировоззрение, целью которого является сомнение и даже отрицание моральных норм, ценностей, общественных ориентиров, нравственных и культурных правил.

И так вся жизнь идёт из века в век,
Вновь устремляя взгляд свой в подсознание.
Весь в думах, истомился человек
В надежде, что найдёт там пониманье.

Пришла весна

Пришла к нам благодатная пора,
Повеяло весной вдруг в одночасье.
Возникшая нежданная искра
Рассеяла гнетущее ненастье.

Мороз поник, открытый небосвод
Через себя лучи тепла направил.
Сад одинок с утра, лишь садовод
Питомник свой, любя, с весной поздравил.

Искрится снег, пока не потемнел,
Но с крыш уже капли застучали,
И воздух с каждым часом тяжелел,
Порывисто срывая все печали.

Проталины чернеют на полях,
Озимых ярк цвет живой природы.
Бегут ручьи, стремятся второпях
Очистить белый снег, ускорив всходы.

Так повелось, проходит жизни круг,
Всё убыстряя с возрастом движенье.
Нам оглянуться вечно недосуг,
А жизнь как вздох – умчавшее мгновенье.

Круговорот, подвластный небесам,
Сменяя зиму, вёснами ласкает,
Даруя жизнь оврагам и лесам,
Теплом и светом в души проникает...

Бегут ручьи

Весеннее тепло коснулось глаз людских –
Приятно видеть красоту земную.
Погож денёк с утра, в проулках городских
Поток воды приник к ногам вплотную.

Бегут ручьи журча, от луж прохода нет,
Но не расстроен сыростью прохожий.
Он весел спозаранку, солнцем обогрет,
Не испугался грязных бездорожий.

Нам март тепла для радости принёс,
Подсушит он промокшие дороги.
Растопит рыхлый снег и оголит утёс,
С зимой здесь подведёт свои итоги.

Река Сосна набухла, лёд вот-вот сойдёт
И с треском вниз с течением помчится.
Поля в проталинах и ждут грачей прилёт –
Весной пора всецело насладиться.

Мы ценим в марте день, который для мужчин
Отображает женскую усладу.
В своей любви стремясь подняться до вершин,
С утра до вечера поём им серенады.

Обманчив месяц март, с морозцем в ранний час,
Но в полдень разыграется ручьями.
Спешит, торопится сменить зимы окрас,
Расплавив снег горячими лучами.

Не грущу...

Не грущу, по ночам лишь под сердцем тревога,
Нет причин обижаться и хмуро смотреть.
Но во снах вся в извилинах вьётся дорога,
Воет ветер и хочется выше взлететь.

Час полночный пробил, мысль витает по кругу,
Сон под утро придёт, думки шалью прикрыв.
Мы его поджидаем, как будто заслугу,
Он в последнее время пуглив и кичлив.

Петухи прокричали, заря в поволоке,
Дрёма тихо пришла, сберегая покой,
Посветлело чуть-чуть вдалеке на востоке,
Будто занавес с неба стащили рукой.

Задрожала листва на верхушке берёзы,
Ветерок пролетел, с веток сбросив росу.
Капли падали вниз, словно девичьи слёзы,
На траве оставляя как лунь полосу.

День желанный придёт, с ним отпрянут тревоги,
Солнца луч, веселясь, яркий свет к нам пошлёт.
Продолжаем с собой мы вести диалоги,
Мысль слегка придержав, отправляем в полёт.

У края обрыва...

У края обрыва стою напряжённо,
Пугающий ветер завыл под скалой.
Стремнистый хребет вдалеке отречённо
Безмолвием дня навевает покой.

А мысли уносятся вдаль без возврата,
В глуши мирозданий замедлился бег.
Яснее здесь вижу, и тише досада
За свой беспокойный и длинный забег.

Во всех начинаньях заложены тайны,
Открытий душевных в груди не унять,
С годами избыточность дум неслучайна,
Нам хочется больше в тиши размышлять.

В выси находясь, наблюдая округу,
Волненья в груди переполнили дух,
Порою не видим, что ходим по кругу
И что нас ведёт заплутавший пастух.

С вершины скалистой долина пестрится,
И дым от костров сердцу радость принёс.
На солнце верхушка горы серебрится,
От нас отдаляя угрюмый утёс...

В родной стране не может быть чужих...

Что хочет молодёжь, пресыщенная спесью,
Изнеженная вся, затеряна в сети.
Подверженная с детства инородной смесью,
На Запад с горяча в стремлениях уйти.

Быть может, мы, отцы, предвзяты в отношеньях
Или же в нас сидит порядочность во всём.
К прозападным речам из века в век в сомненьях
В надежде, что страну от иродов спасём.

Наука не молчит, политики не дремлют,
Расчётливость в умах достигла апогей.
Да, упустили мы, они другое внемлют,
Нас слушать не хотят, уставившись в дисплей.

Как жаль, что не смогли мы к детям достучаться
И упустили нить, воспитывая их.
Вмешаться нужно, обязательно вмешаться,
В родной стране не может быть чужих...

Письмо к недружелюбным европейцам...

Россия начинает просыпаться,
Раскрыты окна, свет внутри горит.
Не ждите, мы не будем извиняться,
А установим на границах щит.

Доколе нам терпеть слова глумные
И слушать в разговорах резкий тон.
Вы нам по жизни, здесь, совсем чужие,
Для русских ваши нравы – моветон.

Потуги ваши нас сильнее сплотили,
Хотя и развратили молодёжь,
А то, что вы безудержно грозили,
Для нас угрозы – попусту галдёж.

Вы просите у нас всё больше газа,
Но тычете претензиями в нос,
С материка всё ждёте вы наказа,
Но не пройдёт их низменный прогноз.

Всем надоели ваши осужденья;
Мы разные, претит нам ваша жизнь.
Давайте с пользой выстроим общенье
И будем жить без всяких укоризн.

Мы санкции восприняли тревожно,
С надеждой, смысл опередит века.
Нам было трудно, непривычно, сложно,
Ну а сейчас на них мы свысока.

Беда в одном, нам нравы ваши чужды,
Не суйте демократией в лицо.
Исправим, не волнуйтесь, свои нужды
И вытравим ненужное гнильцо...

Друзья вы наши не совсем родные,
А кровных уз, душевных, нет совсем.
И ценности у нас во всём иные,
Мы будем жить без ваших хитрых схем...

Судьбой дано состариться нам вместе

Не соглашусь со строками поэта:
«Страшись большой любви: она пройдёт».
В словах стиха моя душа задета,
Здесь ей предъявлен непомерный счёт.

Краса, чем восторгался в дни былые,
К финалу не забудется в душе,
А наши измененья возрастные
Напомнят лишь о близком рубеже.

Судьбой дано состариться нам вместе
И разделить свой возраст пополам.
К супруге отношусь я как к невесте,
Не доверяя в спальне зеркалам.

Прошедшее накатывает болью,
Как жаль, что годы не вернуть назад.
Встречали нас на свадьбе хлебом-солью,
И с неба, к счастью, лился звездопад.

Незримо, но сплелись мы полюсами,
За годы вместе выстрадали рай.
Вперёд идём с едиными мечтами,
Нас не страшит вдали сокрытый край.

Неумолимы годы, что промчались,
Забрав твою чудесную красу.
Но чувства несравненные остались,
С собой по жизни нежно их несусу...

Чувство тревоги

На минутку присев у порога,
Помолюсь – чтоб с надеждой дойти.
Пусть мне лёгкая будет дорога
На моём беспокойном пути.

Окрыляясь мечтами из детства,
Завышая сердечный свой пыл,
Невзирая, что не было средства,
Всё равно дверь без страха закрыл.

Заалелась полоска рассвета,
Дымка лёгкая вверх поднялась.
А душа в этот час вся раздета
И на части от боли рвалась.

Вся изранена чувством тревоги,
Неизбежности горестных дней,
Получая большие ожоги,
Становилась безмерно сильней.

Солнца луч тронул нежно за руку,
Яркий свет осветил всё вокруг.
Время сгладит на сердце разлуку,
Успокоит душевный недуг.

Не жалея избитые ноги,
Веря в доброе здесь на земле,
Подведу я в дальнейшем итоги
По своей, персональной шкале...

Ушло, уплыло наше лето

Ушло, уплыло наше лето
Туманной дымкой голубой,
Немало песен было спето,
Игрались смело мы с судьбой.

К нам старость в двери постучалась,
Не ждали, как всегда, врасплох.
На хмурость к вечеру ссылалась
И внутренний переполох.

Как трудно в мыслях примириться:
Весь мир проснётся, а нас нет,
Что сердце перестанет биться
И занесёт песками след.

Неоспоримые основы
По жизни нас ведут вперёд.
Бунтует разум, не готовы
Признать спокойно свой черёд.

Живём, минуты прибавляя,
Ночами дремлем, мысль не спит.
Наш дух, надеждой укрепляя,
Поднявшись ввысь, вперёд летит.

Все жаждем свет в конце туннеля,
Сомнений много, путь один.
Проходит час, за ним неделя,
Уже дожили до седин.

Но бремен мир, и мы не вечны,
И щиплет глаз порой ночной.
Года, как миг, так быстротечны,
И так отраден мир земной...

Покоя для души прошу

Туман мешает вдаль смотреть,
Окутан округ дымкой серой.
Так дайте света, чтоб прозреть
И всё измерить доброй мерой.

Я слышу голос, он зовёт
Протяжно, ласково и томно,
А ветер-зверь в ушах ревёт,
Округу руша вероломно.

Не разобрать мне голоса
И не понять всю важность зова,
Молю с надрывом небеса,
Но жизнь воистину сурова.

Увидев чащу, к ней спешу
Весь окрылённый и в надежде.
Покоя для души прошу,
Успокоенности, как прежде...

Зимний лес

Зимний лес заострился верхушками сосен,
Заметённый снегами, к утру поутих.
Он сегодня печален, немного морозен,
Спрятал ёлочки ночью в чащобах глухих.

Не колышутся рядом лесные собратья,
В Новый год поредела лужайка вокруг.
Им гирлянды заменят пушистые платья,
Не увидеть соседкам красивых подруг.

Праздник зимний веками леса убавляет,
Ничего не попишешь, таков здесь обряд,
Веселится народ и под ёлкой гуляет,
Надевая на них расчудесный наряд.

День январский пришёл, шумный люд отдыхает,
Не пугает, умолк, бойкий стук топоров.
Слишком долго взамен хвойный лес вырастает,
Поднимаясь степенно из малых ростков.

Все потери восполнит природа с годами,
Обновится, возвысясь, изреженный лес.
Мы печаль для души ищем в образах сами,
Ко всему проявляя большой интерес...

Земные ценности

Забудутся мои обиды поутру,
Развеются, уйдут с зарёй тревоги.
Водичцы с родника холодной наберу,
Ей вылечу душевные ожоги.

Забрались тайно думки в душу не спросясь,
Воспоминанья разные являют.
Прогоним мрачные, с усердием молясь,
А светлые пусть дух наш укрепляют.

В недоумениях терзаемся порой,
Торопимся, бежим, куда, не знаем.
Свой долгий путь земной проходим мы впервой,
А что потом – вопросов избегаем.

Когда останется совсем немного сил,
Нас разум свой дилеммой озадачит,
А наша совесть спросит, как ты здесь прожил?
Земные ценности переиначит.

Богатств больших и благ земных круговорот
Преследовал, манил, не уставая.
Ну а сейчас душевных просим мы щедрот,
Физически с годами угасая...

Праздничные будни

Заснежены январские дворы,
С утра повисли в инее осинки.
В мороз большой не видно детворы,
Лишь медленно спускаются снежинки.

Весь выдохся, притих наш старый год,
Ночной салют отчасти затаился.
Устал плясать под ёлочкой народ,
На отдых по домам заторопился.

С надеждою в грядущее смотрю,
Отправлено ненужное в былое.
Дорожку дальше в мыслях проторю,
Отброшу за порог пережитое.

В миру творится шум и балаган,
Тревога притаилась на планете.
Беснуются, зовут всех на майдан
И насаждают злобу в интернете.

Зачем от нас стремятся на восток,
Мы были там и нам туда не надо.
Без них нам худо, слышен шепоток,
И нас там ждёт цветущий эльдорадо...

Страна затихла, новости скудны,
Все празднуют и тихо отдыхают.
Дни пасмурны, а ночи холодны,
И мысли инстинктивно докучают.

Закончим отдых длинный, а потом
Прогоним лень и снова за работу.
Пойдёт как прежде время чередом –
Мы подчинимся вновь круговороту...

Догорает закат...

Мысль о вечном порой нас до боли изводит,
Отдаваясь под сердцем душевной тоской.
Не всегда, что задумал, в тетради выходит
И не пишется ровной, красивой строкой.

В приоткрытом окне виден лес на пригорке,
А над речкой вдали уплотнился туман.
Ярких зорь перелив не доходит к каморке,
Где от мыслей унылых клубится дурман.

Думки зреют, со временем выход находят,
Раскрывая нам шире на сущность глаза.
Иногда меланхолией вдруг озаботят,
И всё чаще наружу выходит слеза.

Время быстро идёт, так далёко начало,
Ну а что впереди, предстоит нам узнать.
Ветром быстрым с порога от детства умчалю,
А обратно никак нас не хочет забрать.

Поле зелень свою разбросало повсюду,
Ещё рано колосьям зерном наливать.
Вся природа цветёт и достойна этюда,
Так приятно с утра красоту наблюдать.

Догорает закат, бег часов убыстряя,
Зной текущего дня, ослабев, отступил.
Смотрим в душу себе, жизнь слегка ободряя,
И надеемся, что не всё в чаше испил...

С надеждой в Новый год...

Дождались сверху звездопада,
Закрыт салютом небосвод.
За полночь длится канонада,
В испуге жмётся пешеход.

Отвеселилась Русь надсадно,
Ушёл двадцатый год от нас,
Затеребив народ нещадно,
Вспылив, наш Новый год угас...

Нелёгко был – порой печален,
Проблемный, трудный, непростой.
Был строг, отчасти радикален,
Подчас мятежный, суетной.

Томился, буднями зажатый,
На внешних контурах лихой.
В житейском смысле небогатый,
В глобальном толке роковой.

Встречаем, с радостью ликуя,
Год двадцать первый, вдаль смотря.
Воображением рисуя,
Мы ждём с надеждой января.

Уходим смело в день грядущий,
Порхает всюду конфетти.
Год видится с колен встающий,
На верном, правильном пути.

Не может год быть тупиковый...
Вперёд стремимся, чуда ждём.
В душе отряд свой поисковый
К великим подвигам пошлём...

Зарделось окно на заре...

Сны с возрастом так тяжелы...
К обеду лишь взгляд просветлится,
Да, ночи зимою длины,
И мысль что есть силы резвится.

Всё скачет, отбросив покой,
Прошедшее нам преподносит.
Всё колет тупою иглой,
Картинки из детства приносит...

Рябиновый куст во дворе
И снежных сугробов завалы,
Капель перестук в феврале,
Родные до боли кварталы.

Садов белый цвет за рекой,
Вверху голубые просторы.
И встречи в саду под луной,
Вдвоём до утра разговоры.

Мы в старости ищем исток,
Где чистый родник исцеляет.
Всё чаще под горлом комок
Нежданно в тиши подступает...

Зарделось окно на заре,
Забрезжило небо в округе.
Пылает восход в декабре
Как будто в Божественном круге...

Зима всё ближе подступает...

Пожухли листья, сад скучает,
Ветрами буйными раздет.
И осень поздняя вздыхает,
Готова тёплый снежный плед.
Не слышно бравых птичьих песен,
Не виден пёстрый их наряд,
Хотя день ярок и чудесен,
Снежинки кружатся, искрят...

Ушло тепло с октябрьской ленью,
Продрогли голые поля,
И листья сверху каруселью
Вдруг оголили тополя.
Пришли сибирские бураны,
Метель закрыла белый свет,
Морозы ночью сильно рьяны,
И в белом инее рассвет.

Пробьют куранты в златоглавой,
Отчёт секундный проведут.
С предновогоднею забавой
Артисты в гости к нам придут.
Мы провожаем год двадцатый,
Нелёгкий, в жизни непростой,
Запутанный, в домах зажатый,
В блокадных буднях затяжной.

Проходит год, уводит время,
Вчера нельзя вернуть назад,
Пусть заберёт с собою бремя,
Болезней страшных камнепад.
Мы будем жить, к добру стремиться,
Надежду в душах сохранять,
С семьёй под ёлкой веселиться,
Всех с Новым годом поздравлять...

Ночная красота...

Божественна ночная красота,
Я пред тобой в тиши благоговею.
Природа спит, истомой обнята,
Лишь лунный свет тень бросил на аллею.

В саду сирень склонилась в полусне,
Свой аромат, сгустив, в ночь распылила,
Душевность чувств, нахлынувших извне,
Меня любовью нежно изводила.

Не отрываясь молча вдаль смотрю –
Такая благодать стоит в округе...
Безудержно и с милостью молю,
Молю о встрече жаркой на досуге.

Красивых слов своих мне не унять,
Открытых взглядов не сокрыть туманом.
Мне так приятно встречу представлять,
Разлив все чувства бурным океаном.

Щемит в груди, волнения гнетут,
А сердца стук убыстрился невольно.
И мысли с радостью к тебе плывут,
Душою тянутся непроизвольно...

Мы верим...

Мы верим, что наступит светлый день
И к лучшему в своей стране стремимся.
В надежде, вот ещё одна ступень –
И наконец делами возгордимся.

Негоже нам директорат винить
И недовольством к власти упиваться.
Себя и близких плачем изводить,
На всех вокруг безмерно сокрушаться.

Безволие к добру не приведёт,
Все отрицания в пути помеха.
Нам нужен в душах молодёжи взлёт
И для начала капелька успеха.

Без рвения не возродить страну,
Бессилие – душевных мук терзанье.
Исконно русскую величину
Отодвигают, как бы в наказанье.

Вся суть стиха и жёсткость данных строк
Зависнет в пустоте без пониманья.
Здесь нужен убедительный урок
И непомерные, духовные желанья...

Дни бегут...

Я открою людям свою душу,
Станет легче мне, а может, нет...
Вдруг в преддверье лета занедужу,
Хотя вроде солнышком согрет.

Теплота природная не греет,
К слёзам слаб, желанья молчат.
Шаг вперёд всё больше тяжелеет,
А порою видом мрачноват.

Дни бегут, а ночи бесконечны,
Кажется, что зори холодней.
Признаки для возраста извечны,
Делают нас чуточку грустней.

Лунною тропкою тени бродят,
Сад притих, лишь слышен шум листвы.
Думы страшно в темноте изводят,
Раздражает уханье совы.

Старость к мудрости приходит в гости
Посидеть, попить вдвоём чайку.
Выслушать совет, убавить злости,
Побороть унылую тоску.

Как приятно думать на рассвете,
Мысль витает где-то далеко.
Да, всё ближе время к эстафете,
Но принять всё это нелегко...

Навевают мне мысли тревогу

Навевают мне мысли тревогу,
Что нас ждёт через год впереди.
Спотыкаемся, ищем дорогу,
Часто просим: Господь, снизойди.

Укажи путь прямой, без изгибов,
От излишеств верхи огради.
Сбереги от больших перегибов
И страну наконец возроди.

На судьбу нам роптать не пристало,
Мы найдём что поесть, где поспать,
Лишь бы сердце огнём воспылало
Сеять благо, вершить и мечтать.

Не в одежде и пище проблемы,
Нестабильность пугает народ.
Разрывают их души дилеммы,
И пугает порою исход.

Дух России впитали мы с детства,
Нам негоже о прошлом грустить,
Ненавидели мы дармоедство
И старались творить и любить.

Наблюденья текущих моментов
Чуть печалит сегодняшним днём.
Слишком много сейчас оппонентов,
Разобщённо в стране мы живём...

Новый год зачарует нас сказкой

Закружилась играясь позёмка,
Заметая тропинки пургой,
В вихре снежном кружит незнакомка,
Извиваясь шутивно дугой.

Снег идёт, как пушистая вата
Покрывая деревья вокруг.
Бодро прыгают в чаще зайчата,
Пересилив природный испуг.

За окошком рябина алеет,
Ягод ярких не счесть на кусте.
Птичья стайка на ветках пестреет,
Согреваясь в дневной суете.

Детвора от души веселится,
Щёки красные снег холодит,
В каждый дом уже праздник стучится,
Примеряйте наряды, кричит!..

Новый год зачарует всех сказкой
И на утренний бал пригласит,
Дед Мороз нам со смехом и пляской,
Как и в детстве, подарки вручит.

Первый день января мы встречаем,
Суетятся вовсю повара.
Всем здоровья и счастья желаем
И гуляем с семьёй до утра.

Новый год к нам с любовью приходит,
Принося упоенье душе.
Нас за ручку он в детство уводит,
Позабыв о земном багаже...

Природные нюансы...

Осенние ветра нам навевают стужу,
Колючий, хладный день не радует с утра.
В окно ненастье неотступно лезет в душу,
И не даёт покоя нудная хандра.

Угрюмость тёмных туч печали навевает,
А сырость мутных луж не радует наш взгляд.
Земля в полях черна и влагой набухает,
Озимые посевы на ветру дрожат.

Предзимья мрачен вид, пора пейзаж исправить,
Уж больно скучноват весь в сырости наряд.
Назавтра, может быть, зима права предъявит,
Послав в ночи вперёд заснеженный отряд.

Распутица уйдёт, уляжется невзгода,
Смирится наконец осенняя пора.
Прибудут холода, всего лишь на полгода,
И заметёт снегами ночью хутора.

Закончатся дожди, прояснится погода,
Зардеется улыбкой ясный небосвод.
Как упоительна и радостна природа,
Когда избавится она от непогод.

Печали все пройдут, забудутся тревоги,
Пытливый, здравый ум ослабит боль в груди,
Ушёл в былое год, подводятся итоги
Прекрасных, чудных дней, отставших позади...

Любовь это награда...

Осенняя погода коррективы вносит,
Сковало тонким льдом дорожки во дворе.
И будто ветром все мечты уносит,
Срывая тонкий лист в моём календаре.

Увидев полюбил, твой лик мне так приятен,
Страдаю по ночам, желая видеть свет,
А крик моей души порою безвозвратен
К надежде в будущем встречать с тобой рассвет.

Хочу неистово обнять тебя за плечи,
Обрадовать теплом, зажечь внутри огонь.
Скажу, что думаю, при нашей первой встрече
И с нежным трепетом возьму твою ладонь.

Настанут времена взаимопониманий,
Твоё присутствие пожалуйет покой.
Избавлюсь наконец от всех переживаний,
Прижавшись радостно к щеке твоей щекой.

И в тихий дивный сад придём мы на свиданье,
Прохладный ветерок взъерошит локон твой.
Ах, как томительно испытывать желанье,
Увидеть милый взгляд, назвать тебя женой.

С течением времени приснится сад с прохладой,
Деревья с той поры изрядно подросли.
Сердечно признаю, довольствуюсь наградой,
Которую вдвоём по жизни пронесли...

Тонкие разъяснения...

Живём сегодняшним, но мысли не унять,
Из прошлого приходят к нам ночами.
Порой пытаются заботу проявлять,
А иногда винят всю грехами.

Проходит наша жизнь в старательных трудах,
А скоротечность дней чуть-чуть пугает.
Бежим, не думая о прожитых годах,
Лишь старость, не спросясь, напоминает.

Нам дни минувшие откроются порой,
Кто грустью, кто весельем их встречает,
Нахлынут невзначай с предутренней хандрой,
На разговор серьёзный намекают.

Всем с малых детских лет настойчиво твердят:
Не делай зла, оно назад вернётся,
Года проступков безвозвратно пролетят,
А боль внутри надолго остаётся...

Мораль сего стиха отображает жизнь
И не несёт советы в наставленьях.
Совсем лишённая недобрых укоризн,
А только лишь в доступных разъясненьях...

Приходит грусть осенними ночами...

Грустим немного, осень виновата,
Приводит нам печали не спросясь,
Всем говоря, что нет к теплу возврата,
Цветной листвой засыпать торопясь...

Предзимних дней объятия прохладны,
Мокры деревья, лужи во дворах,
Ветра с морозом к ночи безотрадны,
И вся трава в бесчувственных слезах.

В низинах сырость, копны почернели
И кисловатый запах от травы.
Не слышно птиц, на юг все улетели,
Взмахнув крылом, и были таковы.

Зачем грустить, ссылаясь на невзгоду,
Нас не должны тревожить в тучах дни.
Не изменить насильственно природу,
Как ни ругай её и не брани.

Немного жаль, тепла нам не хватает,
Но не совсем все эти дни тусклы,
И жизнь нам преспокойно объясняет:
Погода всех времён достойна похвалы...

Плачет осень...

Всю неделю дожди, надоела невзгода,
Ветер воет свирепо на голых полях.
По дороге, в грязи, еле едет подвода,
Да дрожит жёлтый лист на степных тополях.

Осень плачет навзрыд, всем слезу нагоняет,
Запасается влагой в потребность земли.
А предзимье свой план с декабрём замышляет,
Ожидая свой час, притаившись вдали.

Беспокоятся птицы, кругами летая,
Подготовку к полёту ведут в небесах.
И о тёплых краях незабвенно мечтая,
Ждут сигнал к перелёту в промозглых низах.

А дожди всё идут, принося нам печали,
Настроение падает день ото дня,
А сегодня всю ночь капли громко стучали
По стеклу со двора, будто осень вина.

К морозящим осадкам пургу обещают,
Растревожив и так навалившую грусть,
И синоптики слякоть упорно вещают,
Повторяя как стих свой прогноз наизусть...

Встречайте с радостью рассветы...

Откроются со временем секреты,
Печаль сойдёт на нет, и посему
Встречайте с удовольствием рассветы,
Отбросив вдалёк ночную полутьму...

Не ждите с неба манны, не дожждётесь,
В трудах своих добудьте хлеб и кров.
Не проходите мимо, вы вернётесь,
Свой страх и боль в себе переборов.

Живите дружно, мирно и свободно,
Гоните лень, любите горячо.
Своих врагов прощайте благородно,
Подставив в трудный час своё плечо.

Тень времени в нас болью отдаётся,
Прошли года, остался только миг.
Сейчас лишь только сущность познаётся,
Чем жил в миру, зачем, чего достиг...

Куда идём толпой...

Все жаждут перемен, которые разрушат
Устоев праведных каноны на земле.
Над нами ястребы с кровавым взором кружат,
Им не знакома притча о добре и зле.

Покоя хочется, но в данный век тревоги
Заполонили мысли наши полутьмой.
Ищу, не находя, обив зазря пороги,
И с грустью думаю, что я в стране чужой.

Зажжённая искрой округа запылает,
Но горек едкий дым центральных площадей.
Планета вся в бреду, вражда преобладает
И слышен дикий крик непризнанных вождей.

Златой телец внутри вкушает жажду власти,
А дым Отечества затмил слезой глаза.
Куда идём толпой, мы знаем лишь отчасти,
Бредовых лозунгов заслышав голоса...

Лунное ожерелье

Повесть

Часть 9. Возвращение домой¹

На местный приморский автовокзал супруги пришли заблаговременно, благополучно заняли место у окошка в салоне автобуса. В пути, когда выезжали из посёлка Солнечный, случилась поломка в микроавтобусе, и им пришлось простоять на трассе некоторое время. Но водитель оказался опытным, быстро исправил все неполадки в моторе своего транспортного средства и буквально через полчаса после незапланированной остановки они уже ехали в направлении Севастополя.

По приезду на место быстро пересели в свой автобус, направляющийся к Керченской переправе, благо билеты были уже куплены и не пришлось тратить время на их приобретение. Усевшись со спокойной душой, начали ожидать отправки. Ждать пришлось недолго, через несколько минут автобус отошёл от перрона.

Ехать до пункта назначения предстояло часа четыре с небольшим, так что можно было немного подремать. Солнце ещё не село, и все пассажиры с большим любопытством и интересом рассматривали природный ландшафт за окном автобуса.

Полмесяца назад, когда они ехали сюда с Керченской переправы, была ночь, все пассажиры, в том числе и Иван Алексеевич с супругой, находились в состоянии полудрёмы и, естественно, ничего не смогли рассмотреть в темноте.

¹ Продолжение повести. Начало опубликовано в книге Александра Харипанчука «Ливенских зорь отражение».

Постепенно начало смеркаться, большую часть пути ехали по равнине, вокруг простирались хлебные поля. Но ровные зелёные ряды виноградников преобладали по площадям над зерновой культурой.

Масштабный контраст жёлтого цвета золотых нив с ровными тёмно-зелёными рядами виноградников был сильно заметен. Вид виноградных плантаций за окном подстёгивал его к исполнению давно задуманного. «Всё-таки нужно найти время и заняться разведением виноградника у себя на участке», – вертелись мысли у него в голове.

Год назад ему подарили два саженца морозоустойчивого винограда под названием «Изабелла», и он посадил их по осени у себя в саду. Но, может быть, слабо утеплит корневую систему, понадеявшись, что они уже приспособлены к холодам, то ли морозы в том году были сильными, но весной посаженные кустики начали чахнуть и в конце концов засохли.

Мысли о благоустройстве своего сада не давали ему покоя всю дорогу, пока они ехали. Он решил не откладывать данную задумку в долгий ящик и по приезду поговорить со своими товарищами садоводами о приобретении саженцев виноградника.

Водитель автобуса, остановившись недалеко от переправы, огласил, повернувшись в сторону салона, что остановка конечная. Слава Богу, приехали, произнесла облегчённо Валентина Васильевна, умаявшись за дорогу, и начала собирать свои пожитки. Вещей было немного: пакеты с едой да одежда в спортивных сумках.

Им повезло, что они брали билеты, которые давали возможность переправляться внутри автобуса на пароме, а не единые билеты, с которыми пришлось бы самостоятельно, на своих двоих, нести свои вещи, сдавать паспорта и по прибытии на берег в порт Кавказ искать свой автобус, бегая по причалу.

Керченский пролив – самое узкое место, протяжённостью всего пять километров, где плавание на пароме составляет всего двадцать минут, но если учитывать время с оформлением и заездом автобуса, то приходилось тратить на всю процедуру часа три и ещё какое-то время ждать, когда паром

отчалит от причала. Но можно ещё простоять, потратив около часу времени до его отправки на тот берег по непонятным для пассажиров причинам.

В суете оформления и посадки в автобус, на котором они будут добираться домой, время пролетело незаметно. Как только заехали на паром, Иван Алексеевич с Валентиной Васильевной, оставив все свои сумки, вместе с попутчиками по автобусу вышли на палубу. Хотя время было ночное, около двух часов пополночи, но под округлой, непомерно яркой лунной море было видно хорошо. Мелкие волны, без дуновения ветра на море, монотонно бились о борт парома, скорее всего, это было влияние морских отливов и приливов.

Иван Алексеевич был знаком с данными природными явлениями. Отливы и приливы регулярно сменяют друг друга: за отливом следует прилив, вслед за ним – следующий отлив.

В то время как море поднимается и опускается, вода движется вперёд и назад. В открытом море это едва ли заметно, но в проливах и бухтах, где движение воды ограничено, можно наблюдать приливные и отливные течения. В первом случае (приливное течение) оно направлено к берегу, во втором (отливное течение) – в противоположную сторону.

Любуясь красотами моря, пассажиры беззаботно расположились у самого борта. Иван Алексеевич случайно увидел, как в их автобус, крадучись, прошмыгнул молодой человек, всё произошло так быстро, что он только сумел заметить на нём тёмную одежду, и явно бросилась в глаза надвинутая кепка чёрного цвета.

Вначале он не обратил внимания на парня, зашёл да зашёл пассажир, но тут его как молнией прострелило, он вспомнил о рюкзаке с драгоценностями. Чтобы не носить их с собой, он его завалил своими сумками с продуктами в салоне автобуса под сиденьями.

Не раздумывая, стремглав бросился к автобусу, подозрительный парень в это время уже выходил из него, в руках было несколько небольших пакетов, в темноте трудно было рассмотреть, что именно он держал. Чтобы перехватить ворешку, Иван Алексеевич бросился наперерез.

Парень, заподозрив неладное, скорее всего увидел быстро приближающего к нему человека, ускорился и поменял направление. Изначально, выйдя из автобуса, он быстрым шагом направился к корме парома, но, передумав на ходу, бросился со всех ног к борту корабля.

У самого борта Иван Алексеевич всё-таки настиг беглеца и, схватив его за руку, резко потянул к себе.

Тот, выпустив сумки, перемахнул через борт и растворился в морских волнах.

Позже помощник капитана рассказал, что у воришек есть такая схема: двое проходят на паром под видом пассажиров, а внизу на лодке рядом с паромом их поджидает соучастник. И если удаётся стащить багаж незаметно, то сбрасывают за борт вещи, а в тех случаях, когда их замечают, выпрыгивают вместе с добычей к своему напарнику и дают дёру по воде. Лодки у них быстрые, так что поймать их практически невозможно.

Иван Алексеевич осмотрелся вокруг, сумки были хаотично разбросаны по левому борту палубы.

Сбежались люди, видевшие преследование подозрительного человека, начали искать свои вещи. Молодая девушка, больше всех шумевшая в толпе, побежала сообщать о случившемся администрации корабля.

Иван Алексеевич, видя, что его вещей здесь нет, а больше всего его интересовал рюкзак с сокровищами, двинулся в сторону своего автобуса убедиться, что ценности на месте. Пробравшись через толпу любопытствующих людей до своего места в салоне автобуса, нащупав под сидением свой принёсший ему много волнений рюкзак, успокоился.

Приходили люди в форме, что-то спрашивали, он машинально отвечал и продолжал сидеть, теребя поводок от сумки, в которую положил свой злополучный рюкзак с драгоценностями. Пришла жена, Валентина Васильевна, видя состояние своего супруга, догадалась, почему он так разволновался, села молча рядом.

Паром, придерживаясь графика расписания, двинулся на противоположный берег, к порту Кавказ. Все постепенно

успокоились, попутчики с автобуса благодарили Ивана Алексеевича, жали руку за его смелый поступок, хлопали дружески по плечу. Он всё чувствовал, кивал в ответ, но находился в состоянии равнодушного ко всему человека, будто после сильного нервного потрясения. Скорее всего, так оно и было, он сильно перенервничал из-за своих драгоценностей, которые могли так легко выкрасть.

Через двадцать минут их плавания вдаль показались огоньки противоположного берега, где располагался порт.

Выгрузка автобуса с парома прошла намного быстрее, чем погрузка, Краснодарский край встретил их приветливой утренней прохладой. Солнце только начинало всходить, и первые лучи, упав на морскую гладь, золотили тёмно-синюю поверхность моря, сливавшуюся на горизонте со светло-алым небом.

Было тихо, море почти успокоилось, волны, лениво перекатываясь, растворялись почти у самого берега, как бы ополаскивая прибрежную часть берега.

После того как автобус съехал с парома, остановились на несколько минут размять ноги перед дальней дорогой. Пассажиры спустились к воде напоследок омыть лицо и ноги, тем самым как бы прощались с морем.

Водитель, торопя пассажиров, просигналил, и через некоторое время, проверив, все ли на месте, направил свой автобус в сторону выстреливших на утренней заре лучей восходящего солнца, как будто само светило указывало ему путь домой, к родным местам.

Обстановка в салоне была спокойная, всё, что случилось на пароме, постепенно забылось, уставшие за ночь на переправе люди тихо переговаривались между собой. Некоторые пассажиры дремали, склонившись на сиденьях и опустив низко головы, будто рассматривая свои колени.

Ивану Алексеевичу не спалось, думки поглотили всю его сущность. Не давал покоя вопрос, что же делать с сокровищами, которые они везут домой. Сдавать официально уже поздно, появятся вопросы от официальных лиц, на которые трудно будет найти ответ. Остаётся только одно: на какое-то время запрятать их дома, а потом на малую их часть найти

покупателя. Решил по приезду домой непосредственно заняться поиском покупателя хотя бы изначально на пару-тройку золотых червонцев, тем самым на дальнейшее сделать стартовый капитал для расширенного поиска сбыта царских монет.

Он внутри переживал, что ещё там, в пещере, приняли решение с женой не афишировать найденное ими в горах, а вот сейчас приходится раскаиваться и непомерно волноваться. Но отступить от своих слов было поздно, нужно доводить до конца задуманное.

Удовлетворённый, что данный вопрос решился хотя бы с самим собой, он на время успокоился. Посидев в глубокой задумчивости, Иван Алексеевич достал местную прессу Крыма, которую заблаговременно купил в последний день пребывания в посёлке Солнечный прямо перед отъездом, и начал читать газетные колонки. Супруга смотрела молча в окно, и на лице, так показалось Ивану Алексеевичу, у неё не было печальных мыслей, и это его порадовало.

За чтением Иван Алексеевич не заметил, как уснул. Проснулся, когда автобус остановился буквально в тридцати метрах от трассы. Стоянка была оборудована всем необходимым для проезжающих туристов. Под берёзками удобно стояли столики с лавочками к ним, в двух шагах от столиков находилась вместительная беседка на случай дождливой погоды, внутри её также располагался во всю длину широкий стол и лавочки по краям. Вдалеке виднелся мангал с уже заготовленными дровами. «Всё для народа, как говорится», – с улыбкой произнёс Иван Алексеевич, усаживаясь в тенёчке, и начал разворачивать купленные ещё в посёлке съестные припасы.

Засиживаться водитель не позволил, громко сигнала, топил всех занять свои места в автобусе.

Было жарко. Солнце стояло в зените, нагревая всё вокруг, не щадя, естественно, и проезжающий транспорт. В поездке с моря пассажиры выглядели загорелыми, некоторые молодые люди были похожи на мулатов, до такой степени пришёлся им загар, но огонька в глазах не было, как тогда, когда все стремились к морю, к неизвестным красивым местам.

Супруга Ивана Алексеевича, Валентина Васильевна, начала звонить домой, детям, но разговор толком не получился, связь была не на высоте, и приходилось повышать голос, чтобы на другом конце её услышали.

Так толком не поговорив, она отложила телефон.

Потянулись часы, как говорил Иван Алексеевич, «часы монотонного бездействия», радовало только то, что помаленьку приближались к родным местам, по которым они уже успели соскучиться, а по детям и внукам тем более.

По дороге ещё останавливались на трассе несколько раз размять ноги, сидеть в одной позе было тяжело даже молодым, не говоря уже о пожилых пассажирах.

Подъехали к месту назначения, когда совсем стемнело. Дети с внуками уже поджидали их на перроне автовокзала.

Встретили радостными объятиями и повезли их домой, Валентина Васильевна по дороге всё спрашивала дочь про их огород за городом, волнуясь, всё ли там в порядке. Иван Алексеевич, посадив внука Артёма рядом с собой, гладил его по головке, расспрашивая, как он провёл время без бабушки. Тот начал увлечённо рассказывать, что они во дворе придумали с друзьями новую игру ...

Со всеми подробностями рассказал, как ездили с папкой и мамкой на машине за город, на дачу, так он называл их дом в деревне. Рассказывал, не останавливаясь, сбивчиво объясняя жестами, как они с папкой ловили на речке рыбу, и показал, какой величины поймали, при этом вытягивая руки в стороны на всю ширину.

Так с расспросами и с увлечёнными рассказами внука они незаметно подъехали к дому, где находилась их квартира.

Поблагодарив детей, поднялись к себе. «Всё, – проговорила Валентина Васильевна, – вот мы и дома, слава Богу, добрались благополучно».

«Отдых с приключениями закончился, что теперь ждёт нас впереди», – думал Иван Алексеевич, распаковывая вещи.

Долго пили чай, просидели за разговорами до полуночи, но усталость с дороги давала о себе знать, и они начали собираться ко сну.

Часть 10. В поисках сбыта сокровищ...

Прошло два дня, как Иван Алексеевич с Валентиной Васильевной приехали с моря. Суэта ежедневного быта затянула их своей паутиной, они полностью посвятили себя работе по дому и в огороде.

Пока отдыхали на юге, дети приглядывали за домом в деревне, но, зайдя на участок после отдыха, Валентина Васильевна осталась очень недовольна их работой на огороде.

Ворчать она не ворчала, так как была миролюбивого нрава, а просто начала всё переделывать и исправлять за детьми. Проводила очень много времени на своём приусадебном участке, убирала сорняки и выравнивала плохо окученный картофель.

Но время шло, беспокойство её улеглось, что можно было исправить, исправлено. Потекли обычные дни, такие же размеренные, как и до поездки на Крымский полуостров.

Иван Васильевич не терял время даром, узнал через интернет стоимость золотых царских монет и уже наметил поездку в Москву, к старому своему приятелю, который коллекционировал в своё время монеты.

Золотых монет у него Иван Алексеевич не видел, но на сегодняшнее время, может, что изменилось в его увлечениях. Цена по прежнему на данный момент обычных, не коллекционных, золотых червонцев составляла в пределах от тридцати пяти до шестидесяти пяти тысяч рублей за каждый, в зависимости от сохранности и года выпуска.

Но были такие экземпляры, прекрасно сохранившиеся и почти не бывшие в употреблении, которые могли стоить более ста тысяч рублей за одну монету.

Иван Алексеевич решил практически убедиться, достоверно узнать цену, сделав пробную продажу.

Не стал откладывать поездку на потом и на завтрашний вечер взял билеты на автобус до Москвы. Поездка планировалась быть ознакомительной и не вызвала у него особых волнений. Да и его давний знакомый был порядочным человеком, они с ним поддерживали дружеские отношения ещё с юности.

Взяв билеты через интернет на позднее время, чтобы к утру уже быть в столице, он отправился в сад полежать в беседке, на кушетке. Сосредоточиться и ещё раз всё обдумать.

Перед тем как заказать билеты, попытался уговорить супругу, Валентину Васильевну, поехать с ним, но та, сославшись на домашние дела, отказалась.

Заблаговременно приехав к вечеру на автовокзал, Иван Васильевич, присев на скамейке, осмотрелся вокруг.

Рядом с ним присела пожилая женщина и начала спрашивать расписание автобусов на Курск.

Иван Алексеевич степенно объяснил ей, что он едет в другом направлении, не в Курск, и что не знает расписание автобусов. Та, не унимаясь, начала вести с ним беседу о политике, потом резко перешла на сельскохозяйственную тему, объясняя, как нужно ухаживать за огородом и когда вносить удобрения.

Иван Алексеевич слушал её, не вникая в тему разговора, и думал, как по-разному люди воспринимают жизнь. Как всё просто и, должно быть, спокойно на душе у этой женщины. Мысли её пронизаны добротой и светом, быт у неё в голове вытолкнул все ненужные тяжёлые думки, и она по-своему является счастливым человеком.

Подошёл автобус до Москвы, Иван Алексеевич вежливо попрощался со своей собеседницей, вошёл в салон и начал искать своё место, указанное в билете. Народу было немного, он спокойно уселся у окошка.

Автобус тронулся и медленно поехал по улочкам города, направляясь к трассе, идущей в сторону столицы.

Время в пути до Москвы прошло быстро, Иван Алексеевич до полуночи смотрел телевизор, а ближе к утру успел ещё и поспать. Подъезжая к окрестностям Москвы, он чувствовал себя отдохнувшим и готовым к предстоящему серьёзному разговору.

По приезду на Щёлковский автовокзал в Москве Иван Алексеевич созвонился с Николаем, так звали его товарища, и договорился встретиться недалеко от его работы. Работал он в банке заместителем начальника службы безопасности.

Он давно не видел своего друга детства, почитай лет двадцать, иногда только разговаривал по телефону, поздравляя с праздниками или с днём рождения.

Иван Алексеевич решил не ждать назначенного часа, а поехать заранее, походить по городу вблизи намеченного для встречи места.

Время пролетело незаметно, друг его пришёл вовремя, без опоздания. Обнявшись, они радостно поприветствовали друг друга.

Недалеко через дорогу было кафе, зашли туда и уселись за столиками на террасе.

Николай сильно изменился, постарел, хотя был моложе Ивана Алексеевича. Годы давали о себе знать, да и сидячая работа явно не способствовала омоложению организма.

Заказав кофе, начали дружескую беседу, вспоминая свою юность.

Учились они в одной общеобразовательной школе, но сдружились на тренировках по борьбе самбо, куда Николай записался после восьмого класса, где Иван уже занимался борьбой.

Сейчас, сидя в кафе, весело смеялись, вспоминая, как Николай потерялся на соревнованиях, когда они ездили, ещё до чеченских волнений, в город Грозный. Тогда после очередного дня соревнований, самостоятельно, без группы он уехал в гостиницу, которая была за городом, но по ошибке сел на другой автобус и попал в пригородный посёлок, который находился в тридцати километрах от места проживания.

Начали вспоминать, сколько городов объездили по всей России, участвуя в соревнованиях. «Да, хорошее было время», – подытожил их воспоминания Николай, посматривая на часы.

Иван Алексеевич увидел этот жест, начал вкратце объяснять другу, что хочет продать несколько золотых царских монет, и попросил найти ему покупателя.

Николай внимательно выслушал и пообещал, что попытается разузнать до вечера максимальную информацию, а когда

Иван Алексеевич сегодня придёт к ним в гости, всё ему подробно расскажет, и они вместе составят план дальнейших действий.

Разошлись не прощаясь, Иван Алексеевич поехал ближе к центру Москвы, походить по историческим местам, а Николай поспешил к себе на работу.

Приехав на Красную площадь, Иван Алексеевич поддался воспоминаниям. Здесь в Москве они с супругой, ещё до их женитьбы, провели очень много времени. И он решил по памяти обойти все их заветные места, где они любили гулять вдвоём. Хорошо помнил, что они часто бывали в Александровском саду – туда он и направился.

Придя в парк, прошёлся по аллеям, посидел в тенёчке, воспоминания захлестнули все его мысли.

Долго сидел, вороша в памяти прекрасные моменты прошедшей молодости. На сегодня в планах было посетить два собора, Успенский и Благовещенский.

Начал свой обход заветных мест с Успенского собора Московского Кремля, расположенного на Соборной площади.

Простой, но вместе с тем величественный храм является образцом соборной архитектуры. Это одно из старейших сохранившихся зданий Москвы. На протяжении нескольких веков он является кафедральным храмом России.

Иван Алексеевич постоял там, проникаясь святой стариной, и продолжил свою экскурсию воспоминаний в направлении Благовещенского собора.

Данный собор, как и много лет назад, был величественен и мощен! Даже вблизи собора чувствовалась особая атмосфера, которая накрывает душевным покоем и благодатью! Очень сильная энергетика! Со двора он поднялся на смотровую площадку, с высоты Кремлёвского холма открывался живописный вид.

Уставший, но полный душевных сил Иван Алексеевич решил посетить ещё и Большой Кремлёвский сквер.

Большой Кремлёвский сквер – тихий немногочисленный парк, где можно полюбоваться столичными достопримечательностями, подышать свежим воздухом и отдохнуть от городской суеты.

Усевшись на лавочке, годы давали о себе знать, Иван Алексеевич решил дождаться вечера здесь, в сквере и отсюда поехать к своему другу. По дорожкам парка гуляли отдыхающие, в основном пожилые люди, не торопясь прогуливались по ухоженным аллеям.

Клумбы, расположенные в большом количестве, поражали красотой тюльпанов, которых здесь было неимоверное количество. «Как и когда работники парка ухаживают за клумбами, если не видно работающих», – размышлял Иван Алексеевич.

Кроме ухоженных цветочных клумб и фруктовых деревьев в глубине сквера был расположен бронзовый фонтан в виде павлина, который был окружён маленькими фонтанчиками.

Для многочисленных посетителей это был в первую очередь роскошный оазис в центре мегаполиса, где можно прекрасно отдохнуть.

Бесчисленность растений и цветов просто завораживала Ивана Алексеевича своей внеземной красотой.

Есть такая версия, что среди деревьев-долгожителей здесь есть лиственница, посаженная Петром I, основателем Аптекарского огорода, но достоверно ли данное предположение, неизвестно.

– Да, – задумчиво произнёс Иван Алексеевич вслух, – Москва это другая страна.

Погулял ещё немного, наслаждаясь красотой и ухоженностью сквера, и поехал к своему другу.

У порога квартиры его встретила жена Николая, Валентина, приветливо улыбаясь, пригласила войти. С ней Иван Алексеевич был знаком, но так, поверхностно, виделись всего один раз, когда Николай приезжал на малую родину к родителям. Встреча тогда была недолгой, и он сейчас не узнал Валентину с первых минут. Возраст отложился на её лице отпечатком времени, но женская привлекательность и умение держать себя на людях остались неизменными.

За разговорами спокойно, не торопясь поужинали.

С возрастом обилие яств и спиртного на столах не вызывало уже особой радости у Ивана Алексеевича.

Но в гостях неприлично отнекиваться от еды и выпивки, так что пришлось употребить немного спиртного и съесть лишнего.

Вышли после обильного стола подышать свежим воздухом на балкон. Николай изложил все свои мысли по сбыту монет, объяснив, что нашёл человека, нумизмата, который с радостью встретится с Иваном Алексеевичем и обсудит сделку. На том и порешили. «Завтра всё будет понятно, что за человек этот нумизмат и как он себя поведёт при первой встрече», – подытожил разговор Иван Алексеевич.

Душевно он был сильно напряжён, его беспокоило быстрое согласие на встречу со стороны покупателя. В целях безопасности он решил не озвучивать даже Николаю количество драгоценностей, которыми он располагает.

Ночевать в гостях он остался на одну ночь, так как понимал, что посторонние в доме вызывают неудобства.

На уговоры хозяев остаться в гостях на недельку сказал решительно: «Нет, большое спасибо за приглашение, мой друг, но только сегодня переночую, а на завтра поселюсь в гостинице».

Увлечшись разговорами и воспоминаниями своей юности с Николаем, улеглись далеко за полночь.

Наутро, слегка позавтракав, все разбежались по своим делам, Валентина с супругом к девяти часам уехали на работу, а Иван Алексеевич, чтобы не брать у них запасные ключи, вместе с ними покинул квартиру, хотя до запланированной встречи с нумизматом в Александровском саду ещё было много времени.

Александровский сад – место историческое, безусловно, его стоит увидеть каждому, кто приезжает в столицу. Располагается он очень удачно – у подножья кремлёвских стен, неподалёку от Красной и Манежной площадей.

Иван Алексеевич был там однажды, и ему очень понравились аллеи с высаженными на дорожках цветами. Особенно запомнился фонтан с квадригами лошадей, он был необычайно красив и гармонично вписывался в ландшафт сада.

Туда он решил идти пешком с остановки метро из расчёта, что к назначенному часу подойдёт вовремя. Встреча была назначена около фонтана с четвёркой лошадей.

Народу в парке было уже много, Александровский сад по праву можно считать самым посещаемым парком в Москве. Гости, туристы и сами москвичи любят отдыхать в Александровском саду в любое время года, ведь за садом тщательно ухаживают и цветочные поляны всегда благоухают и радуют глаз своим цветением. Вход в сад бесплатный и открыт для всех желающих. Парк безумно красив, цветение роз, гортензии разбавляет бархатистая зелень лип и кленов, а в период цветения сирени здесь плюс ко всему ещё и божественный запах. Одним словом, райский уголок, и он в любое время года заполнен множеством людей.

Вот и сегодня почти все лавочки были заняты, да и дорожки для гуляющих граждан на аллеях не пустовали.

Ещё издали Иван Алексеевич заметил сидящего невдалеке от намеченного места человека.

Подойдя к нему, поздоровался, спросил имя, отчество и, убедившись, что это Анатолий Иванович, представился сам.

Новый знакомый выглядел человеком средних лет, высокого роста, бодрым и свежим на вид. Одежда его: светлые брюки и белая в мелкую полоску рубашка подчёркивали его опрятность и элегантность. Взгляд был цепким и как бы оценивающим.

Так как друг о друге они уже немного знали, Николай их заочно познакомил, то перешли сразу к делу.

– Для коллекционера, – начал объяснять Анатолий Иванович увлечённо, – редкие старинные или современные деньги всегда были и будут в цене, чтобы приобрести такие монеты, нумизматы участвуют в аукционах, где выкладывают приличные суммы денег для того, чтобы заполучить в коллекцию нужный экземпляр, но чаще приобретения случаются по рекомендациям знакомых.

И в итоге объяснений подчеркнул, что «только нумизматы и музейные работники оценивают монеты, ориентируясь на их редкость и историческую ценность».

Иван Алексеевич внимательно слушал его, молча рассматривая своего собеседника, соображая, с какой целью всё это рассказывает ему новый знакомый.

Мысли его были направлены только на одно, искренен ли на данный момент его визави или это его многословное разъяснение есть приём заговорить своего собеседника.

Так незаметно в разговоре на сущую тему перешли непосредственно к золотым монетам.

Посмотрев на фото в телефоне, где Иван Алексеевич отснял каждую монету в отдельности, Анатолий Иванович подробно начал разъяснять Ивану Алексеевичу, что в отечественной нумизматике уровень предметов торго чаще всего определяется по уровню сохранности монет, где в первую очередь используется следующая градация, куда входят: монеты, почти не бывшие в обращении; чрезвычайно прекрасно сохранившиеся; очень замечательная сохранность; хороший уровень сохранности и очень удовлетворительная степень сохранности. «И за всем этим стоит цена за каждую монету, которая может сильно различаться», – подытожил он своё долгое объяснение.

Фото монет на телефоне рассматривалось им очень долго, по его лицу было заметно внутреннее напряжение.

– Прекрасно, – вымолвил он наконец чуть дрожащим голосом, за которым, возможно, скрывалось проявление большого интереса к предложенному товару.

По цене не сговорились, Анатолий Иванович жёстко дал понять, что без товара обсуждать цену на монеты не будет. Договорились о встрече на завтра в это же время с наличием денег у покупателя и товара у продавца. Вежливо попрощавшись, пожелав друг другу приятного дня, разошлись. Время было два часа пополудни. Ивану Алексеевичу нужно было решать вопрос с ночёвкой на сегодня, и он направился искать гостиницу. «Устроюсь в номер, основательно перекушу и буду готовиться к завтрашнему беспокойному дню», – решил он.

Разместившись в гостинице, Иван Алексеевич плескался почти целый час под душем, потом сходил в ресторан. Вечером позвонил другу, сказал ему, что у него всё прошло хорошо,

и попросил подстраховать его завтра при сделке. Тот сразу согласился, пояснил: «Место у фонтана с четвёркой лошадей я знаю хорошо и приду туда завтра заблаговременно». В конце разговора успокоил: «Возьму свой табельный пистолет, не волнуйся, если будут подозрительное движение при вашей сделке с нумизматом, я тебя обязательно прикрою».

Наутро, проснувшись, Иван Алексеевич не находил себе места, всё вышагивал по комнате, размышляя вслух: «Если всё пройдёт хорошо, стоит ли обговаривать на дальнейшее большую партию продаж – быть может, пока промолчать о следующих сделках?»

Решив наконец, что лучше промолчать, он пошёл со спокойной душой на встречу.

На условленное место в парке Александровского сада Иван Алексеевич пришёл минут за двадцать до намеченного времени, решил осмотреться и занял позицию для наблюдения на лавочке, метров за пятьдесят от назначенного места, почти у самого фонтана.

Позвонил Николаю, тот успокоил его: «Я на месте, хожу здесь недалеко, объекта не вижу пока, всё спокойно».

К назначенному часу подошёл и Анатолий Иванович, поздоровались, без лишних предисловий перешли сразу к делу. Он попросил показать товар, так и сказал: «Покажите свой товар». Ивану Алексеевичу его просьба показалась излишне обыденной, было такое ощущение, что его новый знакомый находится в ломбарде и разговаривает с посетителем.

Пришлось уйти почти в самый конец парка, чтобы уединиться. Иван Алексеевич по очереди передавал монеты для оценки Анатолию Ивановичу, потом забирал их назад и, чтобы не перепутать с ещё не просмотренными, откладывал их в кармашек рубашки.

Увидев это, тот занервничал, попросил достать монеты. Через минуту успокоившись, пояснил, что монеты при соприкосновении друг с другом могут повредиться, и, завернув забранные монеты по отдельности в небольшую салфетку, передал обратно Ивану Алексеевичу.

Осмотр продолжался очень долго.

В то время пока шла оценка монет, Иван Алексеевич украдкой рассматривал своего нового знакомого, пытаясь понять по выражению лица его мысли, жалея при этом, что не умеет читать их.

Наблюдая за ним, он видел, что брови у Анатолия Ивановича опущены, глаза блестят, губы сужены.

«Вот как здесь разобрать, что у него на уме», – нервничал Иван Алексеевич и старался не выдавать своего волнения.

Наконец все монеты были просмотрены и был вынесен ценовой вердикт: «Прекрасно сохранились ваши монеты, Иван Алексеевич, качество хорошее, даю вам за каждую шестьдесят тысяч рублей». Иван Алексеевич с большим усилием вспоминал критерии оценки монет, и на ум пришло только то, что они оценены, если считать по пятибалльной системе, на четыре балла. В принципе, и неплохо, решил он, но соглашаться сразу не хотелось, хотя он понимал, что большую цену ему не дадут. Для видимости ещё несколько минут подумал и согласился.

При сделке по сторонам не смотрел, надеялся, что Николай прикроет его тылы. Передал монеты в руки Анатолию Ивановичу, взял деньги, пересчитал, положил в карман. Пачка пятитысячных купюр была не слишком толстой и легко уместилась в брючном кармане.

Попрощались, обменялись телефонами и разошлись. «Да, деньги небольшие, но нервы себе потрепал», – посетовал Иван Алексеевич.

Встретились через пять минут с Николаем, тот успокоил его, сказал шутя: «Подозрительных не заметил, можешь спать спокойно». Иван Алексеевич попросил его: «Я сегодня вечером уеду, у меня есть просьба к тебе, понаблюдай за мной с часок, пока я буду добираться до гостиницы, нет ли хвоста». Тот согласился. Они заранее попрощались.

Доехав до гостиницы, Иван Алексеевич поднялся в номер, выглянув в окно, заметил на противоположной стороне улицы своего друга, позвонил ему. Тот ещё раз успокоил его.

Через некоторое время он сходил в ресторан, выпил немного красного вина, иногда он себе это позволял, и почти два часа просидел в глубине полупустого зала.

Играла лёгкая музыка, он ещё раз по пунктам мысленно разобрал встречу с Анатолием Ивановичем, нет ли с его стороны каких-либо ошибок в налаживании перспективных контактов на дальнейшее. «Всё-таки правильно я поступил, что не стал выкладывать всю правду о количестве всех монет, какие у меня имеются, вот приеду домой, всё взвешу, а там будет видно, сохранять на дальнейшее контакты с Анатолием Ивановичем или не сохранять», – размышлял он.

Вечером заказал такси и отправился на автовокзал.

Поездка домой шла спокойно. Он всё размышлял и строил планы на дальнейшее, хотя где-то в глубине души нет-нет да и возникала затаённая мысль неудовлетворенности: «А зачем все эти волнения и переживания, жили с супругой, не бедствовали, волей случая пришло богатство, и настали беспокойные и небезопасные времена». Ему неожиданно пришла в голову мысль о морских путешествиях. «А что, действительно, стоящее дело, почему бы не рискнуть совершить длительное плавание», – начал он развивать свою внезапно пришедшую в голову авантюрную мысль.

По приезду домой мысль о путешествии не покидала его. Общаясь с женой и задавая ей наводящие вопросы о море, всё пытался определить, как она отнесётся к рискованной затее. Из разговоров понял, что его идея отправиться за моря будет поддержана с её стороны.

Шли дни, Иван Алексеевич углублённо читал, изучая карты и маршруты других путешественников по морям и мировым океанам

Теоретическая подготовка к путешествию началась. «Для достижения цели нужны большие деньги и хорошо спланированный маршрут», – сделал вывод Иван Алексеевич и начал разработку проекта своего первого кругосветного плавания, понимая, что ему будет нужен консультант из среды

моряков. «Лиха беда начало», – подытожил он все свои размышления, окончательно загоревшись неожиданно появившейся идеей...

Часть 11. Подготовка к морскому путешествию...

По истечении двух недель усердного знакомства с морскими картами, навигацией, а также с информацией, на каком судне и в какое время года лучше отправляться в морское путешествие, Иван Алексеевич уже мог теоретически представлять себе, с чего нужно начинать подготовку к океанским плаваниям.

Он понял, что конкретного типа круизной яхты для путешествия по морям и океанам просто не существует, и виной тому огромное разнообразие моделей, представленных на рынке.

Из всего прочитанного он заметил для себя следующее: «Всё больше яхтсменов отправляются в плавание на яхтах серийного производства».

Когда-то давно яхты строились из дерева, сейчас же больше делают из стали, реже из алюминия и стеклопластика. Деревянные и стальные яхты требуют постоянного и тщательного ухода, а стальные ещё дополнительно нуждаются в специальном антикоррозионном покрытии на корпусе.

Напрашивался вывод: при покупке яхты абсолютно необходимо подобрать ту, у которой корпус сделан из стеклопластика или же из алюминия, а также необходим совет высококвалифицированного эксперта, поскольку лишь он сможет обнаружить все скрытые дефекты и дать надлежащий, квалифицированный совет.

Осталось за малым, найти такого специалиста, а ещё лучше, чтобы он ещё и принял участие в его морском путешествии. И такой человек был у него на примете.

Ещё когда Иван Алексеевич служил на черноморском флоте срочную службу, он дружил с матросом, который впоследствии остался мичманом на том же корабле.

Звали его Остап, по отчеству Степанович, он был помещан на море, в хорошем смысле слова.

Знал по памяти все маршруты известных морских путешественников, таких как английский капитан Френсис Дрейк, Афанасий Никитин, норвежский полярный путешественник-исследователь и рекордсмен Руаль Амундсен, флорентийский путешественник и мореплаватель, в честь которого была названа Америка, Америго Веспуччи.

Особое значение уделял биографии и морским походам путешественника и учёного, нашего соотечественника Николая Миклухо-Маклая.

Николай Миклухо-Маклай был не только путешественником, но и биологом, антропологом, посвятил свою жизнь изучению населения Австралии, Океании и Азии. Являлся ярким противником работорговли, был против популярной в то время теории, что чёрные расы – это переходный вид от обезьяны к человеку.

Все эти заслуженные имена мореплавателей Иван Алексеевич неоднократно слышал из уст Остапа, который мог часами про них рассказывать.

И вот сейчас, на досуге, вспомнил огромную любовь Остапа к путешествиям, задумал разыскать и попросить о помощи в приобретении яхты. И если ещё у него осталась любовь к морю, то и совместно походить по морям и океанам.

Иван Алексеевич надеялся, что поиски Остапа Степановича в век информационной доступности быстро увенчаются успехом.

Не откладывая в долгий ящик задуманное, он вечером погрузился в «мировую паутину» и просидел в интернете, за компьютером, до поздней ночи.

Однофамильцев Остапа Степановича с полуострова Крым Иван Алексеевич нашёл сразу несколько. Решил, что завтра с утра постарается более подробно ознакомиться с их биографиями и остановиться на нужном ему человеке.

Наутро не получилось, но по истечении двух дней всё-таки удалось найти координаты сослуживца.

Созвонившись с ним, объяснил вкратце, с какой целью беспокоит. Был удивлён, что Остап быстро вспомнил его по голосу и радостно прокричал в трубку: «Ваня, друг мой, это ты?»

Они душевно поговорили о прошлых годах совместной службы и в конце разговора договорились о встрече, Иван Алексеевич пообещал не откладывая приехать к нему.

Жил сослуживец в городе Балаклава, недалеко от Севастополя. На просьбу помочь в выборе яхты он согласился быстро, а на второй заданный вопрос, сможет ли он поучаствовать в путешествии, попросил дать ему время подумать, сказав: «Ваня, дай мне время подумать, посоветоваться с женой, всё-таки возраст, приедешь, я буду уже готов тебе ответить».

Билеты в Крым после разговора с другом Иван Алексеевич купил без проблем, съездив с утра на автовокзал. Хотелось сделать подарок Остапу Степановичу, но сразу не мог подобрать какой. Долго думал и остановился на коллекции марок, где были изображены путешественники девятнадцатого века, ещё купил книгу «Корабль судьбы» американской писательницы Робин Хобб, более известной как Мэган Линдхольм.

Ну а гостинцы – торт и сладости, чтобы не везти, он решил купить по приезду в Севастополь.

До Крымского полуострова Иван Алексеевич добрался без всяких происшествий. Дорога ему была знакома, не так давно он ездил этим же маршрутом в Крым с супругой на отдых, а сейчас пришлось ехать одному. Жена не рискнула на этот раз путешествовать с ним в такую жару.

В Севастополь автобус пришёл, как и прошлый раз, рано утром. До города Балаклава, где проживал его друг, езды было всего двадцать минут.

Позвонив с автовокзала, предупредив Остапа Степановича, что скоро подъедет к нему, Иван Алексеевич купил торт, шампанское и пошёл на привокзальную площадь ждать первое маршрутное такси в направлении города Балаклава.

Пока ожидал, в голове крутились мысли: хорошо бы захватить на денёк в посёлок Солнечный и сходить в горы, в ту

пещеру, где они с супругой нашли клад. Но здравый смысл подсказывал ему обратное – нельзя посещать те места, где что-то было спрятано от посторонних глаз, чтобы лишний раз не привлекать внимание окружающих, тем более, посёлок небольшой, и люди могли заинтересоваться человеком, который приехал на одни сутки, сходил в горы и уехал обратно.

Подошло маршрутное такси, Иван Алексеевич уселся у окошка, и они поехали. За окном замелькали поля виноградника, да иногда, как бы для разнообразия природного пейзажа, появлялись желтеющие поля зерновых. С большого расстояния трудно было определить, ячмень это или пшеница, но было видно, что это злаковые поля, которые не сильно отличались от хлебных полей в средней полосе России, где проживал Иван Алексеевич.

Остап Степанович, встречая гостя на остановке, удивил его своей подтянутой, стройной фигурой.

Много лет назад, когда они вместе служили на флоте, он был рыхловат немного фигурой, но в то время молодые годы сглаживали его полноту и он сильно не выделялся тогда среди остального флотского состава, а вот сейчас выглядел просто молодцом.

Загорелый, одетый в светлые шорты и лёгкую рубашку, он не выглядел на свои шестьдесят лет. Стоял, улыбался, видно, тоже сразу признал Ивана Алексеевича. Обнялись, Иван Алексеевич сделал ему комплимент, как он хорошо выглядит, тот отшутился, сказав: «Море, южное солнце и хорошая жена делают чудеса».

Жил Остап Степанович в частном доме, который был сложен из красного кирпича, с удобной террасой и небольшим огородиком рядом. Терраса была вся обросшая виноградником. Ивану Алексеевичу пришлось по душе его жилище, и он с удовольствием сказал это хозяину.

На пороге показалась жена, приятная женщина, выглядевшая чуть моложе своего мужа.

Хозяин представил супругу: «Прошу любить и жаловать, Вера Степановна». Иван Алексеевич улыбнулся: «У вас общество одинаковое, это хорошо».

– Как поживаете? – задал традиционный при встречах вопрос Иван Алексеевич.

– Дети поразъехались, живём вдвоём, лишь внуки иногда навещают на недельки две-три, – сказал Остап Степанович с лёгкой тенью грусти.

Супруга хозяина пригласила гостя сразу к столу. «Иван Алексеевич, – обратилась она к гостю, – душ по тропинке в глубине сада, купайтесь и будем отмечать вашу с Остапом встречу, столько времени прошло, как вы не виделись». «Да, время неумолимо, – сказал Иван Алексеевич, – сорок лет пролетели как один год».

За столом разговорились, Вера Степановна оказалась общительной женщиной, сумела так быстро найти общий язык в разговоре с гостем, что со стороны могло бы показаться, что они знают друг друга уже давно.

Свой основной вопрос по морскому путешествию и приобретению яхты Иван Алексеевич не задавал, решил, что в первые минуты встречи как-то не удобно начинать об этом разговор, запланировал всё объяснить к вечеру, за ужином.

Чтобы не терять время зря, он решил немного прогуляться по городу после сытного застолья.

Балаклава находилась в живописной природной бухте, отделённой от открытого моря скалами. Этот небольшой городок когда-то считался закрытым для посещения туристов, потому что здесь располагалась база подводных лодок. Ныне Балаклава считалась курортным местом с великолепной природой и отличными пляжами в окрестностях.

Город расположен в юго-западной части Крымского полуострова в одноимённой бухте на побережье Чёрного моря. Эта удобная природная гавань имеет протяжённость примерно полтора километра в длину. При этом она довольно узкая, 200–400 метров в ширину, и глубина её метров семнадцать-двадцать. Ввиду закрытости скалами здесь никогда не бывает шторма.

Бухта – самая известная достопримечательность города, окружённая невысокими горами, на данный момент заполненная рыбацкими лодками и прогулочными катерами.

Ранее, лет тридцать назад, всё побережье бухты занимали подводные лодки.

Центральной улицей Балаклавы является Набережная Назукина, которая тянется вдоль бухты. Это самое популярное место города. Проходя по ней, Иван Алексеевич вертел головой, рассматривая местные достопримечательности. На набережной заметил памятник Куприну. Известный писатель когда-то жил здесь.

Собираясь сюда, Иван Алексеевич много прочитал про этот город, любил заранее теоретически знакомиться с теми местами, которые приходилось посещать.

Крепость Чембало он заметил ещё издали, она возвышалась над городом в начале бухты. На сегодняшний момент крепость считается самой старинной примечательностью города, она была построена ещё в тринадцатом веке. Крепость сохранилась не очень хорошо. «Но сюда определённо стоит подняться, но чуть позже, чтобы увидеть руины древних стен и башен, а также прекрасную панораму города и бухты», – подумал Иван Алексеевич, продолжая свою прогулку.

Зашёл на несколько минут во дворик храма Двенадцати апостолов – одного из древнейших сооружений Балаклавы, построенного примерно в то же время, что и крепость Чембало.

Пройдясь по набережной, дошёл до местного пляжа, который находился почти в центре города, недалеко от основания бухты. Его протяжённость была метров пятьдесят, не более. Практически это было продолжение бетонной набережной с лестничным спуском в воду.

Спуск к воде с набережной был несложным, состоял из трёх сходов с каменными ступенями, для удобства были устроены поручни. Берег у самой воды был из мелкой светлой гальки с песком.

Иван Алексеевич из любопытства спустился к воде, разулся, походил по приятному для ступней берегу, но купаться не стал, решил, что придёт к вечеру, сейчас было слишком жарко.

Вволю нагулявшись по городу, он пошёл к дому Остапа Степановича – лишний раз не хотелось беспокоить хозяйку и её супруга.

За ужином Иван Алексеевич подробно изложил свою просьбу – посодействовать ему в выборе яхты и если у Остапа Степановича будет желание, то пойти с ним в плавание или же посоветовать хорошего человека в его команду.

Супруга Остапа, Вера Степановна, слушала очень внимательно, и в глазах у неё загорались огоньки, явно было, что она заинтересовалась наравне со своим мужем в изложенном проекте гостя.

Хозяин дома внимательно слушал, потом сказал: «Есть знакомый товарищ, мы вместе состояли в парусном клубе под названием «Бригантина», а сейчас он живёт в пригороде Севастополя. Так что завтра наведываемся к нему и на месте всё обсудим, он последнее время занимался строительством небольших катеров, по поводу круизных яхт, я думаю, он должен нам подсказать интересный вариант».

На том и остановились в разговор – завтра Иван Алексеевич вместе с Остапом Степановичем на его машине поедут в Севастополь.

Остап ушёл звонить товарищу, а Иван Алексеевич попросил его супругу постелить ему на улице, в беседке, благо вечер был чудесный, безветренный, тёплый и с волшебным небом над головой.

Ночное звёздное небо всегда завораживало его. Недаром издревле люди внимательно и с любопытством всматривались в ночной небосвод, усыпанный тысячами звёзд, различных по яркости и цвету. Ночное небо одновременно манило и пугало людей своей таинственностью.

Вот и сейчас Иван Алексеевич лежал, мысленно философствуя сам с собой, разглядывая в высоте подмигивающие ему звёзды. Усталость давала о себе знать, и он через несколько минут заснул крепким сном.

Ночь прошла быстро, не успев закрыть глаза, Иван Алексеевич почувствовал, что его легонько трясут за плечо.

Остап Степанович, уже одетый, стоял над своим бывшим сослуживцем, тихо говорил: «Пора, мой друг, пора просыпаться, солнце уже давно взошло, нужно собираться».

Позавтракали вдвоём на улице, в беседке, чтобы не будить Веру Степановну, и поехали к бывшему одноклубнику Остапа.

Звали его Олег Николаевич, жил он недалеко от Севастополя в небольшом посёлке Прибрежное. От города было всего тридцать минут езды с небольшим, как выразился Остап Степанович, «от города рукой подать».

Выехали из Балаклавы, когда солнце только позолотило вершушки гор, окружающих бухту.

К восьми часам утра Остап Степанович с Иваном Алексеевичем уже стояли перед домом номер пятнадцать по улице Денисовой, где проживал нужный им человек.

Он их уже поджидал, стоя у открытых въездных ворот своего дома.

Заехали во двор, Остап Степанович, обнявшись с хозяином дома, долго хлопал его по плечу, отвешивая комплименты про его здоровье. Говорил добродушно: «Олег Николаевич (так звали его друга), ты молодцом, ничуть не постарел, а стал привлекательней для женщин». Тот отшучивался как мог.

Так с весёлыми шутками и прибаутками прошли на веранду дома и уселись за уже накрытый хозяйкой стол, где был чай, конфеты и фрукты.

Остап Степанович изложил хозяину дома просьбу Ивана Алексеевича – помочь приобрести яхту.

Тот внимательно выслушал и произнёс: «Вопрос решить нетрудно, были бы деньги». Объяснил гостям, что ещё вчера после звонка Остапа связался с нужными людьми, так что сегодня к обеду можно подъехать к ним, и они всё подробно объяснят. Будем ждать от них телефонного звонка.

За разговорами время летит незаметно, пополудни раздался телефонный звонок от товарищей Олега Николаевича, и их всех пригласили подъехать к яхт-клубу «Антарес» на северной стороне бухты.

Незамедлительно собравшись, поехали по указанному адресу.

На машине они приехали в Севастополь, доехали до площади Нахимова, потом повернули влево и ехали ещё минут двадцать до бухты. Поставили на стоянку машину, а сами катером переправились на северную сторону города. Ну а там на такси до места назначения.

Человек, к которому они приехали, выглядел респектабельно, примерно лет пятидесяти от роду. При знакомстве попросил всех называть его запросто, Никита.

Познакомившись, сразу без реверансов приступили к обсуждению вопроса приобретения круизной яхты.

Никита задал самые важные вопросы приехавшим: какая и для каких целей нужна яхта и за какую сумму планируется покупка судна.

Он подробно объяснил: «Как таковой, чтоб вы знали, типичной круизной яхты просто не существует, и причина тому огромное разнообразие моделей, представленных на рынке, и что всё больше яхтсменов отправляются в плавание на яхтах серийного производства».

Начал рассказывать, какие бывают яхты и по каким критериям их лучше покупать. «Стальные круизные яхты типа Iron Lady (железная леди) постепенно начали уступать новым круизным яхтам для дальних плаваний, которые в основном начали строить из алюминия, также неплохо подходят яхты из стеклопластика, одним из главных критериев, по которому классифицируют яхты, это размер, в основном длина её».

Далее начал обстоятельно пояснять: «При размере яхты до тридцати футов (десяти метров) её основными функциями являются однодневные прогулки на небольшие расстояния, размер от тридцати до пятидесяти шести футов (10–18 метров) предполагает, что это яхта для путешествия на большие расстояния с выходом в открытое море, и это на данный момент самый популярный класс. Яхты от пятидесяти шести до семидесяти футов (18–24 метра) – повышенного уровня комфорта, как называемые круизные яхты, предназначенные в основном для океанских плаваний. Яхты же более семидесяти футов – их называют суперяхтами – предполагают самый высокий уровень комфорта».

Но по данной модельной продукции Иван Алексеевич высказался так: «Нет-нет, не до изысков, нам бы круизную яхту, но бюджетного варианта, давайте сразу остановимся на яхте длиной двадцать четыре метра».

На что Никита ответил: «Аренда или покупка яхты длиной двадцать четыре метра и более происходят обычно через брокеров с обеих сторон, со стороны продавца и со стороны покупателя», пояснив: «Обычно работу брокеров нередко сравнивают с работой агентов по недвижимости, основная задача которых подбор качественного судна по оптимальной цене и вывод покупателя на сделку».

– Все вопросы обговорили, кроме одного, – сказал Никита, – вы будете совершать покупку яхты или же остановитесь на аренде, давайте сразу уточним, здесь также есть тонкости, с которыми я вас могу сейчас познакомить.

Иван Алексеевич утвердительно заверил его, что будет покупать.

В заключение разговора пришли к обоюдному выводу: класс круизной яхты должен быть с размерами не менее двадцати четырёх метров, материал, из которого должна быть сделана яхта, алюминий, а цену Никита будет смотреть, выбирая наиболее бюджетный вариант.

После всех разговоров с Никитой Олег Николаевич сказал: «На сегодня, Остап, остаётесь у меня с твоим гостем. Вечером хорошенько посидим на природе у меня дома, угощу вас прекрасным домашним вином, пятилетней давности, да и поговоримся вволю, не виделись почти пять лет».

Остап Степанович позвонил домой, предупредил свою супругу, что останется ночевать у друга и чтобы она не волновалась.

Вечер прошёл великолепно, пили вино, закусывая в основном фруктами, и слушали байки Олега Николаевича о морских путешествиях. Его жена Тамара часто его останавливала: «Олег, ты свой морской поход рассказываешь уже раз сто, не надоело тебе?» Он, улыбаясь супруге, проговорил: «У нас гость, он ещё не слышал мои морские истории».

Рассказывал Олег Николаевич действительно увлекательно, со всеми тонкостями, проникновенно и образно описывая морские путешествия.

Рассказал один из эпизодов путешествия, как он, будучи капитаном на яхте, сопровождал одного богатого клиента в морском плавании, тот решил на два месяца уйти на яхте в Индийский океан с заходами на отдалённые острова, где решил развлечься с местными девушками, проживающими там. Жестикулируя руками, подробно пересказал один из курьёзных случаев – как мужчины одного из племени на Андаманских островах в Индийском океане преследовали их после очередного развлечения его клиента, этого любителя женской экзотики.

– Вот такое у него было хобби, – подытожил он свой увлекательный рассказ.

Спать легли глубоко за полночь в саду на свежем воздухе в беседке, где жена Олега Николаевича старательно постелила гостям на широких лавках.

Наутро Иван Алексеевич с Остапом Степановичем, любезно поблагодарив за гостеприимство хозяев дома, засобирались домой, в Балаклаву.

К вечеру Ивану Алексеевичу позвонил Никита, объяснил, что нашёл брокера и что у него есть необходимые знания и опыт работы в этой сфере. «Он взялся подобрать хорошую яхту, которая будет вам по душе, – и продолжил: – Для него не составит труда определить справедливую рыночную цену на сегодняшний день, организовать осмотр катера со специалистами и предоставить всю необходимую информацию по данному вопросу. Он также может, что немаловажно, подготовить все необходимые документы, чтобы совершить сделку купли-продажи».

Также разъяснил, что на данный момент у него уже есть на примете яхта голландского производства, ей три года, длиной двадцать четыре метра двадцать семь сантиметров, стоимость её на данный момент приблизительно два миллиона долларов.

Эта моторная яхта – представитель модельного ряда «Континент аль два» от судостроительной компании «Вим ван дер Вальк» – одной из лучших производителей яхт и траулеров в мире. Компания эта была учреждена в Голландии ещё в 1968 году и почти сразу попала в число лидеров отрасли.

Корпус яхты выполнен из высококачественного алюминиевого сплава. Серия «Континент аль два» производится с 2007 года и с тех пор приобрела очень большую популярность среди любителей океанских путешествий, что, безусловно, является очевидным доказательством её достоинств.

Ещё Никита пояснил, что цена предварительная, озвученная для продажи, но в ходе покупки её можно уменьшить.

– А о вознаграждении брокера поговорите сами, когда будет намечена купля-продажа, – сказал он в конце разговора.

Рассказал ещё, какая система расчёта за услуги брокера и как делаются оплаты: «Комиссия, как правило, указывается в соглашении владельца лодки с брокером и оплачивается после совершения самой сделки. Это мотивирует брокера вкладывать свои силы в продажу, ведь от этого зависит его мотивация. Продавцу же покупатель может оплатить всю сумму, а может оплатить первый взнос в десять процентов от общей договорной суммы, и когда все документы готовы к сделке, то платится второй платёж, остальные девяносто процентов, но это по договоренности обеих сторон. После чего лодка снимается в регистрационный учёт и выписывается купчая на продажу. Это основной и единственный документ, который указывает на принадлежность реального нового владельца. Так что если вас заинтересовало моё предложение, подъезжайте в любое время».

Иван Алексеевич сердечно поблагодарил Никиту за предоставленную ему расширенную информацию и попросил: «Пусть брокер вместе с вами занимается данным вопросом, через месяц, а может, чуть раньше будут деньги, и тогда оформим сделку».

Любезно попрощавшись с Никитой, Иван Алексеевич рассказал всё Остапу и засобирался в дорогу.

Ему ещё предстояло решить основную задачу: сбить драгоценности на сумму, которую просят за яхту, ну и, естественно, ещё несколько сот тысяч на расходы для приобретения снаряжения и наём капитана и команды.

Билет домой заказали с Остапом на завтрашний вечер, чтобы основная часть пути домой прошла ночью.

Оставшееся до отъезда время Иван Алексеевич решил провести в своё удовольствие, как он выразился: «Отдохнём на полную катушку», хотя смысл в этих словах слабо понимал.

Вместе с Остапом Степановичем всё распланировали: сегодня остаток дня и завтра целый день решили уделить максимум времени на посещение всех исторических мест, которые есть в городе Балаклава, а на сегодняшний вечер запланировали втроем сходить в самый лучший здешний ресторан.

Отдых на море как правило проходит быстро, вот и настало время прощаться.

Остап Степанович даже прослезился, скорее всего, вспомнил свои молодые годы, когда служил вместе с Иваном Алексеевичем, да и не хотелось ему расставаться со старым товарищем, который своим приездом внёс в его жизнь новое, интригующее начало, как бы стерев его обыденность быта и ежедневное времяпровождение медленно текущих однообразных дней.

Иван Алексеевич заранее приехал на автовокзал со своими провожатыми, долго прощался с ними, говоря: «Не успеете соскучиться, как я уже приеду к вам».

В планах у него было действительно так, он решил не тянуть с покупкой яхты и по приезду домой созвониться с москвичом, Анатолием Ивановичем, и назначить время встречи для переговоров об очередной сделке по продаже своих драгоценностей.

Удобно расположившись в автобусе у окна, Иван Алексеевич видел, как Остап Степанович вместе с супругой махали ему, что-то говоря вслед отъезжающему автобусу.

Нахлынули тёплые чувства, Иван Алексеевич помахал им в ответ рукой, жалея, что раньше не смог встретиться со своим сослуживцем.

Приехав домой, Иван Алексеевич, не откладывая задуманное дело в долгий ящик, начал звонить Анатолию Ивановичу в Москву по поводу золотых монет. По телефону вкратце, налёком, объяснил ему, зачем он хочет с ним встретиться. Дал понять, что привезёт не только золотые монеты для продажи, а ещё несколько драгоценных камней.

Условились встретиться через день в Москве, в то же время и на том же самом месте, где проходила когда-то их первая встреча.

На этот раз Иван Алексеевич решил поехать в Москву на своей машине, заранее заправил её бензином и поставил в багажник авто ещё две тридцатилитровые канистры с топливом, чтобы не заправляться в дороге.

Выехал очень рано, в три часа поутру. Небо было ясным, на востоке немного порозовело, но ещё было темно и лишь полоса светло-розового цвета показывала, что скоро взойдёт солнце.

По утреннему холодку ехать было приятно, двигатель в это время суток на машине работал ровно, поглощая из атмосферы чистейший воздух, наполненный кислородом.

За окном тянулся привычный ландшафт, в основном поля, овраги и перелески.

Поля колосились уже почти налитым хлебом и ублажали душу Ивана Алексеевича своим видом.

Он вырос в средней полосе России, где люди всегда с большой радостью относились к богатому урожаю сезона.

Вот и сейчас сердце радовали хлебные поля, высокие стебли, намного выше человеческого роста кукурузы и большие, ещё далеко не созревшие круглые головки подсолнечника.

Любуясь окружающим видом, Иван Алексеевич внутри тяготился предстоящей встречей с покупателем его драгоценностей.

Немного мучила совесть, что всё это не совсем законно, но с другой стороны, он всё это богатство не украл, а нашёл. Этими мыслями он как бы оправдывал себя.

«Хотя, наверное, большую часть найденного всё равно придётся легализовать, заявить о находке государству, –

думал он, – и получить законные двадцать пять процентов от сданных сокровищ».

Так с душевными рассуждениями незаметно добрался до Москвы. Подъехав к намеченному месту, машину решил оставить недалеко от метро на автостоянке.

Позвонил своему другу Николаю, тот был на работе, но охотно откликнулся на его просьбу подстраховать его при встрече с покупателем.

Иван Алексеевич все свои драгоценности оставил в машине, заранее запрятал их в запасном колесе в багажном отделении автомобиля. Так, он посчитал, будет надёжней, чем оставлять это богатство в салоне машины или носить с собой.

Запасное колесо взял старое, с изношенными и утончёнными краями – так проще будет разрезать его ножом и достать запрятанные мешочки с монетами и драгоценными камнями.

При встрече с Анатолием Ивановичем решил озвучить количество привезённого, сказать ему, что привёз восемьсот золотых монет, хотя у него было чуть больше, и двадцать два алмаза с массой в шесть, семь карат.

Другу Николаю решил не говорить количество привезённых ценностей, подумал: меньше знает, спокойней будет себя вести на сделке, а вот отблагодарить его нужно обязательно, а то как-то неудобно получается, друг его прикрывает от всякого рода неожиданностей, по сути, рискуя своей репутацией, а может быть, и жизнью, а он, получается, пожадничал, укорял он себя по дороге на место встречи.

Подойдя к фонтану, где была назначена встреча, повертел головой, не замечая Анатолия Ивановича, присел на скамейку. Но спустя две-три минуты подошёл и он.

Поприветствовали друг друга рукопожатием, пошли по алле, вглубь Александровского парка.

Изначально, для приличия, поговорили о погоде, о здоровье и плавно перешли к разговору о монетах и драгоценных камнях.

Иван Алексеевич озвучил, что и какое количество он привёз для продажи, и украдкой посмотрел на лицо собеседника,

наблюдая его реакцию. Тот без тени волнения спокойно выслушал, сдвинув брови, и произнёс ровным голосом: «Чтобы реализовать нашу сделку с такими большими объёмами, нужно время». И добавил: «Цена на монеты останется прежней, а по камням будем решать, время на всю процедуру займёт три дня, сами понимаете, сумма большая, мне нужно будет дополнительное финансирование извне».

Иван Алексеевич, не переставая удивляться железным нервам собеседника, согласился.

Попрощались, приветливо улыбаясь, хотя каждый понимал, что денежная сумма, которая была озвучена на встрече, обязывает их серьёзно, очень серьёзно отнестись к предстоящей передаче монет и драгоценностей и получению за них наличных денег.

Ивана Алексеевича не удивило, а немного расстроило решение Анатолия Ивановича встретиться через три дня, хотя он понимал, что такую большую денежную сумму быстро не собрать, но беспокойство в душе давило тяжестью неизвестности, не давая покоя.

Сказал своему другу Николаю, который поджидал его недалеко от места встречи, что они договорились встретиться через три дня и что ему будет нужно обязательно проследить за Анатолием Ивановичем, благо у Николая была такая возможность.

Тот пообещал, сказав: «Не волнуйся по этому поводу, ребята у меня в подчинении почти все бывшие работники центрального управления МВД, имеют богатый опыт в данных вопросах, всё сделают как надо».

По вознаграждению людей, задействованных для этого дела, Иван Алексеевич заверил друга, что все будут поощрены финансово от всей души. «А ты, Николай, с супругой Валентиной будешь жить безбедно всю оставшуюся жизнь».

Иван Алексеевич промолчал, что он оставил машину на стоянке и что там находится весь товар, а позволил себе немножко слукавить ради безопасности друга, сказал ему, что уедет домой, а потом к назначенной встрече вернётся. Они договорились созвониться через три дня.

Ехать домой он не собирался, сказанное Николаю было для его же блага – меньше будет знать, лучше будет спать, решил он в оправдание своего лукавства.

Эти три беспокойных дня он ночевал в разных гостиницах, машину ставил только на платных стоянках недалеко от проживания.

Основной свой телефон он отключил, домой звонил с другого, который использовал только для разговора с женой. Вообще у него было их три, один, который ему был нужен для переговоров по яхте с Крымом, другой для разговоров по сбыту монет, а третий телефон использовал для разговора со своими домочадцами.

Наконец подошла долгожданная, волнующая встреча с Анатолием Ивановичем, тот перенес её в загородный домик, и это немного успокоило Ивана Алексеевича тем, что, хотя бы будет известен адрес, куда он направляется.

С Николаем накануне вечером он созвонился, назвав ему адрес, где будет происходить обмен золотых монет на деньги, попросил организовать хорошую охрану, чтобы названный адрес был под наблюдением. В тонкости не стал вдаваться, надеясь на профессионализм своего друга и его команды.

На встречу Иван Алексеевич поехал один, взяв такси. Изначально думал взять с собой Николая, но природная недоверчивость ко всему переборола это желание. Лишь попросил у него и взял с собой небольшой аппарат, счётчик банкнот, предварительно ознакомился, как он работает.

Монеты, которые он с утра достал из запасного колеса, переложил в плотный кожаный портфель, а часть их, которые были уложены в брезентовый пояс, застегнул на себе под рубашку. Рубашку он носил навывпуск, так что пояс нести на себе было удобно и он не был замечен со стороны. Бриллианты, завёрнутые в бархатный мешочек, положил в карман брюк.

По дороге к Анатолию Ивановичу в загородный дом внимательно смотрел по сторонам в надежде увидеть людей Николая, которые должны страховать его сделку, но так и не увидел их. На всякий случай позвонил ему, убедившись, что все на месте, успокоился.

Подъехали к двухэтажному, неброскому на вид дому из красного кирпича. У калитки стоял Анатолий Иванович, приветливо улыбаясь.

Всё происходило как-то обыденно, зашли в дом, когда шли, Иван Алексеевич увидел краем глаза, что на террасе второго этажа сидит человек спортивной наружности, ещё заметил одного человека недалеко от дома, в деревянной открытой беседке.

«Скорее всего охрана», – подумалось ему.

Зашли в дом, Анатолий Иванович закрыл окна в комнате плотной гобеленовой шторой и выложил кучу запакованных долларов прямо на стол, в основном в стодолларовом номинале.

Иван Алексеевич где-то читал, что сто долларов США – наиболее надёжный в денежном обороте доллар. Банкноты в сто долларов – самые популярные за пределами американских границ, а по данным их бюро гравировки и печати – это самая долгоживущая купюра.

Иван Алексеевич передал в ответ хозяину пояс и портфель с золотыми монетами, бриллианты в бархатном мешочке положил рядом.

Каждый занялся анализом полученного, Анатолий Иванович, вооружившись лупой, начал тщательно рассматривать и считать монеты, переложив их большой кучей на матерчатое полотно.

Бриллианты разложил здесь же на столе.

Иван Алексеевич, включив привезённый им счётчик банкнот, также начал свой подсчёт и проверку долларов.

Просидели более двух часов не разговаривая, наконец монеты и бриллианты были проверены и подсчитаны.

Бриллианты были оценены по восемьдесят четыре тысячи долларов за каждый, хотя это и была цена намного ниже рыночной, но Иван Алексеевич не стал перечить, какой смысл, если сделка уже завершена.

Два миллиона восемьсот тысяч в стодолларовых купюрах с трудом зашли в два объёмистых портфеля. Навскидку Иван

Алексеевич почувствовал, что в каждом портфеле было не менее десяти килограммов. Отметил в уме: «Как же тяжелы долларовые бумажки, по весу в эквиваленте не уступят золотым монетам».

При расставании хозяин дома проговорил: «Страхуешься, Иван Алексеевич, мои люди доложили, что вас сопровождают, но, может, так и лучше, надёжней для тебя и для меня».

При прощании с хозяином дома Иван Алексеевич поинтересовался: «Если у меня будет возможность предложить вам ещё драгоценных камней, в частности бриллианты, как вы отнесётесь к этому?»

Анатолий Иванович уклончиво, с улыбкой ответил: «Будет предложение, будет и ответ, Иван Алексеевич, я занимаюсь всем, что приносит прибыль», тем самым давал понять, что можно будет в дальнейшем разговаривать на эту тему.

На улице посигналил водитель заказанного такси, торопя с посадкой.

У калитки ещё раз попрощались с хозяином дома, и Иван Алексеевич уселся на заднее сидение автомобиля с двумя увесистыми портфелями. Позвонил Николаю, доложил, что сделка закончилась и его можно встретить за посёлком.

До Москвы ехали на машине Николая, Иван Алексеевич любезно поблагодарил его, положив в бардачок его машины сто тысяч долларов.

– Это, мой друг, тебе и твоим ребятам за помощь, им дашь столько, сколько считаешь нужным.

Николай остался очень доволен суммой благодарности, хотя сначала заартачился, говоря, что это очень много, что мы друзья, но скорее всего это было сделано для приличия.

Доехали до гостиницы, где ночевал последний раз Иван Алексеевич, и попрощались, договорившись созвониться.

Здесь его поджидали два охранника на автомашине, которых он нанял через фирму.

Накануне, когда оплачивал услуги охраны, он предупредил руководителя фирмы, что поездка будет конфиденциальная и он сможет озвучить пункт назначения только за несколько минут до отъезда.

Поздоровавшись с охранниками, сказал им: «Уезжаем через пятнадцать минут», сдал номер в гостинице, сел в машину, и они поехали.

На вопрос: «Куда едем?» ответил: «В Крым», те не удивились, лишь переглянулись между собой.

Вздохнув облегчённо, что всё обошлось благополучно, Иван Алексеевич поставил свои портфели с долларами рядом с собой за заднее сидение автомобиля, придвинулся к окошку, и они отправились в путь, к новым волнительным и опасным приключениям...

Часть 12. Морские приключения

Дорога в Крым заняла чуть больше времени, чем планировал Иван Алексеевич. В пути их поливал сильный дождик, пугающий грозовыми раскатами и яркими молниями. Стена воды, обрушившись сверху, замедляла ход машины, видимость на дороге была очень плохая.

Водитель предусмотрительно сбросил скорость автомобиля, и они почти два часа ехали очень медленно, примерно 40–50 километров в час.

По пути следования пришлось немного переждать ненастье на заправке. Охранники, Василий и Егор, перекусили здесь же в кафе. Иван Алексеевич молча сидел в машине, наблюдая, как дождь, падая с небес, искрился под фарами проезжающих машин.

С вечера он позвонил своему другу, Остапу Степановичу, и попросил его организовать на завтра встречу, где они оформят сделку купли-продажи яхты, подобранной Николаем.

Договорились, что утром он перезвонит ему и скажет адрес, куда им необходимо подъехать.

Иван Алексеевич знал, что прежде, чем приступить к заключению контракта и оформлению сделки, стоит нанять специалиста, сюрвейера. Сюрвейер – термин в страховании, обозначающий инспектора или агента-страховщика, осуществляющего осмотр имущества. Инспектор должен тщательно

осмотреть состояние яхты, после чего обязан официально выдать на руки детальный акт осмотра судна с указанным перечнем недостатков и рекомендациями по их устранению. Покупатель же, имея на руках такой акт осмотра, может легче снизить цену на яхту при торге.

Беспокоясь, что забудут пригласить такого специалиста, он перезвонил ещё раз Остапу Степановичу, напомнил.

Утром позвонил Остап Степанович, сказал адрес пирса и адвокатской конторы и что им изначально придётся добираться до Северной бухты Севастополя на яхтенный причал базы «Акванавт».

Казалось, нужно бы радоваться, всё-таки покупается хорошая вещь, но Иван Алексеевич был хмур, ехал молча, весь отдавшись размышлениям.

Жизнь его в связи с последними событиями из спокойной и размеренной превратилась в тревожную и неугомонную.

Буквально за последние десять месяцев он перенёс столько волнений и нервных моментов, что часто стали приходить мысли, зачем всё это ему надо.

Задумавшись, он не заметил, как подъехали к указанному Остапом адресу, оказавшись на причале яхт и катеров.

Причал выглядел основательно оборудованным, что сразу бросилось в глаза. Был оснащён перилами ограждения, всевозможными лесенками, которые спускались к самой воде, с кнехтами, сервисными колонками, системой освещения, трапами и сходнями, присутствовали даже посты охраны.

На причале, куда его провела местная охрана порта, свою он отпустил по приезду, Ивана Алексеевича встретил Остап Степанович с Олегом Николаевичем, с ними был и Никита. Никита познакомил его с мужчиной, представил его как инспектора, который будет осматривать состояние яхты и выдаст им официальный акт осмотра.

Звали его Сергей Александрович, он сразу же приступил к делу. «Вот она, стоит перед вами, – обратился он к Ивану Алексеевичу, – круизная яхта белого цвета. Эта моторная яхта является представителем модельного ряда «Континент аль два» от судостроительной компании «Вим ван дер

Вальк» – одной из лучших голландских производителей яхт и траулеров в мире».

И начал подробно, проводя их всех по яхте, объяснять устройство и техническое состояние судна.

Пояснил предварительно, что яхта круизная, имеет два мотора, корпус у неё из алюминиевого сплава, что длина составляет двадцать четыре метра тридцать семь сантиметров.

– Преимущество при наличии пары двигателей большое, яхта с двумя двигателями легко маневрирует даже без подруливающего устройства. Это очень удобно при швартовках, – продолжал он нахваливать товар. – Яхту приводит в движение не только пара дизельных двигателей мощностью восемьсот пятьдесят лошадиных сил каждый, но и пара электромоторов мощность по шестьдесят киловатт. Используя только электричество, она способна разогнаться до семи узлов. Аккумуляторы позволяют пройти до сорока морских миль в тихом режиме без вредных выбросов в воду и атмосферу. На дизеле лодка может разогнаться до тридцати узлов. При скорости семи узлов она может без дозаправки проходить до тысячи восьмисот морских миль.

Эти яхты океанского класса, предназначенные для морских и океанских путешествий.

Сергей Александрович без запинки, как по книжке, проговорил техническую информацию по судну и так же в подробностях продолжал далее объяснять устройство яхты.

Показал верхнюю, так называемую солнечную палубу. «Здесь, – пояснил он, – хорошо загорать и любоваться пейзажами на свежем воздухе! Для удобства отдыхающих устроены мягкие диваны, есть небольшой бар, но главное – дублирующий пост управления яхтой. Это место очень удобно при управлении яхтой в погожий день, но ещё удобнее при швартовках, поскольку обзор гораздо лучше, чем из салона. Современные яхты имеют столько удобств, что могут некоторое время заменять жилье её хозяину без потери комфорта», – продолжал он казавшийся нескончаемым рассказ о положительных качествах морских яхт.

Иван Алексеевич поинтересовался: «Сколько обслуживающего персонала нужно на такой яхте?»

Здесь уже начал объяснять Олег Николаевич, как заправский капитан расставив ноги на палубе. «Первое лицо на любом корабле это капитан, – с улыбкой начал он свою речь, потом идёт его помощник, инженер-механик, и так как капитан на таком судне будет исполнять роль штурмана, понадобятся ещё два матроса. Ну и, конечно, ещё будет нужен повар. В общей сложности получается пять человек».

По поводу количества всего персонала с отдыхающими пояснил следующее: «На яхте длиной более двадцати четырёх метров можно иметь на борту двенадцать, а по новым правилам может находиться до тридцати шести человек, разумеется, вместе с экипажем».

В конце осмотра и подробных объяснений по всем вопросам инспектор, Сергей Александрович, передал заверенный нотариально акт осмотра яхты. Сказал, отводя будущего хозяина судна в сторону: «Иван Алексеевич, яхта хорошая, при разговоре с продавцом постарайтесь попросить скидку, но не удивляйтесь, если скидка будет небольшой, продавец уверен в безупречном качестве своей яхты».

Иван Алексеевич поблагодарил его любезно, и они пошли встречаться с продавцом данного судна, который со всеми необходимыми для проведения сделки документами уже ждал их у нотариуса.

Борис Валентинович, так звали продавца яхты, поджидал их в беседке, перед входом в контору нотариуса. На вид полноватый лет шестидесяти лысеющий мужчина приятной дружелюбной наружности.

Поздоровались с ним, прошли не мешкая вовнутрь помещения. Процедура оформления покупки заняла буквально час времени, и ещё потратили около часа – отвозили деньги в ближайший банк. Там Борис Валентинович положил их на свой банковский счёт, видно, решил не рисковать, не связываться с проверкой и подсчётом наличных денег.

Перед оформлением Иван Алексеевич поторговался немного, но Борис Валентинович уступил самую малость, только пятьдесят тысяч. Сошлись на цене за яхту в один миллион девятьсот тысяч долларов.

Отдавая деньги, которыми были забиты битком два портфеля, Иван Алексеевич испытал лёгкое разочарование. «Вот как можно отдавать такую громадную сумму за какую-то лодку, хотя и круизную?» – подумалось ему.

Закончив процедуру оформления покупки и отметив её бутылкой дорогого французского шампанского, новый хозяин яхты пригласил всех подняться на борт, чтобы отблагодарить их за помощь в покупке яхты.

Уселись на верхней палубе, был небольшой фуршет, много говорили о путешествиях, где и в какое время года лучше осуществлять плавание.

Никита и инспектор Сергей Александрович заторопились домой, сославшись на то, что им далеко добираться, а Остапа Степановича и Олега Николаевича Иван Алексеевич попросил остаться с ним на яхте для разговора.

Иван Алексеевич знал, что на яхтах, особенно круизных, без профессионального капитана не обойтись. По законодательству РФ, чтобы управлять такими яхтами, нужны специальные допуски и документы, подтверждающие соответствующую квалификацию.

Яхтенный капитан должен отвечать за безопасность, жизнь и здоровье всех пассажиров, а также членов экипажа, находящихся на борту. Он обязан разбираться в классификации и устройстве яхт, уметь читать бортовую документацию, знать правила общения с береговыми службами и портовыми властями. Капитану надобно владеть основами судовой медицины и при необходимости оказывать первую помощь. Кроме того, он определяет скорость движения яхты, принимает решения в непредвиденных ситуациях, регулирует все вопросы, возникающие во время пребывания водного транспорта в порту или в рейсе. Также прокладывает маршрут и продумывает график движения в море с учётом погодных условий и текущей обстановки на воде, составляет отчеты и ведёт сопроводительную документацию.

Такую ответственную должность Иван Алексеевич предложил Олегу Николаевичу, который владел всеми перечисленными качествами. Он помолчал немного, скорее всего из скромности, и согласился.

На должность квалифицированного инженера-механика новый хозяин яхты сделал предложение Остапу Степановичу. Тот, не скрывая своей радости, засветился лицом, заулыбался и сразу согласился, проговорив: «Ваня, я думал, ты не предложишь мне роль механика, хотя, по правде сказать, я надеялся».

Судовой механик также играет большую роль на любом судоводном корабле, где его основной работой является периодический контроль важнейших и вспомогательных судовых машин, механизмов и систем, а также устранение поломок. Ведёт плановые и аварийные ремонтные работы, которые играют огромную роль в живучести судна в море.

Остап Степанович как раз и был таким специалистом, как говорили его товарищи, в моторах он бог.

Иван Алексеевич попросил уже назначенного им капитана рассмотреть его предложение о расширении штатных единиц на судне – взять ещё матроса или двух и повара. «С этим вопросом трудностей не будет», – проговорил капитан, и они в хорошем расположении духа решили не загружать себя больше никакими существенными делами, а отдаться полностью отдыху.

– На ночь, у кого есть возможность, останьтесь со мной на яхте, – попросил любезно Иван Алексеевич свою новую команду. Товарищи с удовольствием приняли его предложение.

Для начала решили прогуляться по городу и закупить съестное и горячительные напитки на вечер.

Ночь провели в разговорах, делали планы, не сходить ли им на яхте в ближайшее время с жёнами в Индийский океан...

Но все разговоры склонились к тому, что для начала нужно зарегистрировать яхту, сделать хотя бы один выход в открытое море, опробовать снаряжение и двигатели в работе, а потом уже думать о больших морских походах.

Решили не откладывать задуманное и запланировали пробный выход через неделю.

Осталось закончить последнюю процедуру оформления – регистрацию яхты. Регистрировать, конечно же, решили под российским флагом. Яхту, много не думая, Иван Алексеевич

назвал «Арабелла», хорошо помня, где он нашёл своё богатство для приобретения такого прекрасного судна...

Преимущество регистрации яхты под российским флагом обусловлено было тем, что она может без проблем храниться и обслуживаться на родине, что дешевле и удобнее, чем хранение за рубежом.

И ещё имелся положительный фактор: яхта под русским флагом может ходить в наших пограничных зонах. Впрочем, вопрос оформления под другим флагом, не российским, у них не стоял изначально.

Регистрацию под флагом Российской Федерации, со слов Олега Николаевича, который с охотой взялся за оформление данной процедуры, они должны пройти за три-четыре дня, потом подготовка судна, куда будет входить проверка двигателей, заправка судна и осмотр моторного отделения. За это время нужно будет закупить продукты, запастись водой и одеждой, которая им будет нужна в море.

На том и порешили, время было уже за полночь, и они, выпив на посошок, разошлись. Иван Алексеевич устроился на верхней палубе, а два его товарища отправились в каюту.

Оформили регистрацию яхты за три дня, Олег Николаевич постарался, подключил все свои связи.

За это время успели закупить провизию и воду, воды запаслись с лихвой, как питьевой, так и технической.

По санитарным нормам предусматривается в сутки для каждого члена экипажа пять литров питьевой воды и восемь технической; туалет, баня, постирушки и прочие незапланированные действия с применением жидкости.

Еда на одного человека, если считать по нормам минимума в плавании, ограничивается одним килограммом, но товарищи, не привыкшие отказывать себе в еде на берегу, в гражданской жизни, решили закупить продукты с запасом. Горячительных же и газированных жидкостей взяли самую малость, понимая, что пьяных и праздных людей море не любит.

Иван Алексеевич на досуге звонил супруге, Валентине Васильевне, сообщил ей, что у него всё хорошо, про то, что

купил яхту, он смолчал, осторожничая, вдруг кто прослушивает его телефон. «Чем чёрт не шутит, когда Бог спит», – говорил он обычно в таких ситуациях.

Иван Алексеевич вообще не рассказывал все подробности жене. «Зачем, – размышлял он, – будет много знать, будет волноваться, в её годы это очень вредно».

На данный момент просто объяснил, что занимается сбором данных по приобретению лодки и, как всё прояснится с покупкой, он позвонит ей, обрадует. Точного времени не назвал, сказал, что приедет примерно через неделю.

Остап Степанович и Олег Николаевич за это время часто ездили домой, но ночевать всегда приезжали на яхту, наверное, соскучились по морским походам и их тянуло на судно.

В хлопотах приготовления не заметили, как пролетело время, настал долгожданный день выхода в море. Все документы были оформлены, разрешение получено, время выхода судна назначено на завтра, на пять часов утра.

Погода стояла хорошая, даст Бог завтра при выходе в море будет такая же, с надеждой думала вся команда яхты «Арабелла».

Утром в назначенное время все заблаговременно заняли свои рабочие места, только за штурвалом был не матрос, как полагалось по штату, а капитан, Олег Николаевич. Иван Алексеевич не решился вести своё судно в открытое море. «Знаний не хватает», – оправдывался он перед своими товарищами.

Двигатели работали ровно, без сбоев, механик поочерёдно перед отходом от причала проверял их по приборам.

– Давай отмашку, – прокричал капитан Ивану Алексеевичу, тот взмахнул рукой, и они тихо отошли от пирса.

В море немного усилился ветер, появилась небольшая качка судна. Палуба начала больше накреняться и вздрагивать, стало трудней передвигаться по палубе.

Иван Алексеевич спустился вниз, осмотреть яхту во время движения судна на нижней палубе.

Внизу, сразу под лестницей, находились технические помещения, с одной стороны камбуз, а для береговых это кухня,

с другой бытовая подсобка, где должны находиться гаечные ключи и различные приспособления. Посмотрев туда, Иван Алексеевич увидел, что инструмент аккуратно разложен по ящикам и вокруг порядок.

Дальше по ходу яхты была расположена кают-компания, где находился обеденный стол, стол был скорее всего дубовый и очень больших размеров. Ещё чуть дальше он увидел г-образный диван, который, по всей видимости, можно превратить в спальное место. Здесь же были ещё два спальных места: своеобразный полукруглый диван, а за перегородкой висячий брезентовый полוג.

В самом носу яхты находилась туалетная комната, по-морскому – галюн. Находясь на нижней палубе, Иван Алексеевич слышал характерные звуки, прислушиваясь к ним, он отметил, что такие своеобразные скрипы и охи издают пожилые люди, когда несут тяжёлое.

Поднявшись на верхнюю палубу, где сильно, со свистом дул ветер, он начал осматривать горизонт. Постоял, присматриваясь, за отсутствием ближайших ориентиров ему показалось, что яхта почти стоит на месте. Но перейдя на самый нос яхты и посмотрев за борт, увидел, что первые впечатления были обманчивы и что яхта с большой скоростью и силой режет волны.

За два текущих часа отошли от берега на такое расстояние, что берег казался серой полосой – было пустынно, даже чаек не было видно. Находясь в открытом море, где волны, перекатываясь всей массой своей, то опуская яхту вниз, то поднимая её на высоту гребня волны, придавали Ивану Алексеевичу сильное ощущение безнадёжности и беспомощности человека перед стихией.

Сердце начинало учащённо биться от увиденного необъятного простора и хотелось всё дальше и дальше идти к неизвестным морским далям. Чувство восторга переполняли его, и у него было огромное желание петь и кричать во весь голос: «Жизнь, как ты прекрасна!»

Капитан дал команду застопорить двигатели, просвистев в специальный свисток, чтобы команда собралась на верхней

палубе. Командой он в шутку называл Ивана Алексеевича с Остапом Сергеевичем.

Яхта стала в дрейф, все собрались на верхней палубе выслушать капитана. Тот предложил своим друзьям отметить апельсиновым соком выход в море и посоветовал новый маршрут плавания.

– Предлагаю, – проговорил он немного осипшим голосом, – продолжить наше путешествие к небольшому острову. Я вспомнил, – продолжил он, – что три года назад был там. Мы сейчас находимся примерно в пяти часах пути до этого острова, с учётом того, что будем делать в дальнейшем тридцать узлов в час. Остров на карте обозначен как неизвестный, но в простонародье он называется Подкова – назван так по его географическому расположению на местности. Он небольшой, можно за день обойти его дважды, площадь его мала, но он пригоден для отдыха, покрыт растительностью и, что самое ценное, есть питьевая вода. Место райское, там очень удобно останавливаться для отдыха и можно по необходимости запастись водой; есть прекрасная бухта, где можно укрыться в случае штормовой погоды.

Всем предложение капитана очень понравилось.

Чтобы в дальнейшем не тратить время на обед, немного перекусили, спустившись в каюту, на верхней палубе было ветрено, после чего продолжили движение по курсу к незнакомому острову под странным названием Подкова.

Иван Алексеевич, расположившись в шезлонге, задремал. Проснулся от крика Олега Николаевича. Тот показывал ему рукой на левый борт, где стая дельфинов сопровождала корабль. Они, ныряя и выпрыгивая из воды, плыли параллельным с яхтой курсом. Дельфины приятные, добрые животные, хотя рассказывают, что их даже касатки боятся.

Ветер начал усиливаться, но волны большой не было, яхта шла примерно с той же скоростью, что и раньше.

Вдруг вдалеке показался остров. Изначально он как бы поднимался вверх над волной, потом пропадал из виду, проваливаясь в морскую пучину. «Что это, игра воображения или игра прибрежных волн?» – рассуждал Иван Алексеевич.

Зашли в бухту острова, чтобы не напороться на мель, Остап Степанович специально стал на носу и проверял шестом фарватер на глубину. Старались подойти ближе к песчаному берегу, но там было мелко, поэтому решили бросить якорь прямо с кормы метров за тридцать от берега.

Подшли к берегу носом, намереваясь поближе ошвартоваться за дерево на берегу, а якорь задумали бросить с кормы. По мнению капитана, он будет оттягивать яхту в сторону воды, к середине бухты. Сначала стали несильно набивать якорный канат, а уже потом ошвартовались с носа яхты.

Получилось превосходно, они как бы растянули яхту двумя канатами, и она устойчиво стала недалеко от берега.

Спустили надувную лодку, погрузив провизию, чтобы развести костёр на берегу бухты. Взяли розжиг, а сушняк надеялись собрать в окрестности своей временной стоянки.

Ветер в бухту не заходил, яхта стояла как будто вкопанная в песок, без движения.

Надвигался вечер, они постарались собрать валежник за светло. Иван Алексеевич вызвался сходить за водой, услышав невдалеке шум водопада.

Разожгли большой костёр, благо сухой древесины вокруг было много. Шашлык на углях из собранной древесины получился отличный, с тонким ароматом, нежный и в меру подрумяненный.

Друзья просидели до полуночи, за разговорами и планами на дальнейшее не заметили, как пролетело время. Ночевать решили на яхте, кто знает, какие звери здесь водятся...

Оставили установленную палатку на берегу бухты и, залив костёр, перебрались на судно.

Уставшие, но счастливые и довольные прогулкой и чудесным вечером отправились спать.

Наутро Иван Алексеевич взбодрился, искупавшись в прохладной воде за бортом, и начал готовить себе и своим товарищам кофе.

Нежно-лиловый восход солнца только-только начал прикасаться к дымчатой линии далёкого морского горизонта.

Просыпающееся море светлело, вздрагивая барашками волн в предутреннем тумане, и несло свои воды к песчаному пляжу по золочёным первым лучам рассвета.

Тяжёлые волны за бухтой, в открытом море, глухо ворча и немного пенясь, накатывались на прибрежный песок и на обратном пути смывали в море мелкие ракушки и набросанные за ночь ветки деревьев.

Ночь не хотела уступать своих владений предстоящему дню, а нетерпеливый рассвет уже пытался тыкаться в полосу обозначившегося горизонта.

Вдруг из далёкого поднебесья выбежала багряная дорожка и стремглав приблизилась к окрестности бухты, упала на мокрый песок на берегу.

Один за другим из сиреновой полосы горизонта прорывались яркие, острые лучи солнца, озаряя посеревшее небо с поблёкшими звёздами.

Вместе с разливающимся рассветом из заоблачных высот вырвался порывистый, озорной ветер и, взбивая мелкую рябь на воде, погнал упругие сине-зелёные волны к плавно покачивающей яхте.

Багряно-малиновое зарево начало охватывать небосвод ярким пламенем, отбрасывающим огненные блики на бесконечные барханы колышущихся волн.

Иван Алексеевич зачарованно смотрел на это чудо природы, забыв про вскипевший кофе.

Разбудил своих товарищей тихим голосом, чтобы не пугать, и посоветовал сделать заплыв вокруг судна, приврав, что вода просто чудо как хороша для купания.

Не спеша позавтракали, начали собираться в поход вокруг острова.

Вчера Иван Алексеевич с Остапом Степановичем запланировали на сегодня с утра экскурсию, решили вначале обойти остров на моторной лодке морем, а потом подняться пешком на прибрежные горы.

Уселись в лодку, с собой взяли десятилитровую канистру воды и небольшое количество продуктов, надеясь управиться к обеду.

Вышли на малой скорости из бухты и начали движение в обход острова с восточной стороны и дальше по часовой стрелке повернули в южном направлении.

Шли медленно, рассматривая берег в бинокль.

Каменистый, иногда заросший мелким кустарником берег не подавал признаков жизни, местами мрачно нависшие над водой скалы вызывали беспокойство, что произойдёт камнепад с вершук гор и повредит их лодку. Осторожничая, отошли от берега метров на сорок, продолжая огибать остров по окружности.

На берегу не было видно никакой живности. Только в одном месте Иван Алексеевич заметил непонятное движение мелких животных – это были козы, они вереницей шли вдоль берега высоко в горах. Расстояние было большое, хорошо рассмотреть их не удалось даже в бинокль.

Огибая остров по часовой стрелке и не доходя мили три до входа в бухту, заметили большую песчаную косу, решили пристать к берегу.

Привязали лодку к камню, торчащему у самой воды, чтобы её не унесло в открытое море, углубились вглубь острова. Пройти далеко не удалось, так как густые заросли мешали продвижению вперёд.

Обошли опасный участок стороной, чуть левее, здесь, на их радость, росли хвойные деревья, и идти было легче.

В основном на острове растительность была похожа на прибрежный горный берег Крыма с южной стороны, но были здесь и незнакомые им небольшие кустарники высотой до двух метров, колючие и труднопроходимые.

Метров пятнадцать впереди послышалось сопение и похрюкивание. «Кабаны», – промелькнула мысль у Ивана Алексеевича.

Действительно, семья, состоявшая из матери-свиньи, отца-хряка и шести подсвинков, милых полосатиков, рылась в земле недалеко от них.

Под ногой у Остапа Степановича громко треснула сухая ветка, и в тот же момент семейка кабанов с невероятным шумом ринулась наутёк. Промчалась рядом с ними по неболь-

шой утоптанной зверьём тропинке вниз, в направлении моря, где была привязана их лодка.

Друзья на время опешили, но, придя в себя, отошли немного в сторону, взобрались на большой валун и с интересом начали снимать на камеру бегство кабанов. Но те быстро пропали из вида, умчались, ломая небольшие деревца на своём пути.

Постояв на валуне, друзья дальше вглубь острова не пошли, вернулись к лодке, отвязали её от камня и продолжили свой путь в сторону бухты, к своей стоянке.

К обеду они уже были на месте.

Рассказали Олегу Николаевичу, что видели высоко в горах на плато козу с козлятами и ещё в подробностях обрисовали встречу с семейством кабанов.

От пешего похода, который они ранее планировали вглубь острова, Иван Алексеевич с Остапом Степановичем отказались.

– Если у вас нет желания побродить по острову, будем собираться домой, – высказал своё заключительное слово капитан, – основную задачу мы выполнили, яхта прошла испытания, готова к более серьёзным морским и даже океанским плаваниям.

– Ты у нас главный, – ответил с улыбкой Остап Степанович, – домой так домой, жёны, должно быть, по нам уже соскучились.

Настроение у всей команды было приподнято весёлыми разговорами, да и погода сопутствовала морскому переходу – было не так жарко, ветер умеренный, солнце не так сильно палило округу своими искрящими лучами.

– Дорога домой всегда легче, чем из дома, – проговорил ободряюще Иван Алексеевич.

Шли назад, к Севастопольскому причалу, рассекая морские волны носом яхты, по заранее согласованному маршруту.

Начало смеркаться, ярко-красный круг солнца всё ниже и ниже спускался к горизонту.

В основном солнце садится в море без лучей, огромным шаром, меняющим цвет с оранжевого на красный.

В это время небо будто начинает полыхать ярким пламенем. Морской горизонт словно дышит, переливаясь всеми оттенками красок, искрясь и слепя глаза. За него постепенно начинает закатываться огненный диск, виднеется только его небольшой край.

Очень красивые на закате в этот момент облака. Подсвеченные огненным диском солнца, они неповторимо красочно завораживают своими формами и цветовой гаммой. Перемешивая краски, из белых могут через несколько секунд превратиться в огненно-пурпурные, тёмно-фиолетовые.

Их оттенок постоянно меняется. Сочетание оттенков оранжевого и синего выглядит очень красиво, получается такой яркий, очаровывающий контраст.

В закате есть что-то волнующее. Кажется, что солнце уходит насовсем, ещё чуть-чуть – и исчезнут его последние лучики, всё вокруг погрузится в темноту.

Но никто не думает о плохом, точно зная, что наступит завтра и солнце подарит людям ещё один чудесный день.

Ещё красота морских закатов в том, что двух одинаковых их не бывает. Каждый раз цвета неба и облаков совершенно другие, и оттенок солнца сегодня всегда не такой, как был вчера. Великолепие природы в этом и состоит: она рисует ежедневно шедевры, никогда не повторяясь.

Это прекрасное вечернее чудо волнует и вдохновляет одновременно.

Длится оно недолго, но запомнить его хочется навсегда. Хочется также сохранить в памяти красоту неба на закате, воспоминания о котором подарят чарующую, красивую сказку. Именно в эти мгновения на лице появляется улыбка, нежная и мечтательная. А закат словно открывает дверь в летнюю ночь, тихую, тёплую и невероятно прекрасную.

Иван Алексеевич смотрел на эту чарующую красоту весь в размышлениях, с мыслями о волшебном и возвышенном, позабыв всё на свете.

– Подходим, – прокричал капитан, – свистать всех наверх.

За час до прибытия Олег Николаевич созвонился с дежурным пограничной заставой, сообщил, что скоро прибывают на стоянку, и назвал свой бортовой номер.

Иван Алексеевич не вмешивался и не вникал, как правильно оформлять выход и заход судна, надеялся на своего капитана. Видя профессиональную деятельность Олега Николаевича в роли капитана в сегодняшнем походе, Иван Алексеевич понял, что человек он был надёжный во всех отношениях, как в дружбе, так и в морском деле.

Прибыли в Севастополь к вечеру, вся Северная бухта зажигалась огнями. Пришвартовались у пирса под номером четырнадцать.

Остап Степанович и Олег Николаевич домой не поехали, решили остаться, провести вечер втроем, у них предстоял ответственный разговор по поводу следующего, более серьёзного путешествия.

Поздним вечером, закончив все дела на яхте, уселись на верхней палубе, и Олег Николаевич, как человек, имеющий богатый опыт в плаваниях, начал своё предложение по поводу следующего морского похода.

Начал по памяти объяснять своим друзьям маршрут предстоящего плавания: «Мы будем выходить с Чёрного моря, оно соединяется с Мраморным морем проливом Босфор. Длина пролива примерно тридцать километров. Ширина – где-то от семисот метров и до трёх километров. Проплываем пролив и оказываемся в Мраморном море. Далее через пролив Дарданеллы путь ведёт в Эгейское море, которое является частью Средиземного. Оба пролива – Босфор и Дарданеллы, а также Мраморное море находятся на территории Турции.

– Турция в случае военного конфликта может закрыть проливы? – спросил Иван Алексеевич.

– Такая опасность может нас подстергать, этого нельзя упускать из виду, но на данный момент там нет конфликтов и, на наше счастье, проливы открыты, – ответил Олег Николаевич. – Далее, – продолжал он, – минуем Эгейское море, огибаем Грецию и оказываемся в Средиземном море, потом уже Гибралтарский пролив. Это узкий пролив, соединяющий Атлантический океан со Средиземным морем и отделяющий Пиренейский полуостров в Европе от Марокко в Африке. Я вам обрисовал краткий план морского путешествия

по памяти, в дальнейшем сделаю более подробный в письменном виде. Готовы поддержать мою задумку?

Все единодушно согласились с его маршрутом.

В заключение капитан пояснил: «Переход через Атлантику, или атлантический круиз, часто рассматривается как приключение длиной в год: в конце ноября или в декабре пересекаем океан и попадаем на Карибы, а в мае возвращаемся домой. Для такого календарного расписания есть веские причины, – отметил он, – главная из которых – сезон ураганов. Ураганы могут длиться с начала июня до конца ноября. Вероятность их возникновения есть и вне «официального сезона», но это редкость. Так что давайте планировать наше путешествие на ноябрь месяц».

Поговорили по поводу своих жён и решили, что постараются их уговорить пойти с ними в плавание.

Наутро, сдав под охрану яхту, трое товарищей покинули причал и разъехались по домам. Остапу Степановичу и Олегу Николаевичу добираться до дому было недалеко, а Ивану Алексеевичу предстояла долгая дорога к своим родным и близким людям, где его с нетерпением ждала супруга, дети и любимые внуки, по которым он неимоверно соскучился.

Встретиться друзья договорились ровно через три месяца. «Экспедиция предстоит долгая и трудная, и поэтому потребуется серьёзная подготовка к морскому путешествию, следовательно, дома соблюдать режим и только здоровый образ жизни», – строго предупредил капитан команду яхты «Арабелла»...

Продолжение следует...

Загадочное приключение на рыбалке

Рассказ

Дни стояли жаркие, и только к вечеру, когда солнце готовилось спуститься к горизонту, начинала спадать дневная духота и природа понемногу оживала, принося наслаждение от вечерней прохлады людям, измученным дневным зноем.

Сидя в саду под любимой яблоней, Вячеслав обдумывал, что можно ещё взять на завтрашнюю рыбалку. Они с сыном Сергеем запланировали на выходные посвятить себя полностью отдыху на природе и уехать с ночёвкой на реку, дня на два вырваться из каменных стен города.

Сейчас на даче занялись снастями и снаряжением, которое понадобится для рыбной ловли.

Так как уезжали на двое суток, кроме экипировки и снастей нужно было запастись ещё и съестными припасами, а самое главное не забыть взять питьевую воду.

Поскольку собирались в незнакомые места, нужно было предусмотреть всё, что может понадобиться на рыбалке с ночёвкой.

Вячеслав случайно узнал о новом рыбном месте от своих товарищей по работе. Те были сильно впечатлены поездкой на реку Дон и так всё красочно описали ему, что он всей душой загорелся съездить в богатые рыбой места.

Вячеслав был заядлым рыболовом и очень часто проводил время с удочкой на реке, наслаждаясь красотой родного края.

Он начинал рыбачить ещё совсем мальчишкой, учился обращаться с удочкой на небольшой речушке рядом с посёлком, где проживал. Речка эта, вся заросшая кустарником

и маленькими деревцами, извиваясь протекала сразу же за их огородами, была неглубокая, но рыба водилась.

Привязанность порыбачить с возрастом не пропала, а наоборот усилилась, он и своего сына Сергея заинтересовал с детских лет своим любимым увлечением.

Хорошо помнил детство, как они, волнуясь, готовились к рыбалке со своими сверстниками. Собирались с вечера у одноклассника в саду в летнем домике, немного подремав, вставали, когда солнце ещё не взошло, а только начинал брезжить рассвет, и с удочками направлялись к реке.

Идти было недалеко, и они старались добраться до реки пораньше. Пока готовили удочки и забрасывали их, заря, выстреливая своими яркими лучиками, выкатывала огненное солнце с восточной стороны горизонта.

И эта красота утренней зари ему помнится до сих пор.

Тогда им было по шесть-семь лет, и это чудо природы они воспринимали как естественное окружение действительностью, а понимание красоты окружающего мира начали ощущать в более зрелом возрасте.

Вопрос сына «С чего будем начинать укладку снастей?» вернул Вячеслава в действительность от приятных воспоминаний детских лет.

Разложив весь инвентарь и снасти, начали не спеша упаковывать их в рюкзаки и относить в машину.

Всё уложенное перепроверили по списку, написанному предусмотрительно заранее Вячеславом, закрыли дачу и поехали домой, в город, где они проживали в квартире пятиэтажного дома всей семьёй.

С возрастом закрадывались мысли переехать на окраину, поближе к реке, и купить свой домик, но на перемену места жительства не хватало средств, и на данный момент все мечты оставались только планами.

Приехав домой, Вячеслав с сыном подробно обсудили свой завтрашний маршрут. На карте поместили, где они будут сворачивать с южной трассы в сторону реки Дон. Товарищи Вячеслава для полного понимания маршрута нарисовали им короткий путь на листке бумаги с указанием всех населённых

пунктов, которые они должны проезжать. Так что ошибиться и сбиться с дороги было невозможно.

Легко поужинали и рано легли спать с приятными мыслями о чудесных выходных на природе.

Проснулись, как и договорились, в половину третьего утра, взяли воду, съестные припасы и вышли на улицу, нужные для рыбалки снасти были уложены в машине ещё с вечера.

Солнце ещё не взошло, и только светло-розовая полоска с восточной стороны напоминала, что скоро начнётся рассвет. Стояла тишина, было ощущение, будто природа притихла и настрожилась в ожидании чуда.

Через некоторое время огненное зарево позолотило верхушки деревьев и всю округу, возвестив и обрадовав окрестность и всё живое приходом прекрасного утра. «Видно, день будет жарким», – подумал Вячеслав, сетуя, что поленились вчера уехать на ночь.

Ехали молча, приоткрыв немного окно в машине, чтобы освежиться ветерком и прогнать утренний сон.

В помеченном на карте месте свернули с трассы. Дорога хотя и была покрыта асфальтом, но неровности и ямы на ней значительно снизили скорость машины. Двигались строго по маршруту, проложенному ещё вчера вечером.

Проехали небольшой посёлок, расположенный справа от дороги, ближе к низине, где, возможно, протекала небольшая речушка.

Судя по карте, оставалось буквально километров восемь-девять до реки, куда они стремились попасть побыстрее, боясь пропустить утренний ранний клёв.

Дорога с асфальтовым покрытием после деревушки закончилась, дальше пошла узкая грунтовая полоса, наполовину заросшая низкой травой.

Но как ни странно, по ней двигаться было намного удобней, меньше трясло, так как она была ровней, без рытвин и выбоин. Но неудобство доставляла пыль, которая немислимыми способами проникала в салон машины. Сзади облако из пылинок поднималось высоко к небу, и со стороны сразу было видно, что проехало транспортное средство.

До самой реки ехали через бескрайние поля и зелёные, наполовину скошенные луга. Поля были засеяны зерновыми, скорее всего ячменём. Деревня осталась позади, но на лугах, как ни странно, никого не было, хотя шёл месяц июнь, была пора сенокоса.

Вячеслав увеличил скорость машины, ему не терпелось побыстрее добраться до реки.

Вдалеке они увидели лёгкий туман над водной гладью. «Наконец-то приехали», – радостно выдохнул Сергей.

Проворно принялись готовить снасти, взяли наживку и прикормку и спустились к реке, ощущая неудержимое волнение и приятный холодок в груди от предстоящей рыбалки.

Берег был заросший осокой и мелкими деревьями ракиты, которые росли почти у самой воды.

Распаковали рюкзаки и начали готовить удочки, предварительно разбросали по воде подкормку, которая состояла из ячменя вперемешку с горохом, туда добавили анисовые капли.

Все хитрости с подкормкой и наживками отец семейства знал наизусть и старался, как только представлялся такой случай, передавать рыбацкий опыт сыну Сергею.

Забросив удочки, уселись рядышком на специальных раскладных креслах для рыболовов.

Буквально через десять минут леска на удочке Сергея вытянулась как струна, и поплавок как торпеда заскользил в сторону, ближе к берегу, к кустам ракиты. Сергей был не новичок, искусно подтянул катушкой леску к себе и так ловко подставил сачок под рыбу, что Вячеслав от души похвалил сына.

В сачке оказалась большая добыча, присмотревшись, поняли, что это сазан с характерными узнаваемыми признаками.

У сазана отличительной от остальных рыб чертой была большая голова с выдвигаемым ртом, увенчанная двумя парами развитых усов. Тело у сазана выглядит плотным, бока золотистые, спина темноватая.

Он является родственником привычного всем карпа, но в отличие от него достигает внушительных размеров. Встречаются отдельные экземпляры более метра в длину при весе

в двадцать килограммов. Сазан в основном любит тихие и стоячие воды с глинистым или илистым дном. Его тело покрыто крупной, тёмно-жёлтой чешуёй с золотистым оттенком, которая плавно светлеет от спины к брюху.

В этот раз Сергей выловил приличного сазана, килограммов на пять-шесть. Радости у него не было предела. Оттащив его от воды, опасаясь, что пойманная рыба может незаметно ускользнуть в свои водные пенаты, аккуратно положил в заранее приготовленный садок и опустил в воду почти у самого берега. Шнурок от садка предусмотрительно закрепил за ствол небольшого дерева. Убедившись, что всё сделано надёжно, начал нанизывать насадку на крючок.

Из наживок они взяли только червя, заблаговременно выкопали дома, рядом с дачей в низине, а из насадок заготовили горох, кукурузу и фасоль, которую прежде, чем сварить, заранее замачивали на несколько часов.

Пока Сергей нанизывал насадку и забрасывал удочку, у Вячеслава наконец-то тоже совершилась поклёвка, и он начал медленно подтаскивать рыбу к берегу.

Сын, схватив сачок, бросился помогать ему, но отец самостоятельно сумел подтянуть к берегу свой улов. Рядом с ним в воде находились мелкие деревья и, боясь, что рыба будет стремиться там укрыться, поторопил сына помочь ему.

Сергей по колено зашёл в реку, изловчившись, подвёл снизу свой сачок и с трудом вытащил на берег первую отцовскую добычу.

– Пап, с первым уловом тебя, – с радостью выкрикнул Сергей, оттаскивая рыбу подальше от воды. Развернув сетку сачка, сразу поняли, что попался жерех.

Тело у жереха мощное и длинное, заканчивается плавником с выемкой. Плавники серые с тёмной окантовкой, грудные и брюшные с красноватым оттенком, окрас самой рыбины с серым отливом. Голова у жереха крупная, почти четверть длины рыбы, глазки небольшие, рот же наоборот большой с бугорком на нижней губе.

– Пап, килограмма четыре будет? – спрашивал Сергей, поднимая сачок.

Вячеслав, соглашаясь, сказал: «Должно быть, столько и есть, может, даже чуть больше» – и занялся подготовкой своей удочки к новому забросу.

Волнение ещё не прошло, и у него чуть дрожали руки. Стараясь правильно нанизать зерно кукурузы на крючок, уколол себе палец, но, справившись с насадкой, удачно сделал заброс далеко от берега.

Поплавки на удочках, где насадкой служил мякиш хлеба и горох, стояли без движения. И Вячеслав, поворачивая голову к сыну, сказал: «Сергей, готовь кукурузу, наверное, попробуем поменять насадку и на остальных удочках».

Сын согласно кивнул и начал менять насадку, поменял, забросил удочки. Потянулись долгие минуты ожидания.

Сын Вячеслава сходил к машине, взял привезённую подкормку, часть которой они по приезду разбросали на мелководье у берега, и теперь всё, что осталось, бросили в реку.

Подкормка состояла из варёного ячменя, сдобренная всякими добавками, такими как анисовые капли и трава любисток, которая в обычной жизни используется как лекарственное растение, а также в качестве приправы к различным блюдам. И эта многофункциональная травка часто вырочала их на рыбалке.

Вернувшись от машины, Сергей переспросил у отца: «Мы вроде, когда проезжали, село оставили за собой километрах в десяти? А сейчас оно рядом с нами, отчётливо слышно мычание коров и лай собак».

Вячеслав не поверил ему. «Сергей, не может быть, чтобы эта деревня пришла за нами», – пошутил он.

Взобравшись на пригорок, посмотрел, куда ему указывал сын, – действительно, на расстоянии примерно восьмьсот метров сквозь лёгкий туман в низине отчётливо была видна деревня, он даже заметил движение людей и животных по деревенским улочкам.

Был сильно удивлён, что, приехав сюда буквально два часа назад, не заметили деревенские строения и сельскую живность.

Вячеслав отчётливо услышал со стороны деревни хлопок кнутом, да и лай собак слышался изо всех уголков появившегося из ниоткуда посёлка.

– Да, прямо какое-то наваждение, – произнёс задумчиво.

Он позвал сына, вместе начали рассматривать деревенскую местность в бинокль.

Бинокль он брал постоянно, любил более детально изучать окрестности, куда приходилось приезжать, будь то охота или рыбалка.

Вдалеке заметили стадо коров, которое паслось на большом лугу, и рядом увидели пастушка, мальчонку, который был одет как-то необычно; на нём были широкие холщовые штаны, а сверху наброшена на плечи распашонка. Головного убора не было, только светлая копна волос развевалась на ветру.

В бинокль с десятикратным приближением было хорошо видно, как во дворе деревенского дома женщина подошла к колодцу. Вячеслав всё никак не мог понять, что в ней такого необычного и что его так насторожило. Наконец он понял – одежда.

На ней была длинная женская рубаша белого цвета, поверх рубашки была кофта, короткая, доходившая своими концами до начала бёдер, но рукава были длинные, длинные настолько, что доставали до кончиков пальцев. На голове был повязан белый платок, подвязанный под подбородком. Юбка, широкая и длинная, почти до пяток, довершала странный наряд женщины у колодца.

Колодец был из деревянного сруба, но не с ручкой для поднятия ведра с водой из глубины, как обычно видел Вячеслав в окрестных местах, где побывал, а с колесом от телеги и небольшого бревна, куда, по всей вероятности, была привязана верёвка, а быть может, и цепь.

Сергей всё торопил отца сходить в деревню посмотреть вблизи, ежеминутно повторяя: «Пап, пойдём побыстрее посмотрим, всё так интересно, откуда взялась эта деревня и кто там живёт». Вячеславу, с одной стороны, было ясно, что, проезжая совсем недавно, они не могли не заметить здесь

деревенские строения, если бы они там были, но, с другой стороны, что тогда они сейчас наблюдают?

В голове путались мысли, что же всё-таки происходит?

Посовещавшись с сыном, решил не ехать на машине, а сходить пешком и посмотреть деревню вблизи, благо расстояние было небольшое.

Он попросил сына посмотреть удочки, а сам закрыл машину на ключ, мало ли что...

Тот, вернувшись, сказал с разочарованием: «Не успел, была поклёвка, но рыба сорвалась, я заменил насадку на крючке».

Вячеслав успокоил его словами: «Всё ещё впереди, успеем порыбачить» – и они пошли в сторону появившейся из ниоткуда деревни.

Пройдя метров двести, почувствовали, что ветер посвежел и усилился, ещё через двести метров их пути небо невероятно быстро затянуло облаками. Ветер стал порывист и переменчив в направлениях, изначально дул со стороны посёлка, но не прошло и десяти минут, резко подул с другой стороны, от реки. Атмосфера в округе стала напряжённой, можно сказать даже гнетущей, яркая молния с одновременным трескучим раскатом грома ударила в берёзу, стоящую на пригорке, и в ту же секунду полил сильный ливень.

До деревни было буквально триста метров, но внутренний страх чего-то неизвестного заставил их броситься обратно, и они, развернувшись, быстро помчались к машине.

Добежали полностью промокшими. Вячеслав два раза ронял ключ, когда открывал дверь в машине, провозившись минут пять с замком, всё-таки забрались в неё.

Порывы ветра достигли такой силы, что рядом находившиеся деревья изогнулись дугой, дождь, подступая стеной к машине, стучал с невероятной силой по стёклам. Потемнело настолько, что с большим трудом можно было рассмотреть местность.

Сидели молча, приходя в себя после увиденного. У Вячеслава мелькнула мысль в голове с вопросами, что же всё-таки происходит с природой?

Дождь со шквальным ветром закончился так же быстро, как и начался. Сергей приоткрыл окно в машине, тишина стояла такая, что им стало как-то не по себе. Обычно в таких случаях говорят «мёртвая тишина».

Вышли из машины, сразу же одновременно с сыном Вячеслав посмотрел в сторону деревни, всё, что они рассматривали буквально пятнадцать минут назад, будто испарилось. Осталась дорога, по которой они приехали сюда, а населённый пункт в виде старинной деревни просто исчез.

– Да, – произнёс Вячеслав, – чертовщина какая-то получается, то есть деревня, то её нет.

Сергей достал бинокль и принялся настраивать резкость, внимательней осматривая округу, увидев только поля и луг, вопрошающе посмотрел на отца.

Ошарашены происшедшим были оба, особенно был удивлён Вячеслав, его годы были уже немолодые, и он с детских лет пропадал на природе, да и в дальнейшем, повзрослев, походы на охоту и рыбалку заводили его далеко от населённых пунктов, где много чего повидал, но такого ещё не приходилось наблюдать.

Поразмышляв о случившемся ещё минут пять, спустились к реке, удочки течением забросило в прибрежные кусты, и скорее всего леска была запутана за их корни.

– Сергей, – попросил он, – раздевайся, посмотри, что с удочками.

Сам же начал собирать весь привезённый инвентарь и одежду, которая от порывов сильного ветра была разбросана по всему берегу.

Резиновую лодку отбросило и перевернуло вверх дном, хорошо, что они догадались закрепить её, заранее привязав к торчащему здесь же на берегу сломанному стволу дерева.

Распутав удочки и сложив весь инвентарь на заранее принесённый из машины брезентовый полог, не сговариваясь, пошли на пригорок обратно к машине.

Им не терпелось ещё раз посмотреть в сторону деревни, которая исчезла после грозы. Но ни домов, ни пасущего скота

они так и не увидели, только большой луг с правой стороны дороги, а с левой стороны хлебное поле.

Долго ещё смотрели в том направлении, где была деревня, молча размышляя, что же всё-таки это было...

Переодевшись в сухую одежду, продолжили рыбачить, рыбалка их отвлекла от тяжёлых мыслей, клёв был хорош, да и погода быстро восстановилась, потеплело, солнце начало пригревать, день стоял ясный и солнечный, как будто ничего и не было.

«Не было жуткой грозы, ливня со шквальным ветром и не было деревни с жителями в странных одеждах». Но что-то же было, и они всё это отлично видели...

Летний день восстановил свои права быстро, солнце, как будто ничего и не бывало, начало пригревать землю, наверстывая и исправляя погоду в лучшую сторону.

Вячеслав с сыном в полуденной зной решили перекусить тем, что взяли из дому: чай в термосе, бутерброды с сыром и колбасой. Уху задумали варить вечером – костёр на ночь им всё равно придётся разводиться.

Растянули шатёр, под ним поставили раскладной столик и принесли кресла, которые использовали на берегу реки, когда рыбачили. Уселись в тенёчке и начали свою трапезу.

Предварительно в реку забросили донки, в простонародье называемые закидушками, после заброса прикрепили к леске у основания колокольчики. Обычно при поклёвке рыбы они издавали мелодичный, далеко слышный звон.

До реки было буквально метров двадцать – двадцать пять, так что волноваться не нужно, они должны легко услышать этот звон.

Закидушка – самая старинная донка, на которую ловят рыбу со времён изобретения лески.

Конструкция снасти проста до примитивизма: достаточно толстая леска с одним или парой-тройкой поводков с крючками, мотовило в начале, груз в конце. В качестве сигнализатора поклёвки используется классический копеечный колокольчик, но можно обойтись и вовсе без него. Снасть крепится

на берегу любым способом – к специально вбитому колышку, дереву, камню.

Для насадки на крючки выбрали мякиш хлеба, кукурузу и горох.

Преимущество закидушки состоит в том, что она практически ничего не стоит, так что потеря снасти не вызывает больших переживаний. Это значит, что её можно безбоязненно оставлять без присмотра в расчёте на самоподсечку.

Отец с сыном удобно устроились под навесом, здесь было уютно и прохладно, обеденный зной переносился хорошо. Расположившись в креслах, принялись рассуждать о сегодняшнем приключении.

Сергей выдвинул предположение, что это было обманом зрения, называемым оптическим явлением, или миражом.

Но при мираже происходит преломление потоков света на границе между резко различными по плотности и температуре слоями воздуха, и при наблюдении такого явления вместе с реально видимым отдалённым объектом также видно и его отражение в атмосфере. Отражение в небе они не видели, так что данное соображение по поводу виденного отпадало.

Вячеслав, повернувшись к сыну, тоже сделал своё измышление: «Сергей, а что, быть может, это пространственно-временной портал так называемый?»

Тот покачал головой, не согласился с его гипотезой. «Временной портал открывается перед началом мощной грозы или, на худой конец, сильного дождя с большой грозой, а получилось наоборот, деревня была видна, но только мы хотели приблизиться, началось светопреставление».

Сергей много читал про подобные явления, много интересовался последними публикациями данной темы и сейчас начал подробно рассказывать отцу про так называемые порталы времени.

– Известно много фактов, – говорил он, – что были проникновения людей из прошлого или будущего в настоящее время. Почти все факты, которые приводились в публикациях о прибывших из прошлого, говорили, что они очень тяжело перенесли совершенно непонятное для них перемещение,

не могли адаптироваться к новым условиям жизни и закончили свою жизнь кто в психбольнице, кто в тюрьме. Люди же из будущего, вероятно, больше знающие о свойствах времени и теоретически готовые к подобным приключениям, в новых условиях маскировались и приспособлялись более умело. Они не афишировали своего появления из другого времени и, используя собственные невероятные знания и способности, иногда занимали довольно высокие посты в земных властных структурах.

– Но всё это может быть выдумкой и фантазией, – проговорил Вячеслав, – где очевидцы, где подтверждённые факты видеосъёмки? А если попасть в гости к динозаврам? Такой судьбы не пожелаешь даже врагу, да и оказаться в другом веке, в непривычной среде, без родных и близких и без надежды вернуться назад – это же страшное дело! – полушутя-полусерьёзно закончил он своё высказывание на эту тему.

Посидели ещё немного, блаженствуя в тенёчке, и решили, пока плохо клюёт, подготовить место под ночной костёр и собрать побольше сушняка, здесь его по берегу было предостаточно.

Насобирали сухого валежника, оборудовали место под костёр, выкопав немного грунта на лужайке рядом с рекой, и обложили собранными камнями очаговую площадь запланированного костра.

Начало темнеть. На донки было поймано не очень много рыбы, пару карпов, четыре подлещика и шесть небольших окуньков.

– В принципе и неплохо, – прокомментировал улов Вячеслав, – прекрасная уха получится, но за ночь мы должны с тобой, Сергей, наловить побольше рыбы, чтобы удивить и порадовать своих родных.

Вячеслав занялся костром и приготовлением ухи, Сергей готовил снасти, донки решили забросить немного в стороне от костра, где подход к реке был более пологим и забрасывать снасти было намного удобней.

Незаметно спустился вечер, густой туман за клубился над речной гладью.

Сергей часто поднимался на пригорок к машине и всё всматривался, не появилось ли вновь старинное поселение.

Ночь ожидали с неким внутренним волнением, вдруг опять появится непонятное явление природы.

Спать легли, когда уже совсем стемнело и после того, как поели уши, которую Вячеслав приготовил по своему рецепту, с обязательным опусканием горячей деревянной головешки в котелок, где она варилась. После того как полностью она сварится, он добавлял туда ещё немного водки, буквально сто – сто пятьдесят граммов.

Данным рецептом с ним поделился давний приятель, с которым они часто проводили время с удочками на реке Сосне. Эта река была недалеко от города Ливны, где он проживал с семьёй.

Легли в машине, предварительно разложив сидения, здесь было безопасней, да и комары меньше донимали.

Лежали, думая каждый о своём, но мысли всё равно были о посёлке, который бесследно исчез, как будто растворился.

Пару раз выходили, смотрели в ту сторону, но в том месте была тишина и не было ни огней, ни лая собак и вообще ничего, что могло указывать на нахождение живого существования чего-либо. На душе всё равно было неуютно, но они старались не подавать друг другу вида, что им боязно.

На следующий день встали очень рано, солнце в это время только-только начало показывать свой огненно-красный ободок над горизонтом с восточной стороны.

Спустились с пригорка к реке, на одной из донок леска была натянута, значит, попалась рыбка. Сергей с радостью вытащил ещё одного судака, но поменьше, чем вчера, в первую поклёвку.

Снарядили удочки, нанизали насадку, забросили, стараясь не запутать донки, начали ловить в сторонке от заброшенных с вечера донок.

Утренняя рыбалка была богата уловом, ловились в основном карпы и подлещики, размерами небольшими, но количеством пойманного сын с отцом остались довольны. Остаться ещё на ночь не захотели, всё-таки увиденное вчера их

немного нервировало, и они, посоветовавшись, решили заканчивать рыбалку, когда настанет жара, в это время рыба обычно перестаёт ловиться.

После обеда засобирались домой, так как клёв прекратился и им ничего не оставалось делать, как сматывать удочки, в буквальном смысле слова.

На дорожку перекусили остатками их вечерней трапезы, утром есть не хотелось, да и спешили, торопясь на берег реки, чтобы не пропустить ранний клёв.

Начали весь свой скарб укладывать аккуратно в машину, часть положили в салон, а что не вошло, разместили в багажном отделении.

Свой богатый улов поместили в пластмассовый таз, перестелив каждый слой рыбы листьями крапивы. В жаркие летние дни рыболовы перестилают и накрывают рыбу крапивой, чтобы она лучше сохранилась, тем более, дорога была неблизкая, так что приходилось перестраховываться и применять народные средства.

Присели на дорожку, завели машину и направили её в сторону дома.

Проезжая мимо того места, где вчера поутру видели деревню, Вячеслав, переглянувшись с сыном, молча остановил машину. Вышли на обочину и начали внимательно осматриваться с надеждой увидеть какие-либо следы.

Он подошёл к деревцу, которое вчера было им замечено около странного колодца с колесом, но кроме травы там ничего не увидел. Повсюду было множество синеньких цветков, которые называли в народе васильками. Он где-то читал, что цветок василёк – это древнерусское заимствование из греческого языка, которое раньше обозначало «царский цветок».

Молча ходили вокруг, вспоминая расположение домов и строений вчерашнего видения.

– Сергей, – обратился Вячеслав к сыну, – здесь, рядом с колодцем был валун, такой большущий, давай получше исследуем это место рядом с деревцем, может, хоть какой-то артефакт найдём.

Тот, разгребая пожухлую траву палкой, найденной здесь же, тщательно осматривал местность вокруг дерева. Но всё было тщетно, камней поблизости не наблюдалось, следов людей и коров, естественно, тоже.

– Да, – произнёс с горестью Сергей, – нужно было попробовать фотографировать на телефон увиденное, что-то мы совсем упустили возможность запечатлеть всё это, вот была бы сенсация!..

Не найдя ничего примечательного в округе, что могло их заинтересовать, молча сели в машину и поехали дальше.

Вдали показался посёлок, который они вчера проезжали рано-рано утром. Сергей напрягся: «Вдруг такое же видение, как вчера», – подумалось ему.

Отец, заметив его волнение, тихо сказал: «Успокойся, вон во дворе дома стоит трактор Т-150, уж точно он не из прошлого». Тот улыбнулся: «Тут поверишь во все ранее слышанные небылицы», – пробурчал он.

Изначально собирались остановиться около небольшого сельского магазинчика, где заметили несколько женщин, стоящих у входа, мирно беседуя. Хотелось расспросить их, не случались ли у них появления странного поселения древности, но потом решили проехать мимо.

В машине было очень душно, хотя все окна были открыты и ветер продувал весь салон машины насквозь.

Удаляясь от загадочного места, жалели, что не смогли пообщаться с жителями необъяснимо исчезнувшей деревеньки и что не успели побывать в далёком, загадочном прошлом.

Вид из окна на необъятные, прекрасные просторы родного чернозёмного края развеял их задумчивые мысли, и Сергей, как бы подытоживая пережитое вчерашнего утра, высказался своему отцу: «Мы, скорее всего, постоянно живём с невидимыми соседями, есть много предположений в мире, что есть параллельные миры... и они до сих пор являются для нас загадкой. Нужно просто понять и принять, что в мире есть не только мы, и постараться не удивляться, почему и за что с нами происходят эти случаи, с какой целью именно нам и именно сегодня необъяснимое явление показало своё существование».

– Да, в мире всё взаимосвязано, и нет ничего такого, что было бы не сплетено с предыдущими событиями нашей жизни, – согласился Вячеслав.

– Как только всё это нам понять, что эта встреча с необъяснимым ведёт к плохому или к хорошему в нашей жизни, к добру ли все эти видения или просто случайность, – проговорил, рассуждая по-философски, сын Вячеслава Сергей.

Подытоживая свой разговор, пришли к выводу, что природа как таковая иногда просто предупреждает о чём-то, так что есть повод поразмышлять: правильно ли мы поступаем или собираемся поступить в дальнейшем?

По этому случаю нужно обязательно заглянуть в себя и попытаться осознать: почему именно им и именно сейчас было позволено увидеть необъяснимое явление...

Так что есть над чем задуматься.

Содержание

Стихи

Вот и лето прошло	5
Народный праздник	6
Надеемся, что мир к нам возвратится	7
Пороки...	8
Твой взгляд	9
Родимый край	10
Вот и лето ушло	11
Превратности страстей	12
Круговорот в природе	13
Стоят уже на грани, за чертой	14
Надеемся, порадует природа	15
Референдум	16
Не осень в грусти нашей виновата	17
Обыденность житейского процесса	18
Что же дальше	19
Замирает природа	20
Видно, свыше дают установку	21
Судьбу не обмануть	22
Такая сущность, что ни дать, ни взять и не отнять	23
Пора пришла закончить эпопею	23
Раздумье	24
Жизненный маршрут...	25
Осень общие планы диктует	26

Поздравляем любимую внучку	26
Украина наказана Богом	27
Кто не даёт нам просто жить?..	28
Так что потом?..	29
Непогода	30
Одинокая скамейка	31
Куда спешим?..	32
Кто виноват...	32
Часы бегут стремительно вперёд	33
Забрезжил свет	34
Окно...	35
Капельки росы	36
Одни предположенья...	37
На Украине был Донбасс...	38
Май месяц...	39
Что ещё у судьбы попросить...	40
Загорелась заря на востоке...	41
Жизнь идёт...	42
Забрезжил день...	43
Родина одна...	44
Проходят дни...	45
Заблудшая душа	46
Социопаты...	47
Веду с собой душевный диалог...	48
Ненадёжный переговорщик...	49
Вот и всё...	50
Что потом...	51
Старость мудростью дышит	52
Злободневность проблем	53
Заснеженный март	53
Выбор	54
Тревожные мысли	55
Поэт	56
Время пришло	57
Наш путь тернист	58

Зима на спад	59
Жизнь непроста...	60
Усталость	61
Тревожные мысли	61
Метель	62
Первая учительница	63
Дожили	64
Накрыла информацией волна	65
В воспоминаниях снежинки на окне	66
Праздность после праздников	67
Зачем спешили?..	68
Планы с вечера на завтрашний день	
<i>Шутка автора</i>	69
Вот и зима пришла	70
Пройти спокойно и не замечать...	
<i>Шутка автора на внешние раздражители</i>	70
Так и живём...	71
Неведом путь...	72
Отношения с русским миром	73
Прожита жизнь, что ждёт нас впереди	74
Пора задуматься...	75
Душевные откровения	75
Бежим вперёд	76
Историческая память	77
Кручинится возраст...	78
Не раскрывай души своей	79
Поступки ценятся делами	80
В предназначениях разнятся роли	81
В жизни время до минуты сочтено	82
Мысль истинна...	
<i>О серьёзном с юмором</i>	83
Поэтами осень с любовью воспета	83
Проходит день	84
Уйму свою тоску у водоёма	85
Последний месяц предосеннего венца	86

Закончила виток природная спираль	87
Внучке Соне сентябрь шлёт привет	88
Не разгадать душевные загадки... <i>О серьезном с юмором</i>	89
Чувство жизни	90
Неотразимые в июле вечера...	91
Отмолим ли всемирные ошибки?...	92
Я вскинул руки для объятий...	93
Зачем живём	94
Любимый край	95
Холодный свет луны	96
Дай, Боже, сил...	97
Жара...	97
Откровения братского народа...	98
Луч солнца	99
Загадки и секреты	100
Развеять тень заблудшего тумана...	101
Наша душа	102
В девяностых...	102
Проходят спешно дни	104
Согласие, покорность, понимание...	105
Приход весны...	106
Куда мы пришли...	107
Забыть нельзя...	108
Твой милый взгляд	109
Запутались...	110
Пришла весна	111
Бегут ручьи	112
Не грущу...	113
У края обрыва...	113
В родной стране не может быть чужих...	114
Письмо к недружелюбным европейцам...	115
Судьбой дано состариться нам вместе	116
Чувство тревоги	117
Ушло, уплыло наше лето	118

Покоя для души прошу	119
Зимний лес	119
Земные ценности	120
Праздничные будни	121
Догорает закат...	122
С надеждой в Новый год...	123
Зарделось окно на заре...	124
Зима всё ближе подступает...	125
Ночная красота...	126
Мы верим...	126
Дни бегут...	127
Навевают мне мысли тревогу	128
Новый год зачарует нас сказкой	129
Природные нюансы...	130
Любовь это награда...	131
Тонкие разъяснения...	132
Приходит грусть осенними ночами...	132
Плачет осень...	133
Встречайте с радостью рассветы...	134
Куда идём толпой...	135

Лунное ожерелье. Повесть

Часть 9. Возвращение домой	139
Часть 10. В поисках сбыта сокровищ...	146
Часть 11. Подготовка к морскому путешествию...	157
Часть 12. Морские приключения	176

Загадочное приключение на рыбалке. Рассказ 193

16+

Литературно-художественное издание

Харипончук Александр Владимирович

Берёзовый край

Избранные стихи и проза

Выпускающий редактор О. Дмитриева

Корректурa: Л. Ильина

Компьютерная верстка: Т. Упорова

Дизайн обложки: А. Горбачев

Подписано в печать 10.03.2023

Формат 60x90/16

Бумага офсетная

Тираж 70 экз.

ООО «Издательство РСРП»
123308, Москва, пр-т Маршала Жукова, д. 2

по заказу ООО «Стихи»
127006, Москва, ул. Малая Дмитровка, д. 29, стр. 1
Тел.: +7 (495) 215-14-25
www.izdat.ru
www.stihi.ru

Родился в 1955 году в Орловской области, где живёт по сей день. Окончил Смоленский институт физической культуры и спорта. Основную часть жизненного пути посвятил детям, преподавая борьбу самбо и дзюдо.

Пишет стихи и прозу с юношеских лет. С 2017 года публикуется в альманахах «Поэт года», «Стихи», «Проза», «Каталог современной литературы». Член Российского союза писателей. Номинант литературной премии «Поэт года». Автор книг «Ливенские зори» (2019) и «Ливенских зорь отраженье» (2021).

«Берёзовый край» – третья книга Александра Харипанчука, в которой так же, как и во всём творчестве писателя, прослеживаются строгость и точность формы, душевность и тонкий лиризм.

*Проходят спешно дни, мы, будто извиняясь,
Ведём с собой серьёзный, важный диалог.
Дорога в жизни нашей, часто извиваясь,
Штрихом размашистым рисует эпизод...*

*Распоряжаться вечностью нам не дано,
Вселенский разум мудро всё считает.
Да, в жизни время до минуты сочтено,
Зря не спешит, к концу не опоздает...*

ISBN 978-5-4477-3651-4

9 785447 736514

ИЗДАТЕЛЬСТВО
РОССИЙСКОГО
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ